

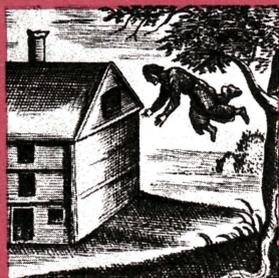
4

1991

ВОКРУГ СВЕТА

КАК ПОДНИМАЛИ
СОКРОВИЩА
«КРОНЫ»

ДРЕВНИЕ
СТРАХИ

С ПАЛОМНИКАМИ
НА ВАЛААМ

ФЕДОР КРЮКОВ:
КАЗАКИ ТИХОГО
ДОНА

Наконец подошла и моя очередь, я опустился на колени, склонил голову и произнес негромко:

— Грешен я, бабушка. Очень грешен перед Господом Богом. Примите мою покаянную исповедь, отпустите грехи...

Давно дожидался я благостной минуты очищения, давно чувствовал в себе скверну бесову, вошедшую в плоть и в кровь мою, жаждал, чтобы нечистый дух наконец вышел и освободил душу мою... Было что рассказать святому отцу, было в чем покаяться.

Однако минуты через две-три возникло ощущение, что слова мои сокровенные улетали куда-то и терялись без эха под холодными сводами храма. Ощущение это усилилось, когда святой отец, на вид совсем молодой, но уже с заметной одышкой, сидевший, чуть развалившись, рядом на стуле, как-то безразлично, невпопад задал дважды один и тот же вопрос: «Как имя твое?» Но по имени ни разу не назвал. Потом спросил, есть ли дома икона и венчался ли я с женой? По-

Михаил АНТОНОВ

ИСПОВЕДЬ ПОСЛЕ ИСПОВЕДИ, или Путешествие с паломниками на Валаам

лучив, конечно же, отрицательные ответы, он опустил мне на голову накидку из тяжелой плотной ткани, перекрестил. Вот, собственно, и все.

Я встал, приложился к кресту, к Библии, поблагодарил и пошел к выходу из собора — голова моя шла кругом.

Покаяния не получилось, хотя грехи и отпущены. В Бога я верил всегда, в чем немалая заслуга моей бабушки, царство ей небесное... Вслух, правда, признаться в этом боялся. И в церковь не ходил, так из моего поколения никто не ходил. Жил как все — учился, работал. И комсомольцем был. Но когда привычная жизнь сломалась, закружилась, ожесточилась — задумался. Так ли жил? Не обманулся ли? И ощутил в себе тогда скверну бесову: непреодолимо стало желание исповедаться, уйти от прошлого...

С волнением, с ожиданием чуда ехал я на Валаам, в этот северный Афон Православия, ехал не с простыми туристами — с паломниками.

Сперва складывалось все как нельзя лучше. Из Ленинграда теплоход «Короленко», арендованный на сезон Подворьем Валаамского монастыря,

отшел строго по расписанию. Моросил дождь, низкое пасмурное небо опускалось к самой Неве, но погода никого не смущала. Все собрались на верхней палубе и чего-то ждали.

Сколько было среди нас настоящих паломников? Сказать не берусь. Но человек пять-десять наверняка. С отрешенными, сосредоточенными лицами стояли они. Остальные шестьдесят — скорее зрители, заблудшие овцы вроде меня, ищущие своего пастыря.

Несколько же человек — рослые парни — попали на теплоход, как мне показалось сперва, случайно — ни в Бога, ни в дьявола они, похоже, не верили и никогда не поверят. Их пустые глаза говорили только о пустоте душ... Прости меня, Господи, не мне быть судьей, я всего лишь свидетель. И не более.

Так вот, стоим мы на борту, мерзнем. Но никто не уходит, все смотрят на берега, на Неву. Когда справа показались стены собора Александра Невского, одна из женщин вдруг запела. Все они, настоящие паломники, тоже запели. Не сговариваясь, разом.

К сожалению, этих песен я не знаю, слышал впервые. Ведь по радио акафистное¹ пение не передают, по телевидению не исполняют. То были старинные песни-молитвы, они, как холодный северный воздух, наполнили все вокруг — реку, берега, палубу — и были на удивление прозрачны и ясны.

Женщины, исполнявшие их, тоже на глазах преобразились, — исчезла печать заботы, которая глубоко, нет, не вошла, а вонзилась в лица наших женщин. Увы, забота и печаль — знамение нынешнего смутного времени. И вдруг христианская песнь среди реки — побеждающая и исцеляющая. Как глоток радости.

Я подошел ближе, чтобы разглядеть лица поющих, чтобы вслушаться в их голоса, и каково же было мое удивление: рядом с поющими женщинами, уже немолодыми, стояли те самые рослые парни. Они тоже пели. Значит, они знали эти песни?!

Один высокий, в сером костюме,

¹ Христианское хвалебное церковное песнопение, исполняется стоя всеми присутствующими.

**ВОКРУГ
СВЕТА**
ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
1861

4

1991

**Ежемесячный
научно-
художественный
журнал
путешествий,
приключений,
фантастики**

**УЧРЕДИТЕЛИ:
трудовой коллектив
редакции журнала
«Вокруг света»,
издательско-
полиграфическое
объединение
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»**

**В 1982 году
журнал награжден
орденом Дружбы
народов**

**Адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а,
16-й этаж**

**Телефоны:
для справок — 285-88-83,
отдел писем — 285-88-68,
«Искатель» — 285-80-10**

**Телетайп (внутрисоюзный) —
114167 ЭССЕ «Вокруг света»**

**Телекс (международный) —
411261 ФАКЕЛ «Вокруг света»**

Факс 972-05-82

**Перепечатка материалов
с разрешения редакции**

© «Вокруг света», 1991 г.

весь такой вроде бы ласковый, довольный малым, всепонимающий. Другой, пониже ростом, тоже свойской такой. И третий был их круга, правда, лицом похестче... Я уже не слышал песню, точила мысль: «Откуда так знакомы их лица?»

Нет, ни слова дурного, ни мысли дурной: я не брошу в них камень, ибо сам не без греха. Но я их вспомнил по временам, когда они еще, наверное, ходили в детский сад. Тогда проходила «комсомольская юность моя». Она-то и напомнила о себе здесь, на теплоходе, среди поющих паломников.

Точно такими же были мы в их возрасте! Мы-они стояли сейчас на палубе и пели религиозные песни с таким же старанием и усердием, с каким еще недавно пели о «зеленом моретайги». Мы тогда поклонялись одному богу, они сейчас — другому, но ни в том поколении, ни в этом не было истинной веры, а была лишь привычная форма, удобная для жизни.

Это нечаянное открытие повергло меня в глубокую печаль. Обидно стало не только за годы, прожитые под знаком двойной морали. Обидно стало за песни, что текли над Невой. Помоему, нам, «хомо советикусу», как результату абсолютно неестественного отбора более к лицу песенное бодрячество, безрасудство, чем эти глубокие мотивы, сострадание и тишина, которые остаются в душе после песни. Как мало ныне людей, способных понять и принять эту исцеляющую тишину...

Вот такое пришло на ум. И не заметил, как остался позади собор Александра Невского, как женщины кончили петь и разошлись по каютам, готовясь к ужину.

На палубе остался только батюшка, совсем еще молодой. Он стоял в черной рясе и без головного убора, ветер лохматил его длинные волосы, но батюшка не замечал ветра. Он стоял у бортика и смотрел куда-то вдаль, думая о своем. Мне бы подойти, открыться... Однако я пошел в каюту.

Описание каюты недостойно внимания: обычная, аккуратная каюта, если бы не одна деталь в ней. В красном углу в стену ввинчена икона современной работы. Холодная, безразличная рука изобразила то ли на фанерке, то ли на клеенке некое подобие Божьей Матери, которой нам, паломникам, полагалось молиться в пути.

Я смотрел на нее и не мог понять, икона ли это? И вообще не та ли рука рисовала ее, которая прежде рисовала русалок и лебедей или комсомольцев с кирпичными лицами? Похоже, человек с двойной моралью пробрался и сюда. Нет, не принесут новые «иконы» мировую славу Православной церкви, не затмит эта продукция работы знаменитых русских иконописцев. Теперь старинные иконы в храм не несут, их выставляют на прилавок, торгуя их-под полы и открыто. Лихие коробейники в Москве на Арбате и в Измайлове заламывают не-

имверные цены. Убеди их мало войдут, их товар уходит за твердую валюту.

Сморщенной Божьей Матери, ввинченной в стену каюты, молиться не хотелось. Она не из Храма Божьего, не из светлой Религии Христовой, она из дешевой светокопировальной мастерской, в которую по разнарядке снабженцы не завезли какой-то очень важный компонент, поэтому слишком современной получилась «икона» — бездуховной!..

Мои грустные размышления прервало судовое радио: объявили об ужине. Он будет в ресторане, хотя правильнее бы сказать в «трапезной». С тех самых пор, как «Короленко» закрепили на паломнические рейсы, не стало ресторана, ибо паломникам не положено скоромное, отвлекающее, мешающее и толкающее на греховные влечения.

Рисовая каша на воде, одобренная ложкой растительного масла, была чуть размазана по дну тарелки. Хлеб. Чай. Вот и весь ужин. И слава Богу. Но прежде чем приступить к еде, по христианскому обычаю полагалась общая молитва.

И опять я не смог молиться. Еще одна бездушная икона! Она висела на стене ресторана. Может быть, по чьему-то мнению, верующий не должен замечать фальши и вообще всего того, что мне, малосведущему в религиозных обрядах, кажется важным и обязательным? Больше того, необходимым. Присутствие старинной иконы, например.

В старинной иконе я вижу символ времени, знак традиции, помоему, это благовест, желанное послание прошлых поколений христиан нам, выросшим под образами совсем других богов. И устави́м от дешевых поделок, которые заполнили наши дома, думы и души...

Предрассветным туманом встретил нас Валаам. Прямо из воды росли его каменные острова, убранные сосновой хвоей. Вода, камни и сосны. А поверх них — Никольский скит, только что паривший над озером и, подобно жар-птице, присевшей передохнуть на острове, как раз около входа в Монастырскую бухту.

Купол скита блестел золотом — солнце уже поднялось из воды... Даже дух захватывало от благодати, явившейся на землю. Вот откуда идет она, сила христианская.

В Монастырскую бухту войти просто — берега подступают к самому теплоходу, он едва умещается в узком ложе, которое оставила Ладога для прохода к святыне Валаама, к Спасо-Преображенскому собору, венчающему центральный ансамбль монастыря.

Я стоял на палубе и чувствовал, как сжималось сердце от величия, открывавшегося взору. Величия природы и предков... Неужели что-то святое еще сохранилось у нас?! И в нас?!

На грешную землю вернули сарай

на берегу, как раз под обрывом, над которым высится собор. Как же нелепы эти сарай и как чужды здесь. Так же как и гора бревен, забытая около причала. Верхние бревна еще годились на дрова, а нижние давно и безнадежно стнили.

Около пристани стояли два грузовых судна, грязные, неряшливые, они что-то привезли для Валаама — рядом на берегу валялись ящики, бочки с краской, опилки, щепки... Здесь мы и ступили на святую землю.

Обычно большие пассажирские судна в Монастырскую бухту не заходят. Туристов привозят в Большую Никоновскую бухту, она в километрах шести. А сюда их доставляют суда местной линии. «Короленко» же — исключение. Из-за паломников, конечно, которым надо быть ближе к храму.

Уже год, как открыт Спасо-Преображенский собор. Уже год, как на острове поселились истинные хозяева монастыря: десять монахов вернулись в обитель после пятидесятилетнего отсутствия. Уже год, как началась новая история Валаама.

А корни этой истории уходят в века.

Поначалу валаамские монахи относились к Кирилло-Белозерскому монастырю. Однако в 1720 году получил самостоятельность. Настоятели монастыря — игумены — избирали из валаамских братьев. История игуменства — это история монастыря. Боже, какими же великими были предки...

Они сами, без помощи государства, после шведского разорения, ураганом нагрянувшего в XVII веке, подняли монастырь. Поэтому первым игуменом стал строитель Ефрем. В пору его игуменства и позже едва ли не все обитатели Валаамского братства носили почетнейший титул «строитель»: иеромонахи Сава, Иосиф, Тихон. Их имена — в разряде святых.

Строитель Иосиф, например, едва не погиб в служении Валааму. Сильная буря однажды опрокинула ладью, в которой инок Иосиф вел необходимое для монастыря. Все утонуло, только он удержался за кормило. Сутки носила его Ладога, сутки вопил он к Богу и к дивному в морях Святителю Николаю. И был услышан! Волны выбросили инок Иосифа на берег «еле жива суца». Рыбаки подобрали его, однако, едва выздоровев, он снова пошел на Валаам. Пошел строить храм!

Иным был игумен Назарий, «от юности хранитель девства и целомудрия». Бог одарил его обильным духовным рассуждением. Его изречения — памятник духовной опытности и мудрости, по которым потом жил Валаам. Вот некоторые из них: «Иметь чистую и откровенную совесть», «Дело в руках, молитву в устах, очи в слезах, весь ум в благомыслии иметь», «О себе рассуждать и себя осуждать», «Любить нищету и нестяжание, яко многоценное сокровище».

При игумене Инокентия, который подавал собою пример усердию, Валаамская обитель достигает цветущего состояния. И не столько при помощи Божьей, сколько трудами, усердием и дарованием монастырской братии.

А вот что мне показалось особенно любопытным и актуальным в истории Валаама XIX века — при игумене Ионафа-

не, отличающемся добрым и тихим характером, в монастырской среде начали появляться люди с «поврежденной верой». Они, закостеневшие во зле, пытались разлить яд в души христианские. Но Ионафан своим «отлично честным поведением» (так сказано в указе духовной консистории) обезоруживал злодеев, святая тишина монастырской жизни исцеляла их...

И еще одно обращает на себя внимание при беглом взгляде на историю Валаама — как же дружно строили монахи. Все только сами! За период с 1850 по 1870 год едва ли не каждый год монастырь получал прибавление. Это и скит Всех Святых, и каменный храм во имя Святителя и Чудотворца Николая, и простые дома, и гостиницы, и хозяйственные мастерские, и заводи... Все для себя, для людей, все для служения Господу. Тем и жили.

При монастыре была богатая библиотека, духовный родник, бесценное хранилище духовно-нравственных изданий, от которых, к сожалению, не осталось и следа. Так же как ушли в безвременье богатые сады, огороды, фермы Валаама.

Эти уединенные острова в XIX веке познали еще и славу просветительского центра северной России. В монастырской школе и мастерских мальчики-подростки, по большей части сироты и дети из беднейших семей, учились грамоте и ремеслам. А потом, после обучения, юноши уходили в мир либо оставались в обители, принимая монашество. Любовь и попечение о юных подвижниках благочестия прежде очень отличали Валаам.

Мирские люди, паломники всегда стремились на Валаам поклониться его святыням, вдохнуть успокоения. И всех с терпением и готовностью принимали игумен и его помощники, для всех у них были благословение, совет и помощь. С очищенными душами мирские люди уезжали с острова...

Ныне имя игумена монастыря — Андроник. Это его, как выяснилось позже, я видел на палубе в глубоком раздумье.

Игумен Андроник вышел на берег вместе с нами. В одной руке он держал большую спортивную сумку, в другой — сверток. Балансируя поклажей, стараясь не споткнуться и не ступить в грязь, он прошел через пристань и направился к своему дому, видневшемуся невдалеке. А мы пошли к собору.

Около пристани, на зеленой лужайке, хорошела пролетная часовня во имя иконы Богоматери «Всех скорбящих радость». Построена она «усердием бывшего настоятеля игумена Гавриила в память посещения Валаама Его Императорским Высочеством Великим Князем Владимиром Александровичем». Ныне никакой иконы там нет, зияет пустой проем вместо нее. Почему безликой ос-

Фото В. ГРИЦЮКА
и В. СЕМЕНОВА

тается часовенка, а значит, по сути, и безымянной? Оказывается, если вернуть в проем икону, то рядом надо ставить автоматчиков. Иначе украдут святыню.

За часовой — каменная лестница в 62 ступени, поднявшись по которым начинаешь догадываться, каким было валаамское чудо. Правда, для этого требуется воображение, чтобы в заброшенном, запущенном мире, который обосновался на монастырской земле, увидеть тот монастырь — первозданный.

Пятьдесят лет — полвека! — сделали свое. С 1940 года, как подняли красный флаг над святыми воротами, чего только здесь не было, и все оставало следы-раны, которые никто и не думал лечить. Сперва в монастырских домах разместили школу боцманов. Потом — подальше от глаз людских — закрытали интернат для инвалидов войны, людей безруких и безногих, ведь Валаам был непосещаем.

Быстро и тихо умирали бесхозные инвалиды войны, а в разрушающийся монастырь приходили другие убогие — люди из тюрьмы. Ныне они — костяк «коренного» населения. Пятьсот человек называют Валаам своим домом. Им некуда податься, никто их не ждет, они никому не нужны... Отбросы системы или ее порождение? Вопрос, что и говорить, философский.

Около святых ворот три дамы пропитыми голосами выясняли отношения с мужичонкой лукавого вида. От их «сильных» слов сотрясалась штукатурка. А неподалеку, из какой-то, видимо, кельи, во всю мочь магнитофон горланил похабщину, до краев заполнявшую внутренний двор. Да, жизнь есть жизнь...

Но мы шли, не замечая ее нелепостей. Шли к храму, закутанному с всех сторон забором и лесами реставраторов.

Заутреня. К ней положено готовить себя: не пить и не есть. Иначе — сердце глухо.

В Соборном храме, куда мы пришли, есть верхний зал и нижний. Верхний — в реставрации, нижний открыт. Минут десять понадобилось, чтобы привыкнуть и осмотреться. Низкие серые своды, мрачные темные стены давили. Запах заброшенности еще не выветрился. Тяжелый запах. Долгий. Может быть, его источали стены, с которых, словно кожа, сошла роспись? Краска грязными струпами свисала и с потолка.

Давили, конечно, не только стены. Безлюдье! Лишь мы, паломники, пришли на молитву. Никто из местных жителей — из пятисот человек! — не слышал, что ли, звона колоколов?

Церковь без людей!..

Мы долго оставались в почти пустом зале, поодиночке робко подходя к свечному киоску, за которым стояла миловидная молодая женщина в черном.

На витрине — все те же иконки на картонке. А цены на них! Никогда не думал, что фотокопии могут быть так дороги, да еще в христианской церкви, которая прежде проповедовала другую мораль — гуманную, милосердную... Смогут ли прихожане купить, например, «икону» ценою больше, чем иная пенсия? Или для кого предназначен этот грубой штамповки крестик, подвешенный на шпегате?

Все это мелочи для верующего человека? Не думаю. Ибо Христос сказал: «Безумные и слепые! что больше: золото или храм, освящающий золото?»

Новое открытие — бойкие «комсомольские» паломники, как я назвал их про себя, пристроились петь к исполнявшим службу священнослужителям. Убийственная нелепость: среди черных церковных одежд у наипростейшего алтаря мелькали джинсы и джемперы... Но на это, кажется, никто не обратил внимания.

Служба оставила впечатление спектакля, поставленного провинциальным театром, в котором извечные трудности с реквизитом.

Я стоял в этом «полуподвальном» храме, некогда прекрасном, но низведенном советской действительностью до его нынешнего состояния. Оставалось не молиться, а только сострадать.

После молитвы занял очередь на исповедь.

Больше я в храм не заходил — расхотелось...

В тиши островного леса только и чувствуешь прежнее величие Вала-

ама. Тишина и покой. Лишь редкие экскурсанты успевают заглянуть сюда. Здесь и закончилось мое паломничество. Сколько же чувств и мыслей всколыхнуло оно! Особенно после беседы с председателем сельсовета Анатолием Михайловичем Свиным.

На Валааме, оказывается, развернулась война... Первое, что потребовала церковь, получил Валаам: «Освободите остров. Это наш остров! Он всегда был нашим». Казалось бы, верно. Что ответили местные жители? «Нам уезжать некуда, монастырь вы бросили, он был ничейный, вернее, народный, как и все у нас, и вообще «мы давно так живем». Тоже вроде бы верно.

Монастырские власти предложили построить дом в Сортавале — городе на берегу Ладоги — для всех, кто пожелает уехать. Но таковых пока, кажется, не нашлось. Тогда... Вопрос ставится о насильственном выселении.

Интересно живут теперь на Валааме. Интересное христианство возрождается в Союзе. И кто только научил его на насилие отвечать насилием? На зло — злом?

Жители Валаама — это же будущая паства. Как же можно ее гнать? И куда? Свет христианского монастыря, когда зажжется, осветит ей первой дорогу к храму Христову. А потом всем нам, своим будущим паломникам и помощникам. Иначе... Иначе то будет уже не христианство — пародия на него.

Особенно огорчил председатель сельсовета, когда сказал, что монахи, люди в основном молодые, отказались пускать корни на святом острове, мол, не хотим терять московскую и ленинградскую прописку. И это — нынешние слуги Господни? Боже, они, как слепые, не ведают, что творят, спаси их.

Воистину «хомо советикус» применяет ясы на кожаную тушку. Что же сделалось с нами? Возрождаем церковь — палкой, религию превращаем в модную забаву... Неужели зло так глубоко влезло в нас?

Отходили от пристани вечером. Невдвней торжественности на душе, конечно, не было. Была усталость и тоска. Дул резкий ветер, и Ладога волновалась все сильнее, пока не всколыхнулась штормом.

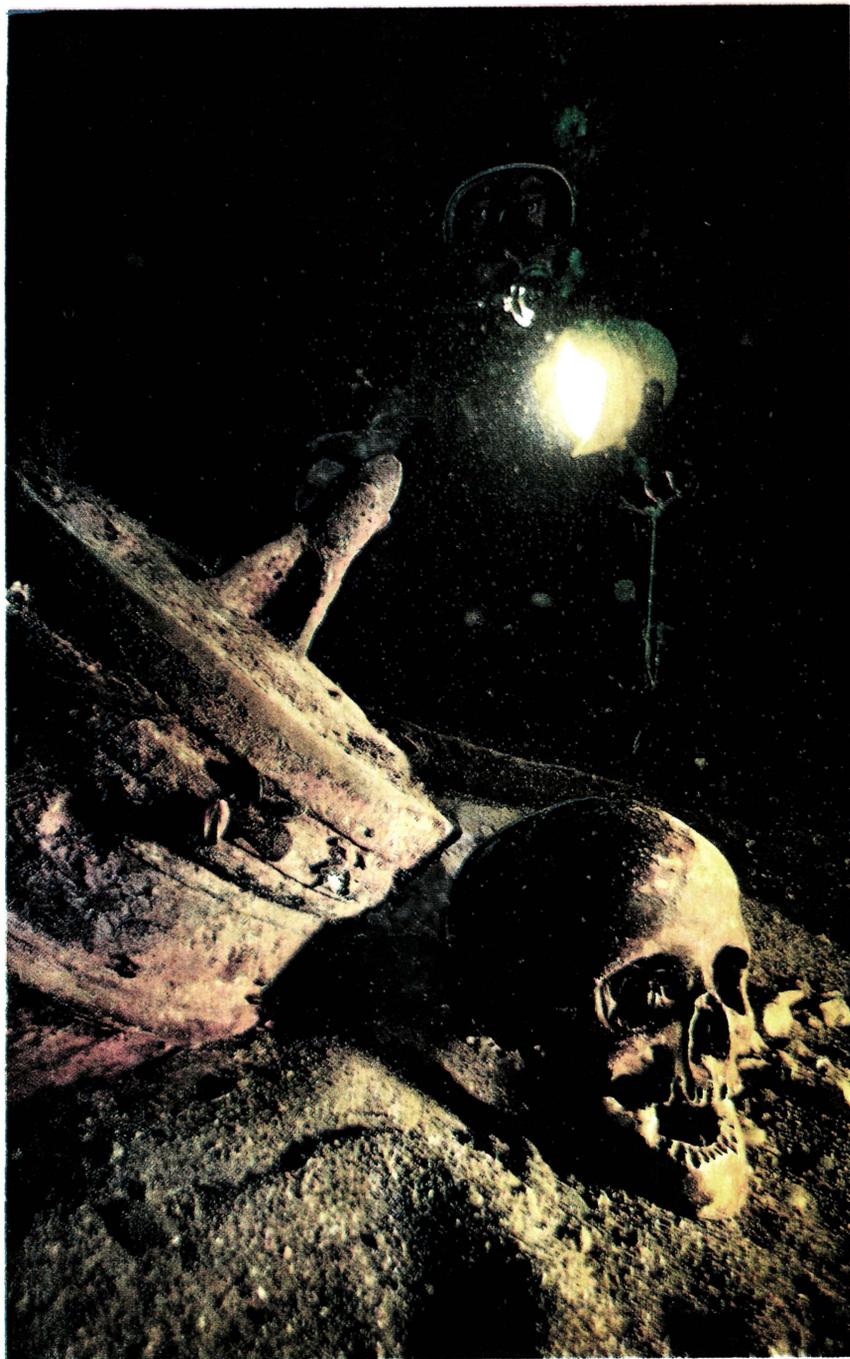
Штормило и на душе.

«...берегитесь, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец» (Евангелие от Матфея, глава 24, 4—6).

Волны били о борт нашего теплохода всю ночь — шторм бушевал до утра. А утром взошло солнце, и настал новый день.

Остров Валаам

КОРОЛЕВСКИЙ ФЛАГМАН

История «Кроны» хорошо известна в Швеции. В 1668 году этот военный корабль был спущен на воду, а уже летом 1674 года флагман шведского королевского флота «Крона» устроил роскошный прием в честь короля Карла XI. Эффектно украшенный деревянной резьбой, покрытый позолотой корабль имел 197 футов длины, 2350 тонн водоизмещения и был одним из самых больших в то время. Непревзойденная по вооруженности «Крона» несла на своих бортах 126 пушек. Она была гордостью Карла XI и самым мощным кораблем его флота.

В 1676 году «Крона» была послана сражаться на Балтику вместе с другими шестьюдесятью шведскими военными судами. Дания поклялась отвести свои балтийские провинции, захваченные шведами примерно два десятилетия до этого, а голландцы присоединились к датчанам после объявления войны.

В первом сражении против объединенного датско-голландского флота «Крона» дралась успешно. Маневрируя позади датского адми-

ральского флагмана, своим бортовым залпом она пробила в его корме такую дыру, что, по словам одного шведского канонира, можно было проехать через нее на карете, запряженной четверкой лошадей! Однако это была единственная победа «Кроны». Недели спустя флоты опять сошлись около острова Эланд. Под всеми парусами, при порывистом ветре «Крона» сделала резкий поворот, чтобы встретить противника. Этот маневр оказался смертельным — огромный корабль опрокинулся набок, погрузив пушечные порты в воду. Как только мачты и паруса коснулись воды, страшный взрыв расколол его пополам, и «Крона», которую строили целых семь лет, всего лишь за несколько минут ушла под воду, а вместе с ней 850 человек. До сих пор ее гибель остается в шведской военно-морской истории одной из самых величайших потерь.

Известный морской историк и инженер Андерс Франсен давно интересовался историей «Кроны». В 1950 году он предпринял первые попытки поисков ее останков, в том месте, где, как считалось, они покоятся. Поиски ни к чему не привели, и Франсен начал исследования стокгольмской бухты. Здесь в 1956 году он и обнаружил столь же знаменитую, из числа затонувших кораблей XVII века, «Вазу».

Как и «Крона», «Ваза» не была рассчитана на то количество пушек, которое на нее загрузили. В итоге при налетевшем шквале, потеряв остойчивость, она опрокинулась и затонула около Стокгольма в самом начале своего первого плавания в 1628 году. Через три с лишним столетия Франсен поднял ее неповрежденной, и она была установлена для постоянного осмотра около Стокгольмской гавани. В 1979 году Франсен возобновил поиски «Кроны» в водах Балтики к востоку от Эланда.

Место гибели судна долгое время оставалось невыясненным. Судя по свидетельствам того времени, сражение происходило в нескольких милях к востоку от прибрежной деревушки Халтерстад, где несколько дней спустя на берег вынесло тела моряков «Кроны». Площадь, которую предстояло обследовать, была огромной — многие и многие квадратные мили морского дна, а предмет поисков относительно невелик: при взрыве судно вполне могло развалиться на куски.

Во время поисков «Вазы» Андерс Франсен работал один, но, чтобы найти «Крону», необходимы были коллективные усилия. В этой работе ему помогали трое друзей и коллег-инженеров: Бенгт Гризелл, Стен Альберг и Бенгт Бёррессон. Вместе они снарядили небольшое исследовательское судно с гидролокатором и в июле 1979 года отправились на поиски «Кроны».

С самого начала им мешало частое явление на Балтике — термоклены, или колебания уровня воды при резких изменениях температуры. Эти колебания служат помехой гидролокатору, а магнитометр, который они стали применять позднее, порой оказывался чересчур чувствительным. Один раз, когда этот прибор тащи́ли на канате опущенным глубоко под

гаться, фиксируя значительную массу металла внизу. Примерно в этом же месте девять лет назад спасательное судно, принадлежавшее шведским военно-морским силам, подобрало несколько дубовых досок, явно пролежавших под водой долгое время. Переговорив об этом, они решили спустить вниз телевизионную камеру.

Надолго археологам запомнится тот момент, когда они впервые увидели «Крону». Под 36-метровым слоем воды лежали орудия, рассыпанные по морскому дну среди нагромождений корабельных балок, — больше полдюжины красивых бронзовых стволов. В то время как камера с дистанционным управлением показывала их, Андерс Франсен безмолвно ожидал какого-нибудь доказательства того, что его тридцатилетние поиски подошли к концу. Вскоре на стволе одной шестифунтовой пушки высветилась надпись: «Vive le roi — 1628». Дата этого открытия — 8 августа 1980 года, а место — четыре мили к востоку от шведского острова Эланд. Пушки принадлежали «Кроне».

Как большинство флагманских ко-

воду, он зарегистрировал грозовую бурю, разразившуюся в восьмидесяти милях от этого места — на советской стороне Балтики!

К разочарованию археологов, первый сезон не принес никаких результатов — они исследовали больше тринадцати квадратных миль морского дна, не найдя ничего. Создавалось впечатление, что «Крона» не просто развалилась на части, но что эти части лежат на дне, занесенные толстым слоем морского грунта. Тем не менее они решили попытаться еще раз.

Удача нашла Франсена и его коллегу спустя год, в один из августовских дней, когда они буксировали магнитометр на канате вдоль дна точно к востоку от Халтерстада. Стрелки на панели прибора, находящегося на борту судна, вдруг стали дер-

раблей того времени, «Крона» была плавающим музеем трофеев. Ее оружие состояло из пушек стран всей Европы, захваченных в сражениях или купленных у литейных заводов. Самая старая, которую в конце концов извлекли, была немецкая, отлитая в 1514 году — больше чем за полтора века до того, как «Крону» спустили на воду. Вполне может быть, что это орудие носили на своих бортах больше полдюжины различных военных кораблей, прежде чем оно утонуло с «Кроной». Другие пушки отливались в Швеции, Дании, Австрии и во Франции.

По прошествии нескольких часов археологи стали нырять на затонувший корабль с аквалангами. Вскоре они обнаружили, что, хотя судно сильно разрушено взрывом, остались хорошо сохранившиеся части. Массивные кормовые балки стояли соединенные вместе, словно гигантский треножник поднимался со дна на четыре метра.

«Крона» опустилась на дно боком, и верхняя часть правого борта оказалась полностью разрушенной, нижняя же частично сохранилась. Позже обнаружилось, что большая часть левого борта, лежащего на дне и засы-

панного песком и илом, тоже выдержала испытание временем, да так успешно, что некоторые пушки все еще выглядывали из своих портов. Нос судна развалился совершенно, было похоже, что он отломился во время взрыва и был просто унесен течением.

Но сам по себе корабль был ничто в сравнении с тем огромным количеством старинных предметов, которые археологи вскоре извлекли. За десять лет, следовавших за катастрофой, шведы интересовались в основном тем, как достать ценные для них пушки, и им удалось вытащить примерно половину. Но, к счастью для Франсена и его товарищей, они не обращали внимания на десятки тысяч предметов повседневного пользования, ушедших на дно вместе с командой «Кроны». Для археологов они гораздо ценнее пушек, поскольку сами по себе воссоздают в деталях образы корабля и людей, которые на нем плавали. Больше других интересна личность барона Лоренца Кройца — адмирала, который привел «Крону» к гибели.

Это была первая морская кампания шестидесятилетнего Кройца, его перевели на должность адмирала шведских военно-морских сил с поста гражданского советника Карла XI. Профессиональные адмиралы, формально подчинявшиеся Кройцу, презирали его, нарушая его приказы или игнорируя их.

Ради справедливости следует заметить, что Кройц, являясь командующим всем шведским флотом, не был капитаном «Кроны». Фактически корабль находился под управлением трех капитанов-профессионалов, и их трудно оправдать за такое управление судном.

Доставая с «Кроны» личные вещи, археологи узнали Кройца и некоторых его офицеров так же хорошо, как своих друзей. Одна из самых трогательных вещей среди 17 тысяч предметов, которые они пока доставали, — золотое кольцо с инициалами LCD, выгравированными с внутренней стороны. Эти буквы означают: Лоренц Кройц Дюваль; вторая фамилия принадлежит жене адмирала, происходящей из столь же древнего рода.

Эльза Дюваль умерла за год до этой битвы, и кольцо, очевидно, принадлежало ей. Оно было расточено, видимо, для того, чтобы его мог носить Кройц. Хотя тело адмирала вынесло на берег близ Халтерстада без кольца, он им явно очень дорожил, если взял с собой в море.

Адмирал был человеком с тонким вкусом, о чем, например, свидетельствует кожаное кресло с фамильным гербом, выгисненным на спинке, с инициалами L.C.E.D., видимо — Lorentz Creutz и Elsa Duvall. На кораблях XVII века кресла были большой редкостью; матросы и офицеры сидели на деревянных скамьях или сундуках. Такие кресла можно было найти лишь в изящной обстановке

королевского дворца, где Кройц провёл не один год, очевидно, он не считал возможным отказаться от них и на корабле.

Несмотря на свою неопытность, Кройц в первом же сражении против датчан и голландцев бесперерывно поуждал своих адмиралов атаковать, и часто напрасно. А в роковой день 1 июня у острова Эланд шведский флот вступил в бой преждевременно — обстоятельство, приведшее «Крону» к гибели. Когда корабль начал разворот, чтобы встретить неприятеля, Кройц, как говорили, закричал: «Именем Бога заклинаю, чтобы нижние порты были закрыты, а пушки закреплены, так чтобы нас не постигла участь «Вазы»!» Однако, по другому свидетельству, его даже не было на палубе, поскольку он лежал в каюте, страдая от случившегося утром сердечного приступа. Впрочем, это вполне может быть и неправдой, так как у Кройца не было недостатка в недоброжелателях на борту «Кроны».

В любом случае приказ задраить пушечные порты поступил слишком поздно. Когда комендор Андерс Гилленспак спустился вниз, чтобы посмотреть, как выполняется приказ, он увидел, что «дула всех пушек погружены в воду... порты закрыть было уже невозможно: корабль накренился так сильно, что пушки нужно было вытягивать почти вертикально...». В это же самое время на противоположном борту канониры нижней орудийной палубы, оказавшись среди обезумевших крыс, оцепенели от ужаса; в следующую секунду сорвавшиеся с талей пушки вместе с ядрами обрушились на головы беззащитных людей.

В тот момент налетел шквал и опрокинул «Крону» — ее паруса и мачты оказались в воде. Через несколько секунд раздался страшный взрыв. Никто не знает, от чего он произошёл, вероятнее всего, пальник с тлеющим фитилем попал в главную крюткамеру. «Крона» и ее команда, за исключением сорока двух человек, исчезли в гигантской вспышке.

Одним из уцелевших был Андерс Спарфельт, чья история стала легендой. Ему исполнилось тридцать один год, он был майором шведской армии. Взрывом Спарфельта подняло на высоту около 60 метров, он пролетел мимо мачт двух неприятельских судов и упал невредимым на паруса шведского корабля «Дракон». Его чудесное спасение современники приписывали особой благосклонности Бога. Но на этом Божьи милости по отношению к Андерсу Спарфельту не закончились. Он не только остался жив после этого сражения, но и получил звание генерал-майора. В 1708 году он был назначен губернатором шведского острова Готланд на Балтике, где заслужил много наград. Спарфельт умер своей смертью в возрасте 85 лет.

Чудеса были редкостью на «Кро-

не» в тот день, и большая часть находок свидетельствовала о внезапной и быстрой смерти членов экипажа и солдат. Особенную жалость вызывали у археологов останки и личные вещи человека, которого прозвали Гигантом. Они нашли только нижнюю часть его скелета, причем чулки и кожаные туфли все еще держались. Анатомическое обследование костей ног показало, что он был необычайно высок — около двух метров — по сравнению со средним ростом шведа XVII века, равным примерно 165 сантиметрам. Кроме того, гигант был богат. Среди его вещей найдены ручные часы, большая медная пряжка от пояса, золотые с эмалью запонки и искусно позолоченный эфес шпаги, золотое кольцо.

Кем он был? Наверное, этого никто уже не знает, но вполне возможно, что это 26-летний сын Кройца Густав. Густав находился на борту «Кроны», и очевидцы утверждали, что он утонул, хотя его тела на берег так и не вынесло. Однако лабораторные анализы останков гиганта показали, что одна из его лодыжек была сломана, а потомросла. Такое повреждение распространено в том роде войск, где служил Густав, будучи профессиональным кавалерийским офицером. Среди его вещей археологи нашли маленький золотой брелок в виде черепа — популярная безделушка в Европе XVII века. Вероятно, он был пришит к камзолу и символизировал хрупкость человеческой жизни.

На «Кроне» служили члены еще одной фамилии, которых постигла та же участь, что и обоих Кройцев. Свен Олофссон Рэм был морским горнистом — такая должность полагалась только на военных кораблях, имеющих адмирала на борту. Среди поднятых предметов обнаружили помятый медный горн, который, вполне вероятно, мог принадлежать Рэму.

Как флагманский корабль, «Крона» имела не одного горниста, а пятерых. Для семьи Рэм трагичным оказалось то, что одним из них был сын Свена — Олоф Свенссон Рэм, а другой, Ханс, литавщиком.

Погибшим и пропавшим без вести морякам «Кроны» их соотечественники оказали немного почестей. Вынесенные на берег близ Халтерстада тела были похоронены в общей могиле в углу дворика деревенской церкви. В память о них не поставили даже камня.

По останкам тех, кто утонул, археологи многое узнали об особенностях жизни команды на судне XVII века. Восемьдесят обнаруженных пока скелетов большей частью принадлежали людям, которым было за тридцать. Останки обследовались Яном Линдбергом, одним из ведущих шведских патологоанатомов. Доктор Линдберг выяснил, что в большинстве это были вполне здо-

ровые люди, возможно, потому, что «Крона» находилась в море сравнительно недолго. В XVII веке члены команды военного корабля получали пищу один раз в день, и продолжительные плавания приводили к истощению.

Удивительной находкой оказался череп, который по форме и параметрам можно было отнести к женскому. Однако доктор Линдберг этого не утверждал категорически, поскольку не было никаких записей, что на борту «Кроны» находилась женщина. С другой стороны, в истории известен не один случай, когда женщин доставляли на борт военного корабля тайно.

Кто-то из экипажа, возможно, адмирал Кройц, взял с собой в море значительные ценности. Во время третьего сезона раскопок Ларс Эйнарссон, директор проводимых археологических работ, обследовал область кормы, где жили Кройц и его старшие офицеры. Там Ларс нашел 105 золотых монет, одна из которых — редкий дукат времен царствования Карла XI. В следующий сезон они нашли еще 150, доведя таким образом общее число до 255. Это самая большая куча собрания золотых монет, когда-либо найденная в Швеции. Было извлечено и множество серебряных и медных монет, включая далер — огромную квадратную монету, имевшую хождение в Швеции в XVII столетии. Как и многие другие предметы, найденные на «Кроне», все они сейчас выставлены в Кальмарском окружном музее.

Богатые и бедные, дворяне и простолудины — они прибыли со всех уголков страны и собрались на борту «Кроны» из всех социальных слоев шведского общества. В этом заключается уникальная ценность «Кроны», поскольку жизнь этого сообщества оборвалась внезапно 1 июня 1676 года. И 300 лет сохранялась эта поистине бесценная «временная капсула» Швеции XVII века. Например, медицинский сундук флотского хирурга археологи нашли в 1986 году с набором банок и бутылок, аккуратно расставленных внутри. Некоторые из бутылок сохранили остатки своего содержимого, и исследователи надеются в скором времени провести их анализ. Известно имя владельца сундука: Питер Шаллерус Грипенфлихт, доктор шведских военно-морских сил — медик, носящий для того времени самое высокое звание. Следом за бутылками из сундука извлекли принадлежавший ему блестящий медный офицерский нагрудник с вензелями Карла XI. Нагрудник надевался лишь во время церемоний и никак не мог спасти жизнь Питеру Грипенфлихту, который утонул или погиб во время взрыва. Сундук, разделенный на отсеки, также содержал керамические сосуды, стакан и оловянную посуду, латунную ложку, пригоршню ягод

можжевелика, оловянные бутылочные крышки и еще несколько предметов, для археологов пока непонятных.

Две записные книжки в кожаных обложках, которые сохранились в воде, были рассчитаны на то, чтобы вместо листов бумаги вместили пластинки воска — так легче стирать написанное и снова использовать. Вместе с ними найдены ручка и палочка для письма по воску, обложка от большого тома, видимо, сборника псалмов.

Обнаруженный также деревянный рундук принадлежал скорее офицеру, чем матросу. Там была бутылка из толстого стекла — нечто такое, чего не мог иметь простой матрос на борту корабля, красивая портупея, отделанная кожей и шелком, пороховой рог и пара рукавиц отменного качества. Еще там были дольки чеснока, горошины перца и корень имбиря — все рассыпалось по дну. Владелец рундука не был коком, просто он хорошо знал о том, что необходимо иметь с собой в море. Он знал старинные морские средства, используемые и по сей день: чеснок и перец — для лечения простуды, а имбирь — как лекарство от морской болезни.

В рундуке, помимо этого, обнаружены медные наперстки, пуговицы, крючки и петли вместе с пряжками, кольцами и брошью, изготовленной в виде льва, а также хорошо сохранившийся кусок материи.

Этот офицер, судя по всему, имел романтическую натуру: в углу рундука была спрятана удивительно сохранившаяся шелковая лента, когда-то украшенная цветком, — очевидно, память о некоей даме, оставшейся на берегу. Кто бы она ни была — возлюбленная, жена или просто подруга, — он любил ее и очень дорожил этим подарком. Возможно, он выжил и вернулся к ней, хотя шансов у него было немного.

Третий рундук содержал набор навигационных инструментов, включая циркуль, угольник, линейку, автоматический карандаш и тяжелую свинцовую чернильницу. Для прокладывания курса экипаж «Кроны» пользовался навигационными приборами, такими, как компасы, транспортиры и циркули. Песочные часы использовались для отмеривания времени при несении корабельных вахт. Пасажирский инструмент позволял узнать время ночью: Полярная звезда должна была быть видна через отверстие в центре, а подвижный рычажок ставился на одну линию с двумя околополюсными звездами, после этого можно было определить время по шкале.

Археологи нашли и небольшой шкаф с ящичками, которые сильно разбухли, так что их нельзя было выдвинуть. Чтобы определить содержимое, его просветили рентгеновскими лучами: в основном там лежали навигационные приборы, вклю-

чая солнечные часы. Затем задняя стенка была аккуратно снята и девять ящичков осторожно выдвинуты.

Таким образом, личные вещи открывали еще один аспект раскопок «Кроны» — человеческого: глиняная трубка со следами зубов на мундштуке, песочные часы с песчинками, застывшими во времени, пара маленьких циркулей с инициалами А. С. Очень похоже, что они принадлежали Андерсу Эрикссону Спаку, коменданту на «Кроне». Слово «Spak» означает «побег» (отросток) по-шведски, но незадолго до того, как «Крона» вышла в море, Спак получил дворянское звание и приставку к своей фамилии «Gullen» — «золотой», став, таким образом, «Золотым побегом».

За несколько лет археологи подняли с затонувшего корабля почти сорок красивых бронзовых пушек, включая шестифунтовую с надписью «viveleioi». Гораздо более тяжелая, тридцатифунтовая, имела даже персональное сообщение на немецком языке: «Jacob Shultes in Wien Gossnich — 1627» (Якоб Шульц отлил меня в Вене в 1627 г.). Шульц был одним из лучших в Европе литейщиков пушек, и одно из его произведений теперь хранится в Кальмарском музее. Записи свидетельствуют, что шведы захватили ее у немцев в 1631 году во время Тридцатилетней войны и использовали против прежних владельцев в 1660-м. Она также несет инициалы императора Священной Римской империи Фердинанда II и имя начальника его артиллерии Рудольфа фон Тойффенбаха.

Принимая во внимание то примитивное оборудование, которое тогда применялось, хотелось бы узнать, как же ныряльщикам в XVII столетии удалось достать с «Кроны» почти половину его пушек: около 80 из 126?

Ханс Альбрехт фон Трайлебен, шведский дворянин, немец по происхождению, занявшись организацией подводных работ, проявил себя настоящим гением. Он разработал проект ныряльного колокола в виде свинцового конуса, открытого снизу и достаточно большого, чтобы вместить одного человека. Ныряльщик мог сидеть под колоколом и, используя крюк на длинной рукояти, прикреплять к пушкам, лежащим на дне, канат, опущенный с поверхности, или же мог, задерживая дыхание и вынырнув из-под колокола, по крайней мере, две минуты работать снаружи. Главными трудностями были холод и собирающийся в колоколе углекислый газ, выдыхаемый ныряльщиком. О последнем обстоятельстве фон Трайлебен прекрасно знал, хотя кислород был открыт лишь через сто лет! О его таланте и мастерстве свидетельствует тот факт, что никто из ныряльщиков не погиб и даже серьезно не пострадал. Они вытаскивали 60 орудий за

четыре года — с 1682 по 1686-й. Некоторые из пушек весили до двух тонн — слишком большой вес для механизмов, установленных на спасательных судах, потому их поднимали к самой поверхности, а затем буксировали на мелководье.

Бенгт Гризелл, старый друг и коллега сотрудников Королевского Технологического института, основательно изучив архивы, изготовил колокол фон Трайлебена и несколько раз спустился с ним на «Крону». Некоторые специалисты сомневались, что колокол можно будет использовать на глубине ниже 24 метров, но Бенгт опустился еще глубже и работал даже за его пределами без особого волнения. Специальный костюм предохранял Гризелла от холодной воды. Его менее счастливые предшественники, видимо, опрокидывали стаканчик-другой, чтобы согреться.

Извлечение со дна пушек привело к важному открытию. Одна из критических проблем, перед которыми оказался человек в атомном веке, — проблема захоронения ядерных отходов, которые сохраняют свои смертоносные свойства тысячи лет. Где хранить их и какого типа должны быть контейнеры?

Стволы, которые доставали археологи, были бронзовые, из сплава меди и олова. Все они находились под водой более трех столетий; некоторые пролежали все это время под слоем глины и песка. Большая часть пушек абсолютно не испортилась: раз починенные, они выглядели почти как новые, будто их только что отлили.

Разрабатывая идеальный способ захоронения ядерных отходов, шведские радиохимики взяли ряд проб сплава, из которого сделаны стволы. Особенно их заинтересовал один с необычайно высоким содержанием меди: 98,5 процента. Их заключение: ядерные отходы в медных контейнерах, обложенные глиной и помещенные в коренную породу, могут безопасно храниться, по крайней мере, 100 тысяч лет.

Археологи все еще исследуют «Крону». Они откопали только около четверти обломков и прикинули, что для завершения работ понадобится еще не менее десяти лет. Однако важность такой работы неоспорима. При открытии Кальмарского музея три года назад почетный гость, король Швеции Карл XVI Густав, покровительствовавший проекту раскопок и сам нырявший на затонувший флагман, сказал: «Раскопки «Кроны»... значительное дело, важность которого трудно переоценить и которое простирается гораздо дальше области морской археологии... Вся эта работа и эти роковые события убедительно напоминают нам о нашей тесной связи с прошлым».

По материалам журнала
«Нэшнл джиографик»
подготовил В. ЖУРАВЛЕВ

КОРНИ И ЛИСТЬЯ...

Первого бирманского старика, с которым я познакомился, звали У Чжо Лвин. Я встретил его в пагоде Шведагон, самой чтимой в Бирме буддийской святыне.

Старый бирманец был одет в поношенную, но чистую и отглаженную клетчатую юбку, белоснежную рубашку без ворота и легкую полотняную куртку. Голову его прикрывал от палящего солнца кусок полотенца. Старик неспешно взбирался по ступеням пагоды с цветами в руках, чтобы возложить их Будде. Я обратился к нему с вопросом, как пройти к мемориалу бывшего Генерального секретаря ООН У Тана. Он явно никуда не торопился, и потому я позволил себе побеспокоить его. Старец был настолько любезен, что вызвался проводить меня. По пути мы разговорились о том о сем.

— Вообще-то я живу в семье сына, — поведал У Чжо Лвин, — но сейчас перебрался в монастырь. В свое время занимался торговлей, имел небольшой магазин, но, понимаете, ближе к старости начинаешь отходить от повседневных дел, бытовой суеты, уступаешь роль главы семьи сыну. А сам все больше думаешь о душе. Могу жить с детьми, а могу и покинуть семью и поселиться в доме признания при монастыре. Захочу — вернусь домой. Но... Зачем обременять детей? У них и без меня забот хватает...

Об этом обычае — уходить в старости в монастырь — я слышал и раньше. Дело тут не только в религиозности бирманцев. Важен сам принцип: старость требует отрешенности от мирских забот, отказа от мелочного вмешательства в жизнь молодых.

На Востоке старость и мудрость — синонимы. В чем же мудрость бирманских стариков? У Хла Шве, бывший кукловод традиционного театра марионеток, с которым мы познакомились в древней столице страны — мертвом и вечном Пагане, городе тысяч и тысяч буддийских храмов и пагод, — взялся объяснить это. Но для начала пригласил меня на представление кукольной труппы, которой руководит теперь его дочь.

— В ней есть божья искра, — заметил старый артист.

Действительно, спектакль был очень интересным: умелым рукам артистки повиновались принцы и драконы, факиры и злые духи. После представления за чашкой зеленого чая У Хла Шве пустился в неторопливые размышления:

— Посмотрите вокруг, когда-то Паган был центром могущественного королевства, здесь шумела жизнь.

ပိတောက် ငါးပွဲတော်

Сейчас же тут только небольшая деревня, известная разве что лаковыми промыслами. Столица теперь в Рангуне, а до этого еще была в Мандалае. Паган же — исторический, духовный центр страны.

Как говорят: «Есть время красоваться шпилем на башне и время лежать, как сухое дерево на земле». Так и в жизни человека. Каждому возрасту — свое. Мудрость наших стариков в том, что они живут в своем возрасте, по его законам...

Живя в Бирме, я все больше убеждался в истинности выражения: о моральном состоянии общества можно безошибочно судить по отношению к старикам и детям. От бирманцев часто слышишь, что для них уважение к старости — закон. Молясь, бирманец-буддист повторяет: «Будда, его учение, его монашеская община, родители, учитель». Это, как говорят бирманцы, — «пять объектов почитания», на которых держится бирманское бытие. Обратите внимание: в число тех, кто заслуживает наибольшего поклона, включены именно родители, а не дедушки и бабушки. И в этом — глубокий смысл, мудрость. Дети почитают прежде всего давших им жизнь, а те, в свою очередь, заботятся о своих родителях. Так сохраняется связь времен. Разумеется, внуки не забывают дедушек и бабушек.

Бирманские дедушки и бабушки всегда одеты очень опрятно и чисто. Мне ни разу не приходилось видеть

Дети и родители бесконечно серьезны: «Праздник дарования свободы маленьким рыбкам» написано на транспаранте. Сделать кого-то счастливым — это ведь очень важное дело.

здесь запущенных, неряшливых стариков. Обычно до самых преклонных лет они сохраняют ясность ума, бодрость. Не в последнюю очередь потому, что окружены почетом и вниманием.

Хранитель традиций и духовного опыта в Бирме, как и везде, прежде всего — крестьянство. Для того чтобы познать страну, понять душу народа, мои бирманские друзья настоятельно советовали мне побывать в деревне, пообщаться с сельскими жителями. Так я и сделал; при первой же возможности отправился в Нижнюю Бирму.

Лонта, небольшая деревушка, куда мы приехали, напоминала зеленый островок среди моря желтеющих рисовых полей. Под кокосовыми пальмами, окруженные банановыми зарослями, высились на сваях хижины, белели выкрашенные известкой пагоды.

Нам повезло: мы приехали в Лонта в первый день бирманского Нового года. Этот праздник отмечается в середине апреля, в самое жаркое время. Мне довелось стать свидетелем мытья головы людям преклонного возраста в деревенской пагоде — церемонии, существующей, наверное, только в Бирме.

Бабушек и дедушек усадили на низ-

кие табуреты. Девушки в праздничной одежде, почитительно кланяясь, осторожно приступили к церемонии, пользуясь местным шампунем — настоем из корешков растения камун. Этот ритуал проводится по всей стране. Можно его видеть и по теле-

вились по очереди перед бабушкой Мья Сейн на колени, кланялись, творили молитву, желая ей здоровья и долголетия. Я тоже присоединился к церемонии.

Почести старикам бирманцы оказывают повсюду. Знакомые жур-

А на «тхинджан» — бирманский Новый год все веселятся до упаду, обливая друг друга водой. Главное — быть мокрым самому и чтобы никого сухого рядом не осталось.

видению. Вступая в Новый год, люди отдают дань уважения старости. Устремляясь в день грядущий, не забывают о тех, кто его готовил.

Выйдя из пагоды, я услышал дробь барабанов. Показалась многолюдная процессия. На транспаранте, который несли впереди, я прочитал: «Праздник дарования свободы маленьким рыбкам». Участники церемонии держали в руках горшочки. В них находились мальки. Обойдя деревню, процессия направилась к озеру. Горшочки опрокидываются — и рыбки скрываются в мутной воде. В этом благом деле участвуют и дети. Конечно, для них это прежде всего праздник, развлечение. Но и приобщение к доброте и милосердию.

Раньше у бирманцев не принято было отмечать день рождения. Сейчас же этот обычай широко распространялся. Его заимствовали у европейцев.

Я получил приглашение на 80-летие Мья Сейн — бабушки моего знакомого. Торжество устроили четверо ее детей. Внуки и прочие родственники заняли места на циновках, расстеленных на полу. На низком столике появилось скромное угощение: жареный арахис, пирожки с начинкой из мякоти кокоса, чай. Разговор шел о делах семейных. Потом гости, включая и маленьких детей, стано-

налисты пригласили меня на конференцию литературных работников. По ее окончании была устроена церемония преподнесения подарков старым литераторам. Всех их усадили на сцене и с поклонами одаривали. Некоторых писателей я знал по книгам, другие были мне неизвестны. Что, например, написал вон тот старик, такой приметный, с белыми усами, — в Бирме ведь бороды и усы большая редкость. Я тихонько спросил об этом у своего соседа, молодого журналиста, который, бухнувшись перед старцем на колени, вернулся на место.

— У Ба У? — переспросил он. — Понятия не имею. Кажется, писал сказки для детей. Давно это было. Я сам не читал. Да это не имеет значения. Главное — все эти люди прожили долгую жизнь. Все они, можно сказать, ветераны жизни, а значит, заслужили право на уважение и почет. Не всем же судьба дает талант.

Точно так же чествуют старейшин в министерствах, фирмах и предприятиях.

С культом старших в Бирме тесно связан культ учителя. К старшему уважаемому человеку в Бирме обращаются: «сая», что в переводе означает «учитель», а к почтенной даме — «саяма» — «учительница». Старший, учитель, по мнению бирманцев, в отношениях с учениками, младшими, должен обладать, по крайней мере, тремя добродетелями: уметь опереживать, быть доброжелательным, а также терпеливым.

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ С ВАРИАЦИЯМИ

Семьи в Бирме большие: пять-шесть детей. Как говорят бирманцы, дети — самая большая драгоценность. Наверное, поэтому, чем беднее семья, тем больше в ней детей.

Живут бирманцы скученно, тесно. Поэтому дети в курсе всех семейных дел и тайн. Мне приходилось бывать во многих бирманских семьях.

Как-то в семье нашего соседа У Маунг Мьянта я стал свидетелем оживленной, но спокойной дискуссии между ним и его семилетним сыном. Поскольку разговор был быстрый, я не понял точно, о чем идет речь. Вроде бы отец и сын говорили о школьных делах. Когда мальчик убежал, У Маунг Мьянт вздохнул с облегчением и вытер со лба пот.

— С утра обсуждаем, стоит ли сходить в парикмахерскую и подстричься перед школой. Я считаю, что лучше подстричься. А у него свои аргументы.

Я удивленно заметил:

— Да что же тут обсуждать? Отвести к парикмахеру, и весь разговор.

У Маунг Мьянт улыбнулся:

— Это-то легче всего. Я предпочитаю убедить. Так лучше.

Мне оставалось только согласиться с этой точкой зрения. Как-никак, У Маунг Мьянт — отец пятерых детей.

— Кто не уважает младшего, тот не побоятся и старшего, — говорит он.

Я заметил, что дети во всех бирманских семьях пользуются как минимум правом совещательного голоса в решении домашних дел.

— Мне иногда доводится читать английские журналы, — продолжал У Маунг Мьянт, — и я заметил, что на Западе довольно плохо знают Восток, наш образ жизни. Европейцы полагают, что все восточные страны на одно лицо, что повсюду на Востоке личность подавлена, а человек принадлежит прежде всего не себе, а роду, клану, общине, семье. В действительности же все не так просто. Вы ведь в курсе, что у бирманцев, к примеру, нет фамилий и уж тем более отчества?

И в самом деле, у каждого человека в Бирме только свое личное имя, которое никак не указывает на принадлежность к той или иной семье. Когда бирманка выходит замуж, она сохраняет свое имя, не добавляя к нему ничего от имени мужа. Так, жену У Маунг Мьянта зовут До Сейн Тин, а у младшей дочери совсем короткое имя Пху — «Бутон». А какое имя будет потом? Бирманские имена на протяжении жизни меняются, взрослеют вместе с

их носителями. Вернее, изменяется слово, стоящее перед именем. Так, полное имя мальчика будет звучать Маун Со Тин, юноши — Ко Со Тин, зрелого человека — У Со Тин. Маун означает младший брат, Ко — старший, а У — дядя, господин. Когда Ма Пху — младшая сестра Пху, вырастет, то она станет До Пху — тетушкой, госпожой Пху.

Несколько лет назад мне пришлось сопровождать делегацию бирманских реставраторов в Ленинградском музее этнографии. Показывая юрту, экскурсовод — наверное, из числа тех, кто убежден, что весь Восток одинаков, — объяснил, что мужчины сидят ближе к очагу, где теплее, а женщины — около входа. Потом спросил у бирманцев:

— Наверное, и в Бирме так же?

На что руководитель делегации с достоинством ответил:

— Нет. У нас каждый, мужчина или женщина, садится там, где ему нравится.

Вроде бы мелочь, а говорит о многом.

Семьи в Бирме создаются по любви, причем мужу и жене вовсе не обязательно официально оформлять свои отношения. Достаточно поставить в известность родных и знакомых. Хотя, конечно, существует и свадебная церемония, но можно ее и не устраивать. Бирманская семья очень крепка, а разводы здесь весьма редки. Когда я спросил До Сейн Тин, что самое главное в семейной жизни, то она ответила:

— Необходимо уступать друг другу. Я часто вспоминаю напутствие, данное мне матерью перед вступлением в брак: не забывай, что в споре всегда проигрывает более мудрый. Поэтому никогда не стремись к тому, чтобы одержать победу над мужем; будь мудрой.

Наверное, У Маунг Мьинт получил аналогичное наставление от своих родителей, потому что конфликтов в этой семье, считай, не бывает. И в то же время бирманца трудно представить себе вне родственных связей. Возьмите, к примеру, такой печальный документ, как некролог.

В бирманском некрологе пишут так: «С прискорбием сообщаем, что в возрасте 83 лет скончался У Ба Маун — сын покойных У Лу Мья и До Эй Мей; старший брат У Чина, До Тан Чжо, У Тин Эйя, До Чин Сейн; муж До Мья Авин, отец У Тин Вина, До Эй Тан, У Оун Тхей, До Тан Схве, У Вин Чжи, У Чжо Мьинта, а также уважаемый и любимый дедушка 19 внуков и 4 правнуков. Осиротевшая семья». Наверное, не так страшно умирать, когда знаешь, что тебя будет помнить так много близких людей.

У бирманцев есть очень хороший обычай: приглашать в гости сразу же после первого знакомства.

С Ко Вин Мьингом, студентом

Рангунского университета, я познакомился совсем недавно, но он уже пригласил меня в гости. Однажды утром я отправился к нему. Ко Вин Мьинг поджидал меня около традиционного бирманского жилища на сваях, просмоленных для защиты от термитов и сырости. Дом окружали постройки поменьше. На мой вопрос, кто их соседи, живущие в этих избушках на курьих ножках, Ко Вин Мьинг отвечал:

— Все это дом одной нашей семьи.

— Вот так дом, — подивился я. — Это же целая деревня!

Как оказалось, в этом доме-деревне обитает три поколения одной семьи, по меньшей мере — человек пятнадцать. Живут они вроде бы все вместе, но хозяйство ведут по отдельности. Ко Вин Мьинг представил меня своему дедушке, старейшине этой семьи — Такину Мья, бодрому, спокойному старику. Слово «Такин» означает, что он — участник национально-освободительной борьбы. Такин Мья, конечно же, оказывает на семью влияние — моральным авторитетом, но при этом не вмешивается в повседневные заботы. Ко Вин Мьинг мне сказал, показывая жилище, что когда он женится, то будет жить с молодой женой здесь же, в пристройке.

Войдя в комнату Такина Мья, я задержал свой взгляд на паутине, висевшей по углам. Заметив это, До Чан Тхей, одна из его дочерей, сказала:

— Не подумайте только, что это от нерадивости. Пусть пауки тоже живут в доме, места всем хватит. Глядишь, когда мошку или москита поймают.

В Рангуне почти три миллиона жителей, но иногда создается впечатление, что здесь все знают друг друга. Как-то мы с моей преподавательницей бирманского языка До Мья Мья Му возвращались из кино на такси. У рынка к нам подседа молодая женщина с покупками. До Мья Мья Му тут же стала обсуждать с попутчицей дороговизну товаров. Потом разговор перебрался на городские новости. Я даже подумал, что это какая-то ее знакомая. Когда она сошла, я спросил До Мья Мья Му, кто это.

— Понятия не имею! Я вижу ее в первый раз, — последовал ответ. Человек в Бирме, даже иностранец, быстро обрывает дружьями, приятелями, знакомыми. Существует специальное понятие — «лухмуей», охватывающее все, что относится к личным взаимоотношениям. «Лухмуей» очень важно. Два человека могут иметь разные политические взгляды, но это не мешает им поддерживать контакты на личном уровне. Кажется, бирманцам неведомо, что значит разговаривать друг с другом на повышенных тонах. В бирманском языке имеется множество форм обращения в зависимости от того, с кем вы разговариваете. Утвердительное «да» по-бирмански будет звучать по-раз-

ному в разговоре с ребенком, равным по возрасту, старшим и монахом. Поначалу из-за неважного знания бирманского языка я частенько попадал впросак, когда на вопрос ребенка отвечал (если подобрать русское соответствие): «Вы совершенно верно изволили заметить, господин мой», а почтенному старцу говорил: «Точно, ты прав, сынок». Но никогда никто не обижался. Собеседники великодушно прощали меня, и в ответ раздавался веселый смех.

Дети есть дети. Шалят они и в Бирме. Но терпению бирманских родителей можно подивиться. Как-то я возвращался с рынка с бирманской семьей, в которой была девочка лет трех. Ей захотелось нести две купленные связки бананов самой. Ноша для маленького ребенка довольно тяжелая. Но ни отец, ни мать не выхватили покупку у девочки, а минут пять уговаривали упрямцу быть умницей и отдать бананы. И в конце концов дочь сдалась. Обошлось без криков и слез. Ни разу не видел, чтобы на детей кричали, без конца одергивали или тем более били.

Детей берут с собой, когда идут в гости, на праздники, которых здесь очень много. Празднества начинаются с вечера, когда спадает тропическая жара, и продолжаются чуть ли не до утра: играют оркестры национальной музыки, дают представления театры кукол. И повсюду видишь родителей с детьми. Если представление затягивается, то детей укладывают спать тут же: на коленях или на циновках.

Конечно, семейная жизнь бирманцев, отношения между отцами и детьми — не идиллия. Например, в газетах иногда можно встретить объявления о том, что родители, снимая с себя всякую ответственность за детей, которые идут наперекор их воле и не слушают наставлений, лишают их права на наследство. Публикуются, однако, и такие призывы: «Дорогой сынок Ко Ко Аун! Пожалуйста, вернись домой, мы все тебе простили! Твои родители У Тин Мьинг и До Мья Кхайн». Что же касается отказа от родителей... Такое трудно даже вообразить себе.

Как-то беседовали мы с молодым школьным учителем У Лей Маунгом. Он спросил:

— Обращали ли вы внимание, что в начале сезона дождей, когда у нас льют тропические ливни, падают деревья? Казалось бы, с вечера ничего не предвещало беду. Но утром, когда разразился ливень, дерево оказалось на земле. Дело в том, что из-за обильной влаги почва осела и корни лишились опоры. Так и в жизни людей. Человек без прочных корней, без уважения к прошлому, без почитания старших не может сделать ничего хорошего. А кому нужно дерево без ветвей и листьев?

Я нгон (Рангун),
Мьянма (Бирма)

Человек в движении

На сцене в зале торгового центра «Окридж» в Ванкувере сидел человек в инвалидном кресле-каталке. Он — Рик Хансен. Возраст: двадцать семь лет. Диагноз: полный паралич нижних конечностей в результате автомобильной катастрофы. Через считанные минуты Рик скатится вниз по пандусу и окажется на улице, за ним тронется автомобиль сопровождения с его грузьями. И так начнется путешествие вокруг света, которое

большинство сидящих в этом зале считали неосуществимым. И тем не менее он пересечет в своем кресле Северную Америку, проедет Европу, Ближний Восток, Австралию и Новую Зеландию — всего побывав в тридцати четырех странах. Книгу об этом путешествии, отрывок из которой мы публикуем, Рик Хансен посвятил тем, кто готовил его к путешествию или поддерживал во время движения — всем тем, кто сделал невозможное возможным.

„Боже, как я устал! Столько всего нужно еще сделать, и так мало на все осталось времени. Четыре часа сна — вот и весь отдых за последние полтора дня. Квартира — сплошной сумасшедший дом, напряжение, каталка, разобранная по частям, лежащая на полу среди ночи, телевизионные камеры, люди, то и дело снующие взад-вперед: одни просто забежали попрощаться, кто-то зашел постричь меня на дорожку, другой — чтобы взять интервью или сунуть под нос какую-то бумагу, которую я забыл подписать. Ребята из группы сопровождения в очередной раз перепроверяют смету расходов, Аманда отмывает ванну, приводит в порядок квартиру для парня, который снял ее на время нашего отсутствия. Хотя могла бы этого и не делать. Аманда — классный врач-терапевт. И если бы не она — кто знает, удалось ли бы мне вообще отправиться в это путешествие.

Аманда... Каким же надо быть болваном, чтобы влюбиться как раз накануне кругосветного путешествия на инвалидной коляске! Впрочем, разве сейчас до эмоций? Я чувствовал себя словно выжатый лимон. Вчера в факультетском клубе университета Британской Колумбии устроили очередную прием. Поскольку там не было специального пандуса для инвалидов каталок, подниматься при-

шлось в кухонном лифте. По ошибке запустили подъемник не на тот этаж, так что меня никто не встретил, чтобы помочь выбраться из лифта. В конце концов я справился с дверью, но до смерти напугал какую-то повариху. В этот момент появились ребята из моей группы сопровождения. Они снова закатили меня в кухонный лифт и подняли этажом выше, где и был прием.

Интересно, многие ли понимают, сколь часто лестницы и двери становятся непреодолимым препятствием, когда ты на них смотришь с инвалидной коляски?.. Я внезапно осознал, на что замахнулся. Нет, какая там готовность?! Об этом не могло быть и речи. У нас не хватало оборудования и денег. Если бы удалось отправиться в путь две недели назад, как было намечено по программе, северные ветры ускорили бы продвижение к Сан-Диего вдвое. Сегодня же ветер дул с юга, то есть против движения, и я предчувствовал — так и будет в пути.

...Каталка резко остановилась, колеса уперлись в металлическую пластину на пороге двери. Я привычно подал чуть-чуть назад, посильней толкнулся руками и, перескочив через первое препятствие, выехал на дорогу.

Была не была! Ведь сумел же я добраться сюда, а это тоже не назовешь воскресной прогулкой...

КАРТЫ И ДЕНЬГИ

Идея кругосветного путешествия на каталке вовсе не осенила меня внезапно в одно прекрасное утро.

Проект турне «Человек в движении» зародился у меня в голове давно. Тогда, конечно, я и думать не думал о сборе средств и прочих заботах и представлял себе это лишь как чистое испытание моих физических возможностей.

Вначале это было подобно ребячьей мечте, когда ты, бывало, лежишь на траве, смотришь на Луну и воображаешь, как когда-нибудь полетишь туда. Потом, когда мое внимание сосредоточилось на марафоне и я в какой-то мере вкусил радость успеха, я понял, что и физически и эмоционально могу осилить кругосветное путешествие на коляске. Если, конечно, захочу. Ну а дальше что?

Ясное дело, мы могли двинуться в путь в домике на колесах и с одной палаткой и путешествовать с удобной для нас скоростью. Но стоило ли выбрасывать три года из жизни? Я делал свою дипломную работу по физическому воспитанию и принимал участие в международных соревнованиях по различным видам спорта для инвалидов-колясочников. И я вовсе не собирался бросать все это ради того, чтобы, вернувшись домой, сказать: «Ну вот, я и прокатился вокруг мира! Тоже мне, большое дело!»

К тому времени я успел поговорить со многими инвалидами, которых встречал во время своих путешествий, и понял, что всем противостоят одни и те же барьеры, как физические, так и психологические. Молодчина этот Терри Фокс со своим «Марафоном надежды». Ведь он привлек внимание всего мира к страданиям раковых больных.

Я всегда активно участвовал в кам-

Из книги Рика Хансена «Человек в движении», которая в 1991 году выходит в издательстве «Прогресс».

паниях по сбору средств. Мне доставляла радость возможность помогать другим. Сознание того, что я способен оказывать помощь, благотворно действовало на мое настроение. Именно поэтому, в частности, я и занялся преподавательской деятельностью, поскольку любил работать с ребятами. А что, если я продолжу дело, начатое Терри, сделаю его главной целью всего путешествия вокруг мира на катаке, сам стану как бы носителем или живым воплощением его идей и таким образом сумею помочь инвалидам во всем мире?..

Я написал письмо в оргкомитет выставки «Экспо-86», в котором поинтересовался, не согласятся ли они принять участие в организации всемирного турне на кресле-катаке. Они ответили согласием, и внезапно наше турне обрело название — им стал официальный девиз «Экспо», принятый в тот год — «Человек в движении».

Итак, все было решено: «Человек в движении» должен принадлежать Фонду инвалидов провинции Британская Колумбия с собственным советом директоров. Мы были готовы принять любую добровольную помощь, кто бы нам ее ни предложил.

Мы старались не упустить из виду буквально ничего. Даже пригласили одного психолога, звали его Дей Кокс, чтобы он рассказал нам о стрессах, которые могут возникнуть во время турне, и еще мы беседовали с одним консультантом, который дал нам ряд советов и снабдил печатным руководством по ораторскому искусству.

Но уж без чего никак нельзя отправляться — так это без точно проложенного маршрута. Мой друг Тим Фрик и я вооружились дорожными картами Автомобильной ассоциации и маршрутными атласами для велосипедистов и взялись за разработку вероятных путей следования. Это заняло у нас три недели — по одной неделе на маршрут.

Первый вариант был длиной в 65 тысяч миль. Прекрасно, если бы я смог проехать в дороге семь лет. Второй маршрут оказался в 30 тысяч миль. Уже лучше, но все равно чересчур длинный. А третий — всего 24 тысячи, включая прочерки в тех местах, где предстояло пересекать океан.

Так вот, окружность Земли составляет 24 901 55 миль. Именно такая дистанция казалась нам наиболее приемлемой. Исходя из этого, мы окончательно составили маршрут с учетом политических, географических и климатических условий и постарались проложить его через возможно большее число стран.

Итак, карты у нас были, теперь дело за деньгами.

К сожалению, все усилия наших сотрудников оказались безрезультатны. Мы с Тимом молча взглянули друг на друга. Черт возьми, придется нам самим взяться за это дело. Главным нашим козырем был я сам. Един-

ственными, кто нам помогал, были либо мои знакомые, либо люди, наслышанные обо мне. Мы оделись в лучшие костюмы и пошли в наступление на банкиров.

Для начала мы выбрали Королевский банк. В самом разгаре наших страстных увещаний нам вдруг стало понятно, что организаторы нашей кампании уже успели здесь побывать. Вот чертовщина! Нам пришлось спешно ретироваться. Мол, мы знаем, что представители нашей организации обращались к вам. Просто мы не хотим терять с вами связи и еще раз напоминаем, что подготовка к нашему турне идет полным ходом.

Когда мы двинулись в банк провинции Британская Колумбия, где у нас была назначена встреча с его президентом Эдгаром Кайзером, нашего энтузиазма явно поубавилось. Что, если и здесь нас ждет то же самое? Что, если и он не проявит интереса? И вообще, сколько их там, этих банков?

В тот день нам не удалось заручиться поддержкой и в банке Британской Колумбии. Однако господин Кайзер лично от себя выделил нам 50 тысяч долларов из семейного фонда Кайзера — по 25 тысяч на каждое из двух лет, что нам предстояло провести в путешествии!

Мы поблагодарили его и вышли из банка с таким видом, будто только этим и занимались всю жизнь. Добравшись до тротуара, мы широко улыбнулись друг другу и с воплем «По-ря-док!» ударили по рукам. Вероятно, не самое естественное поведение для банковских завсегдатаев, но ведь какой удачный, какой замечательный день!

Компании отнюдь не торопились становиться спонсорами, как мы на то рассчитывали. Кое-кто, правда, откликнулся — как, например, ресторанная компания «Макдональдс», благодарением которой мы пользовались с начала и до конца турне. Каждому члену нашей команды они выдали по «золотой» кредитной карточке, дающей право на бесплатное питание в любом из ресторанов системы «Макдональдс» во всем мире, что неоднократно было для нас сущим спасением. Во всяком случае, для наших желудков.

ПАРИ НА СТО ДОЛЛАРОВ

«Не смотри на дорогу, — повторял я про себя. — Это только мешает. Отработай заезд как положено — 23 миль за три часа, и так три раза в день. И не думай ни о каких кругосветках, думай только о 23 милях. Постарайся мысленно разделить весь предстоящий путь на отрезки, которые отвечают твоим возможностям, — иначе можно сойти с ума. И крепись».

Последние два месяца до того, как тронуться в путь, локтевые суставы, спина и запястья рук словно говорились против меня, и это когда я нуждался в их безупречной работе

больше всего. Мне и раньше приходилось превозмогать боль во время заездов, но как-то справлялся. Теперь же меня доканывала безысходность. Когда же, наконец, наступит облегчение? Или, может быть, придет момент, когда мое тело восстанет и окажется подчиняется? А может быть, спустя годы, проведенные в пути, мое тело возьмет да и скажет: «Настало время платить по векселям, малыш», — а мои плечи и запястья начнут предсказывать погоду за неделю вперед?

Всего первый день пути, а у меня уже ноет левое запястье, ладонь натерло, и я скрипю зубами от злости, так как понимаю, что проблема тут вовсе не в моей моральной или физической неподготовленности, а чисто технического свойства, и, как ни старались наши ребята наладить кресло, мы так и не смогли определить причину неполадки.

Вероятно, мне стоит рассказать о кресле поподробнее. Базовая модель «Эверест Дженнингс», предназначенная для использования в домашних условиях и в больницах, весит вместе с подставкой для ног от тридцати семи до сорока фунтов. Кресло, в котором я отправился в путь из Ванкувера, весило двадцать семь фунтов. Большинство кресел имеет рамы прямоугольной формы с двумя маленькими колесиками впереди и двумя большими сзади. Мое же скорее имело форму латинской буквы I — несущая продольная центральная рама с поперечными осями колес впереди и сзади. Управление осуществлялось рукояткой, крепящейся посередине оси передних колес. Передняя часть центральной несущей рамы имела поворотное устройство и выполняла роль жесткой подвески. Центральная ручка управления располагалась впереди сиденья, на ней же находился и рычаг тормоза, действующий на оба задних колеса.

Задняя поперечная рама поддерживала сиденье, по виду напоминавшее сваренное вкрутую яйцо, если с него срезать верхушку и опустошить содержимое. В него-то я и садился, при этом тело сгруппировывалось, колени чуть ли не прижимались к груди, а ноги я вставлял в стремени примерно на одном уровне с рамой. Внешний вид не ахти какой, но главные достоинства конструкции заключались именно в том, чего не мог различить глаз.

Если не считать рычага тормоза — а он мог понадобиться для управления на скоростных участках при спуске в горах, — это кресло в принципе не отличалось от того, на котором я годом раньше выиграл титул чемпиона мира на соревнованиях в Англии. И в этом заключалась главная сложность — ведь мне предстояло путешествие вокруг всей Земли, а не участие в марафонской гонке на 26 миль и 385 ярдов.

С учетом этого необходимо было иметь возможность изменять положение колес — не только ради более

легкого движения по дорогам с разным покрытием, но и в интересах моего брэнного тела. Изменение положения колес невольно заставляло включаться в работу различные группы мышц. Если одна из них, скажем в области плеча, начинала болеть, нам требовалось изменить положение кресла таким образом, чтобы освободить ее от нагрузки и перенести основную работу на другие мускулы.

Но я пользовался сиденьем-ведром начиная с 1980 года, а от старых привычек избавиться трудно.

Кроме того, я никак не мог избавиться от дурацкой иллюзорной идеи, что все проблемы отпадут разом, если я сумею найти идеальное положение тела, как во всех выигранных мною гонках.

— Спорим на сто долларов, что в два часа ночи накануне старта ты все

еще будешь сверлить дырки в сиденье?..— предложил мне пари Тим.

И вот теперь я передвигал сиденье так и этак, стараясь найти наиболее удобное положение, но, как ни ломал голову, так и не смог добиться толку, как и все, кто пытался решить эту проблему до меня. Так что я не только работал — я еще при этом проигрывал сто долларов.

Последующие три дня, за которые мы успели добраться от Беллингема до Олимпиады в штате Вашингтон, были повторением первого, лишь с небольшими вариациями. Мы поздно трогались в путь, поздно заканчивали маршрут и приносили извинения за опоздание. Однажды мы плутали около пяти часов в поисках ресторана «Макдональдс», где должен был состояться прием, и наконец добрались до него в четверть десятого вечера вместо четырех часов. У нас впервые спустило колесо. Ветер отказывался оставить в покое мое лицо, а дождь лил как из ведра.

Джим Мартинсон — старый друг по совместному участию в гонках, он жил по соседству в Пайялупе — решил составить мне компанию и сопроводить меня на одном из этапов, и, признаюсь, для меня это было огромной радостью. Он только что оправился от гриппа, чувствовал себя паршиво и тем не менее был здесь, рядом со мной — первый колясочник, решивший присоединиться ко мне на моем пути.

Джим потерял ноги во Вьетнаме в тот самый день, когда его произвели в сержанты. Кто-то рядом с ним наступил на мину, и Джиму оторвало ноги. Это был выдающийся спортсмен-универсал. Когда его доставили домой, он занялся колясочными видами спорта, победил в Бостонском марафоне в 1981 году и по сегодняшний день связан с компанией «Чудо в движении» — она производит спортивные кресла-каталки и прочее спортивное снаряжение.

И вот он здесь, рядом со мной, катит чуть впереди. Рядом с ним на велосипеде сидел парень по имени Гарри Фрейзер — он представлял одну фирму по производству витаминов, предлагавшую мне воспользоваться ее продукцией. Мы со свистом катили под уклон со скоростью около 28 миль в час, когда в конце спуска Джим налетел на ухаб.

Сценка получилась жутковатая. Джим врвался в него со всего хода и подлетел в воздух, но сумел удержаться в каталке. Гарри промчался рядом, но оба они были так близко передо мной, что у меня не оставалось времени ни на что, кроме как попытаться быстро отвернуть в сторону. Из этого ничего не вышло. Я тоже подлетел в воздух, но так как я налетел на ухаб сбоку, то меня при этом еще и занесло. Только я успел подумать: «Ой-ой-ой, небось опять плечо» — как наотмашь грохнулся о землю всеми четырьмя колесами, да так, что аж кости затрещали и почки

едва не сместились. Однако я сумел удержать управление, выровнял кресло, и мы как ни в чем не бывало покатали дальше.

АЛЛО, АМАНДА!

Началось все с того, что один из эскортировавших нас полицейских — он ехал рядом со мной на своем мотоцикле — сказал мне: «Моя жена, дети и я сам будем молиться за тебя каждый день».

Спустила какое-то время, когда я ехал в коляске, ко мне устремилась одна дама. Сунув мне в ладонь деньги, она сказала: «Помогите моей дочери. Она тоже прикована к коляске». Мужчина и женщина — оба лет шестидесяти с лишним — услышали о нас из передачи по своему автомобильному радио, после чего развернули помятую старую машину и целый час разыскивали нас на дороге, чтобы дать нам немного денег. «Наша фамилия тоже Хансен» — так они мотивировали свой поступок.

Был и совсем юный мальчик. По его словам, он только-только начал заниматься марафонскими гонками в кресле-каталке. Мы немного поговорили о том, как тренироваться, о технике гонок и о прочих вещах.

Каких только подарков мы не получали! Футболки, значки, переговорные устройства, карты, шляпы, пироги, печенье, религиозные трактаты и даже кое-какую одежду. И это хорошо, потому что в самые трудные минуты все это возвращало нас к реальности и лишний раз напоминало, что доброй воле людей действительно нет предела. Иногда, стоит только оказаться в своем замкнутом мирке, невольно начинаешь вспоминать только все самое неприятное, что с тобой случилось. И вдруг какая-то маленькая девочка сует тебе в руку свой школьный рисунок, на котором написано что-нибудь вроде «Мы с тобой, Рик», и все хорошее сразу же оживает в душе.

Тим испытывал страшное напряжение. Ему как менеджеру турне приходилось принимать массу решений каждый день, и это начинало сказываться на его состоянии. Он все более резко разговаривал с журналистами, а этого мы никак не можем позволить себе, даже если кое-кто из них в полной мере заслуживает подобного обращения. Ведь наш провал или успех зависел от них. Кто мы без них? Очередная чокнутая компашка в каком-то сумасбродном кругосветном путешествии. Тима беспокоило подавленное состояние Шейлы, журналистки, отправившейся вместе с нами. Ее роль была исключительно важной. Нам во что бы то ни стало требовалось больше рекламы. Сизта мы миновали практически не замеченными. Куда же они все запропастились? Мы проехали мимо местного филиала телевизионной компании Эй-би-си, и никто у них даже из окон не выглянул.

Нервы у всех были на пределе. И больше всех это приходилось испытывать парню, сидевшему в кресле-каталке.

Я был разбит морально и физически. Дождь и встречный ветер продолжали добивать меня, и я был уверен, что порвал сухожилие на среднем пальце правой руки: первый сустав покраснел, распух и отдавал острой болью. А у нас по-прежнему не было ультразвукового диагностического прибора, о котором я столько раз просил. Ну, ладно. Значит, я сам отправлюсь туда, где такие приборы имеются. Мы подъехали к госпиталю, и я уговорил, чтобы меня пропустили в физиотерапевтическое отделение.

Дежурный врач не захотел мною заниматься. Он сказал, что вреда от этой штуковины может быть больше, чем пользы.

— Не беспокойтесь, — успокоил я его. — Мы это постоянно делаем. Мне это не повредит.

И это говорил ему я, Рик Хансен, парень, которому все давалось с трудом, внезапно возомнивший, что может быстро излечиться. Он сделал, как я просил, и к вечеру в воскресенье боль в правой руке стала совсем нестерпимой. Оставалось лишь одно.

Я позвонил Аманде, но не только как врачу-терапевту. К тому времени я твердо знал, что люблю ее. Я мог разговаривать с ней так, как ни с кем. Перед Амандой я могу душу раскрыть настежь. И мне становилось лучше лишь от одного звука ее голоса.

Я рассказал ей о затруднениях с запястьем и пальцем. И еще рассказал о том, что у нас по-прежнему даже отдаленно не была отлажена организация, и все предпринятые действия скорее шли во вред делу, чем на пользу, что ребята ломали голову над креслом и, вообще, у нас множество нерешенных проблем и что вот уже половина одиннадцатого вечера, а еще ничего не готово. Я должен им как-то помочь. Нам нужно будет встать и отправиться в путь в пять тридцать утра, чтобы успеть в Олимпию к восьми утра, когда у нас назначена встреча с губернатором штата, а весь день шел дождь с градом и прогноз погоды на завтра обещает «усиление дождя со снегом и сильный ветер».

— Ты хочешь, чтобы я к тебе приехала? — спросила Аманда.

Разве я этого не хотел? Разве я не хотел, чтобы прекратилась боль в запястьях и ладонях? Разве я не хотел, чтобы стих ветер и перестал идти дождь, а спуски и подъемы стали более плоскими? Разве я не хотел увидеть ее вновь?

— Наверняка так будет лучше, — ответил я.

Три дня спустя она присоединилась к нам неподалеку от Портленда. То, что она увидела, привело ее в ужас.

Я как раз закончил дневной этап и был совершенно измотан. Она осмот-

рела мои запястья и обнаружила, что сухожилия на тыльной стороне руки растянулись, а запястья опухли. И она толком не знала, чем может помочь в подобной ситуации.

Одно дело — лечить такие травмы, когда пациент имеет возможность отдохнуть. И совсем другое, когда он ухудшает положение тем, что каждый день крутит колеса каталки. И мы оба понимали, что если боль в запястьях не уменьшится, наше турне придется приостановить или вообще свернуть прежде, чем мы достигнем Калифорнии.

Впрочем, в одном я был уверен: от одного присутствия Аманды я уже чувствовал себя намного лучше. Она взяла отпуск и могла пробыть с нами две недели. Как выяснилось, этого времени как раз хватило на то, чтобы помочь мне преодолеть подъем, едва не доконавший всю нашу затею.

ДАВАЙ!.. ДАВАЙ!..

На пути в Калифорнию нас подстерегала вершина Сискийю — семь миль непрерывного подъема в шесть градусов, который начинался на высоте в 2 тысячи футов и достигал 4310 футов в своей верхней точке.

Это был самый трудный участок на всем нашем маршруте. Только одолев эти горы, мы могли оказаться в Калифорнии. Так сумеем мы справиться с ними или придется отступить?

Мы прошли 70 миль и миновали три холма на пути к Грантс-пасс всего за один день. Не спрашивайте меня, как это нам удалось. Я только и знал, что крутить колеса, потом передвигалось сиденье, потом снова крутил колеса, потом смена колес, перерыв, лед на запястьях, снова работа в кресле и вновь смена положения сиденья. Спустила какое-то время у меня просто все плыло перед глазами.

А вокруг кричали люди, сигналили автомобили. Двое парней в шлемах пожарных остановили свою машину и, дико размахивая руками, выскочили на дорогу. «Сумасшедшие американцы», — с трудом сообразил я. Но нет, это были сумасшедшие канадцы: Фред Кауси и Пат Белл, оба из компании Си-би-си, прибыли сюда, чтобы снимать документальный фильм о нашем турне. Опираясь на трость, ко мне подошел мужчина лет семидесяти. Сказал, что получил травму при взрыве на шахте много лет назад и что тогда же ему предрекли полную неподвижность. «А я орал, и сражался, и работал, и утер нос этим ублюдкам! — вопил старик. — И ты такой же!»

И я продолжал крутить колеса. Если я этих гор не одолею, то как сумею справиться с Сискийю?

Мои запястья не болели. Впервые за долгое время я почувствовал, что могу рвануть на полную мощь, вместо того чтобы плестись как няня. Мы переходили в зону более теплого климата. Кресло все еще нуждалось в регулировке, но положение си-

дня было ближе к оптимальному, чем все предыдущее время. Ребята работали как заведенные, так что в конце концов могли проделывать все необходимые операции даже во сне. Иногда, мне кажется, они так и поступали. Но они ни на что не жаловались, просто работали и работали. «Умоляю тебя, Господи,— взывал я в душе ко Всевышнему,— пускай все так и остается, пока я не перевалю через эту гору. Умоляю, дай мне только добраться до Калифорнии».

На следующий вечер, примерно в половине девятого, мы вкатили в город Эшленд, штат Орегон. Вскоре ребята из экипажа и парни из Си-би-си устроили небольшую вечеринку на нижнем этаже. Ее шум долетал до моей спальни, где я лежал и пытался заставить себя уснуть. И вдруг меня кольнул приступ, да-да, ревности.

Аманда была там, внизу — она пошла взять льда, чтобы обложить им мои руки и плечи, а оттуда раздавался смех, доносились звуки веселья — а я не мог быть там внизу вместе с нею.

В душе мы оба понимали, в чем тут дело. Через несколько дней, когда мы достигнем Сакраменто, она должна была возвращаться домой — и я был в полнейшей растерянности.

На следующее утро мы атаковали Сискьюю.

Ребята-школьники встали вдоль дороги аж от самого Эшленда. Там были и операторы из Си-би-си, и — о, Боже! — даже из компании Эн-би-си.

Вероятно, слухи о нас начинали потихоньку распространяться. Рабочие-ремонтники остановили работу, чтобы поприветствовать меня криками и немного позабавиться.

— Эй, давай-давай, жми до следующей горы! Она покруче этой! Крути, крути, не останавливайся! — кричали они.

Водители грузовиков сигналили, проносясь мимо, и приветственно махали руками. Они лучше других знали, что собой представляет эта гора и каково на нее взбираться. Но я и так был преисполнен решимости. Мы одолели две с половиной мили, потом остановились, чтобы поправить сиденье. Я крутил колеса так, что даже в глазах потемнело. Погода изменилась, сразу резко потеплело, как это бывает весной в южном Орегоне, и к полудню стало жарко. После всех этих дождей и холода я попросту не был готов к подобной перемене. Чувствовалось, что еще немного, и кожа у меня покроется солнечными ожогами. Ребята по очереди шли рядом со мной на велосипедах, и пока я крутил колеса, поливали меня водой. На каждой стоянке Аманда натирала меня цинковой мазью.

Я заставил себя забыть обо всем, сосредоточился на одной конкретной задаче и только непрерывно повторял одно волшебное слово, прибавлявшее мне сил: «Давай!.. Давай! Давай!»

Все вокруг перестало существовать для меня, осталась только дорога и гора и цель — победить. Временами

я просто не мог совладать с эмоциями. Все во мне словно пылало, а руки покрывала гусиная кожа, как от мороза. Я не хотел останавливаться на отдых, я хотел одного — идти вперед, взять вершину одним махом, покончить с ней раз и навсегда. Нет, никакая гора меня не одолеет. Слишком долго мы все этого ждали, слишком много потратили сил.

«Давай!..»

И вдруг... мы оказались на вершине.

Здесь были телевизионные камеры, газетчики и радиожурналисты, фотографы, а среди них Тим и Аманда. Люди стремились позвать мне руку. Все говорили одновременно.

Тим хотел обсудить со мной оставшуюся часть этапа, спуск в долину, в Калифорнию.

— Не сейчас,— ответил я ему.— Только не сейчас.

Сейчас нужно было сделать другое — оглянуться назад, на облака над Орегонем, и вспомнить о ветрах, и о дожде, и вообще обо всем, что нам пришлось сообща преодолеть, и только потом посмотреть вперед — туда, где нас ждали Калифорния и солнце. Теперь было самое время сказать про себя: «Мы справились»,— время ощутить гордость за всю команду — ведь у нас было так много причин и столько поводов, чтобы все бросить, а мы не сдались.

Я немного посидел молча, ощущая значение случившегося. Затем забрался в домик на колесах, опустил занавески, лег на кровать и дал волю слезам.

На высоте около тысячи метров над уровнем моря вдоль отлогих склонов горного массива Сьерра-де-Гуадаррама, среди лесов расположен небольшой, насчитывающий всего около 3 тысяч жителей городок Эль-Эскориаль. В общем-то и городом его назвать трудно — ведь все здесь и по сей день сохраняет неповторимый сельский колорит, столь характерный для средневековой Испании. Находится он всего в 44 километрах от Мадрида, а получил свое название от латинского слова «эскулетум», что значит «место, где растут дубы». Вокруг некогда действительно шумели густые дубравы.

Эль-Эскориаль стал одним из так называемых «королевских мест», окружающих испанскую столицу, куда монарх и его приближенные выезжали на охоту и просто на отдых. В ряду таких знаменитых «королевских мест», как Сарсуэла, Балгаин, Аранхуэс, Васамадрид и Асека, Эскориаль отводилась роль зимней резиденции испанских правителей. В 1563 году был заложен первый камень в строительство монастыря Святого Лоренсо и одного из красивейших памятников средневековой архитектуры Южной Европы и главной достопримечательности Эль-Эскориаля. Это огромное здание было сооруже-

ОБИТЕЛЬ КОРОЛЕЙ

но в честь победы испанских войск под предводительством короля Филиппа II над французами в местечке Сан-Квинтин 10 августа 1557 года. С тех пор в этот день в окрестностях Эль-Эскориаля ежегодно проходят народные празднества.

Смотрю на уходящие к небу дворцовые стены из серого камня, отражающиеся в зеркальной поверхности прудов, разбитых много веков назад по королевскому указу, и диву даюсь: неужели испанский монарх со

своей многочисленной свитой бывал здесь всего два-три месяца в году, а остальное время монастырь и прилегающий к нему архитектурный комплекс пустовали? Сейчас весь он превращен в музей.

Эль-Эскориаль славится коллекцией шедевров великих испанских живописцев средневековья — Эль Греко, Веласкеса, Гойи. Многочисленные батальные панно, расположенные по периметру коридоров, напоминают диараму. Все потолки и стальные проемы расписаны великолепными фресками на религиозные темы.

Поражает своими размерами и ценностью книжного фонда Королевская библиотека Эскориаля. С трепетом рассматривал я фолианты XVI—XVII веков в выцветших, половевших от времени переплетках...

Из библиотеки мраморные ступеньки ведут вниз в полуподвальный цоколь, где расположен обширный королевский пантеон. Здесь похоронены испанские монархи, члены королевских семей и их родственники. Честно говоря, становится немного жутковато, когда видишь тут и место для захоронения ныне здравствующей королевской семьи: Дона Хуана Карлоса Бурбона I и Доньи Софии.

(Окончание см. на 4-й странице обложки)

Опасная охота за деликатесом

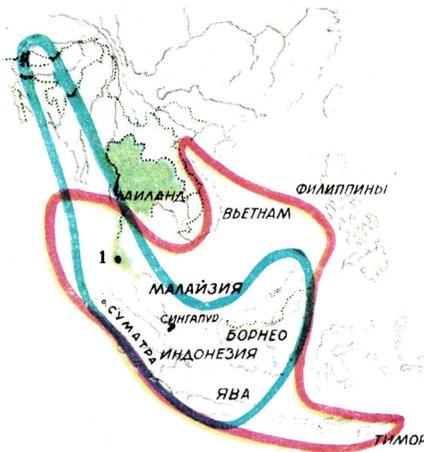
«Все попытки разглядеть что-либо с шаткого бамбукового насеста на высоте около 120 метров от нижнего уровня Тигровой пещеры тщетны. Кругом кромешная тьма. Гулким эхом отдается щебетанье тысяч стрижей саланган, гнездящихся под сводами огромного подземелья». Так начинают свой рассказ о путешествии к охотникам за «ласточкиными гнездами» корреспонденты журнала «Нэшнл джиогеографик» Диана Саммерс и Эрик Вэли.

Лишь внизу черный мрак пещеры рассекает слабый свет карманных фонарей. Это карабкаются наверх по причудливой конструкции из бамбука собиратели гнезд саланган — «ласточкиных гнезд», из которых готовят великолепные супы. И местные охотники из Тигровой пещеры на одном из небольших островов в Андаманском море, расположенном к юго-западу от Таиланда, и многие поколения жителей побережья Мьянмы, Малайзии, Вьетнама и Филиппин издавна занимаются традиционным промыслом — сбором съедобных гнезд птиц, летающих в темноте. В данном случае речь идет о серой и большой саланганах.

Свои гнезда птицы строят при помощи клейкого вещества, выделяемого парой увеличенных слюнных

1. Тигровая пещера

Ареал распространения серых (красная линия) и больших (синяя линия) саланган.

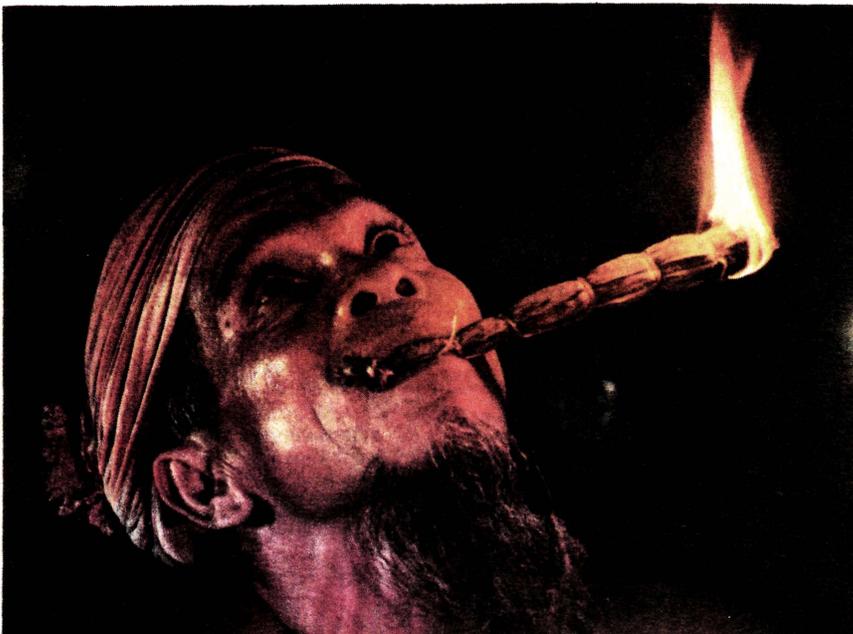
желез, находящихся под языком. Приготовленные в наваристом курином бульоне гнезда — знаменитый деликатес.

В тусклом свете фонарей тайских охотников смутно вырисовываются очертания сюрреалистической бамбуковой конструкции — опоры, платформы, мостки. Ее верхняя часть теряется во мраке. В воздухе резкий запах аммиака, исходящий от помета саланган и летучих мышей, сплошным ковром покрывающего пол и стены пещеры.

Фотограф Эрик Вэли, участвующий в восхождении, поражен увиденным и, очевидно взвешивая шансы на съемку в этих условиях, бормочет себе под нос: «Это безумие, настоящее безумие».

...Восхождение и впрямь оказалось захватывающим. Три ловких компаньона Эрика — шутник Ип, серьезный Сахат и его взрослый сын Эм — карабкались вверх без видимых усилий. Бамбуковые шесты, которые под тяжестью фотографа раскачивались и скрипели, готовые вот-вот сломаться, на их легкие движения отзывались еле заметной вибрацией. Поднимаясь, Эрик обнаружил в стене расщелину, где он смог, свернувшись клубочком, немного передохнуть перед тем, как преодолеть бамбуковый пролет под углом в 45 градусов. Любое неверное движение грозило падением на дно пещеры.

Словом, для неопытного и грузного Вэли подъем превратился в настоящий кошмар. Лишь невозмутимый вид его спутников действовал на него успокаивающе. Для них балансирование на хрупких бамбуковых шестах и лианах — обычная, повседневная работа. Как их отцы и деды, охотники-тайцы занимаются сбором гнезд с детства. Пятидесятидвухлетний Сахат — самый старший из них. В его мускулистом теле нет и грамма лишнего веса. Лицо обрамлено аккуратной седой бородкой. Ип моложе Сахата на 10 лет. По-юношески энергичный, он постоянно пародирует своих друзей, вызывая приступы всеобщего смеха.

Молодому Эму, несмотря на кажущуюся легкость, восхождение тоже далось нелегко. По его лицу катятся крупные капли пота. Но настоящая работа еще впереди. Сахат и Ип перекидывают на скалы узкий бамбуковый мостик, шириной со ступню, и исчезают среди громадных сталактитов. По их сигналу Эрик, глубоко вздохнув, устремляется за ними. У него дрожат ноги — один неверный шаг может оказаться роковым. Между сталактитами мелькает фонарик Ипа. Он берет Вэлли за руку и отводит в безопасное место.

Вскоре Сахат, Ип и Эм приступают к основному занятию — сбору гнезд. Их средняя дневная норма — 150 штук. Ип и Сахат скользят по шестам вниз. Эхо разносит в темноте голоса охотников и жалобные стоны лиан, скрепляющих леса. Сверху они кажутся еще более ненадежными.

Вот Эм срезал со стены гнездо с помощью специального трезубца — рады. Этим орудием вооружены все охотники. Размер гнезда — около пяти сантиметров по диагонали. Изяществом формы оно напоминает фарфоровую чашку. Разделив гнездо пополам, Эм предлагает Эрику вкушать «пищу богов» и сам жадно впивается зубами в свою часть. Эрик следует его примеру. К его большому разочарованию, сырой деликатес оказался пресным и резиновым на вкус. Тем не менее охотники свято верят в его чудодейственную омолаживающую силу. Во время сезона сбора, длящегося с февраля по май, им приходится работать от зари до заката. «Ласточкины гнезда» служат охотникам, выходящим на промысел налегке, без запасов воды и пищи, единственным источником поддержания сил, который, по их мнению, дает им энергию птиц.

В течение сезона гнезда собирают три раза. Птицы восстанавливают их дважды, как правило, на одном и том же месте. Третье гнездо охотники не трогают до тех пор, пока не подрастут птенцы. По окончании сезона тайцы возвращаются к своим основным занятиям. Ип строит лодки, а Сахат и Эм рыбачат.

Добыча гнезд саланган — прибыльное дело. В Гонконге они идут по тысяче долларов за фунт, и цена продолжает расти. Ведущий специалист по гнездам, профессор Китайского университета в Гонконге Юнь Чен Конг считает, что в Китае «ласточкины гнезда» употребляют в пищу уже полторы тысячи лет. По данным профессора, раскопки времен династии Тан на северо-западе острова Калимантан позволяют предположить, что импорт деликатеса начался еще в 700 году до нашей эры. В начале правления династии Мин (1368—1644 гг.) евнух Чен Хо семь раз возглавлял экспедиции императорского флота в Юго-Восточную Азию. Среди прочих инструкций император наказал ему привезти рецепт местной диеты и заморские

ингредиенты для нее. Маршрут экспедиции пролегал через все известные ныне места сбора гнезд, и, вполне вероятно, евнух прихватил с собой несколько штук в качестве образцов. Некоторые специалисты поддерживают «иностранную» версию проникновения «ласточкиных гнезд» в Китай, но документальных источников пока не обнаружено. Профессор Конг считает, что собственные «плантации» гнезд в Китае были истощены еще до того, как их начали ввозить из Юго-Восточной Азии.

К середине XVII века съедобные гнезда уже считались ходовым товаром. В конце XVIII века более 55 тысяч килограммов (4 миллиона гнезд) ежегодно проходило через яванский порт Батавия (нынешняя Джакарта). Сегодня Гонконг потребляет более 60 процентов всего «урожая» гнезд — около 100 тонн на сумму 25 миллионов долларов в год. На втором месте — китайские общины в Северной Америке — около 30 тонн. При этом США не импортируют гнезда в сыром виде, опасаясь проникновения вредных бактерий. Весь поступающий на местный рынок товар прежде проходит обработку сульфитным раствором и отделяется от нечистот.

Большинство деликатесов приобретает для домашнего приготовления, но в гонконгских ресторанах можно заказать суп, сваренный из них, по цене 50 долларов за порцию. Обычно гнезда готовят в курином бульоне. Есть и более изысканные рецепты, например, «Феникс, глотающий ласточку» — отваренный дважды в фарфоровой посуде цыпленок с начинкой из гнезд.

Охотники из Тигровой пещеры собирают два вида гнезд — белые, из чистой слюны серых саламанг, и черные, от больших саламанг, которые используют при строительстве свои перья. Считается, что питательные свойства черных гнезд ниже, соответственно меньше их стоимость. Так называемые красные гнезда пользующиеся высокой репутацией у шеф-поваров, полагающих, что они окрашены кровью птиц, на самом деле имеют такой цвет из-за окислов железа в скальной породе.

Но вряд ли у охотников из Тигровой пещеры есть время задумываться о причинах популярности их добычи. Процесс сбора требует умения и отваги. Однажды Эрику довелось наблюдать, как Ип и Сахат связали из лианы канат длиной 28 метров. При свете факелов они долго искали место, куда его можно было прикрепить. Затем спустились по нему вниз в глубокую темную расщелину.

Кто же первым изобрел всю эту конструкцию из бамбука и лиан? По словам Сахата, древнего «Эдисона» звали Ток Та Па. Работая в одиночку, он заколачивал в расщелины породы колышки и по ним

забирался вверх. Своим оставшимся внизу спутникам Ток Та Па строго-настроено наказывал не открывать рта, даже если они увидят, что он вот-вот упадет. Суеверный мудрец считал, что человеческая речь может разозлить пещерных духов, и они сбросят его вниз.

Охотники за гнездами рассказывают истории о людях, превращавших свое тело в мост, чтобы преодолеть пропасть, способных обходиться во мраке без света, о привидениях и злых духах, которые боятся только магического трезубца — рады. «Но чудес больше нет», — говорит Сахат. — Нет и таких людей, как Ток Та Па. Сегодня приходится рассчитывать только на собственные силы и более тщательно строить леса, потому что в пещерах по-прежнему обитает целый сонм духов».

Сахат не советует сидеть на узле из лиан, скрепляющих леса. Для чу-

жака это всего лишь клубок волокон, которыми беспорядочно связаны бамбуковые шесты. Но для Сахата — это Хуа Дао, священное место, где живет Бог и которое он защищает. «Нельзя также рубить старые лианы, потому что они освящены духами наших предков», — предупреждает он.

Ип посмеивается над историями старших. «При чем здесь духи. Просто у наших предшественников хорошо работали мозги, вот они и построили эти леса...» — «Как бы им удалось залезть вверх без помощи богов?» — парирует задетый богоульствами Сахат.

Правда, Ип относится к этому более практично. Он советует оставлять все волнения внизу. «Наверху надо думать только о собственной безопасности и о том, что тебе надо делать. Многие поплатились

жизнью, размышляя на посторонние темы».

...Постепенно Эрик научился концентрироваться и стал совершенствовать технику лазания. Его движения стали более легкими и изящными. Он начал забывать о грозящей опасности и даже получал удовольствие от восхождения. Главное — определить прочность бамбука, за который собираешься уцепиться. Некоторые шесты от старости рассыпаются в прах. Люди разбивались насмерть, доверившись старому гнилью. «Бамбук надо прежде похлопать, — советуют охотники. — Если он звучит как картон, оставьте его. Он уже потерял свою крепость. А если поет в ответ, значит, все в порядке. И никогда не хватайтесь только за один стебель, всегда беритесь за три или четыре одновременно».

Во время своей первой экспедиции в пещеру Эрик совершал восходе-

ния «вольным стилем». Но, вернувшись туда во второй раз, он уже использовал альпинистское снаряжение, дававшее ему определенное преимущество перед профессиональными охотниками-тайцами. Однажды он наткнулся на целую колонию серых саланган, но не осмелился оторвать хотя бы одно гнездо голыми руками. Дело в том, что, по существующему поверью, гнезда можно срывать только священной радой. Нарушить эту традицию — значит украсть гнездо у пещерных духов и тем самым разозлить их. Если охотник обнаружил, что забыл захватить с собой раду, он должен немедленно спуститься вниз. Это знак того, что боги не благоволят ему и сегодня работу лучше прекратить.

Ип с его чувством юмора и опытом пещерной охоты оказался незаменимым спутником в путеше-

ствиях по подземелью. Вместе с Эриком они отправлялись исследовать другие пещеры. При этом Ип всегда играл роль вожака. С хитрой ухмылкой он водил фотографа по подземным залам, они спускались с головокружительной высоты по лианам и пробирались по длинным извилистым галереям с удушливым запахом.

Однажды для того, чтобы попасть в пещеру Тамай, им пришлось преодолеть довольно узкий тоннель, где Эрик пережил несколько неприятных минут. Блестевшие в темноте глаза летучих мышей наводили ужас, а ноги больно кусали красные муравьи. Руки скользили по покрытой густой черной слизью породе. Ип сказал, что слизь — это слезы скал. Хлопанье крыльев летучих мышей было единственным живым звуком в этой мертвой вселенной.

Впоследствии Эрик рассказывал, что ему с трудом удалось преодолеть клаустрофобию. Большую часть пути, учитывая собственные крупные габариты и висящие на нем фотопринадлежности, ему пришлось ползти по-пластунски, извиваясь, словно змея, постоянно рискуя съехать вниз. К счастью, все закончилось благополучно. Недаром сами охотники называют этот участок «Рапо», что означает «заново рожденный».

Обычно саланганы строят свои гнезда на вертикальной стене под самым потолком большой пещеры или неглубокой ниши. Птицы гнездятся целыми группами, численность которых зависит от наличия свободного места на скале. Когда охотники не могут сами добраться до гнезд, они укрепляют раду и факел на бамбуковом шесте.

Приходится только поражаться тому, где гнездятся птицы. Порой их колонии находятся глубоко под землей, за несколько километров от входа в пещеру. Тем не менее саланганы безошибочно находят свои гнезда в темных лабиринтах подземелья.

Способность ориентироваться в темноте отличает саланган от их сородичей — стрижей, не способных к эхолокации. Издавая серию громких коротких щелчков, напоминающих звук погремушки, птицы летают во мраке пещер. Днем, в поисках пищи, они могут улетать далеко от своих гнезд и возвращаться глубокой ночью. Помимо саланган, способностью к эхолокации среди пернатых обладают только гуахаро, обитающие в тропиках Америки.

В отличие от летучих мышей система акустической ориентации саланган рудиментарна. Она не столь чувствительна, чтобы птицы могли замечать свою добычу — насекомых, но в то же время позволяет сканировать контуры большой твердой поверхности, например стены пещеры. Тем не менее довольно часто саланганы натываются в пещерах на людей.

После десятичасового рабочего дня охотники возвращаются в лагерь и развешивают набитые гнездами сумки на высоких шестах. Затем они рассаживаются на циновках. Их сторбленные измазанные грязью фигуры и остановившийся, безучастный взгляд выдают смертельную усталость.

В гроте у самого моря сооружена платформа из неплотно связанных стволов бамбука. Лианами она крепится к потолку грота. У каждого охотника здесь свое место — отгороженный занавесом уголок. Они ведут совместное хозяйство. У некоторых тайцев сил хватает только на то, чтобы добраться до своей циновки. Утомленные, почти все мгновенно засыпают. Ип мирно пыхтит сигарой, свернутой из бананового листа. Сахат молится, повернувшись в сторону Мекки. Другие смотрят телевизор, установленный в нише.

Однажды вечером покой лагеря нарушил пронзительный гудок. Это на катере прибыл хозяин, господин Апичат, приезжающий раз в неделю за гнездами. В легкомысленной соломенной шляпе и застиранных футболке и шортах он больше похож на отдыхающего бездельника, чем на владельца предприятия, приносящего многомиллионный доход. Его бизнес поставлен на широкую ногу. Правительство Таиланда предоставило Апичату лицензию на право сбора гнезд на 60 островах в течение пяти лет. За это он вносит в государственную казну полтора миллиона долларов. На него трудятся около сотни охотников.

С широкой улыбкой на круглом лице Апичат раздает охотникам прихваченные с собой печенье и напитки. Они тепло приветствуют друг друга. Он привез им новости из дома и не забыл про батарейки для телевизора. Телевизор Апичат подарил охотникам в свой прошлый приезд. Улыбка сходит с его лица, когда он просит Ипа разложить на циновке собранные за неделю гнезда. Апичат тщательно осматривает и взвешивает каждое гнездо. Итого — 25 килограммов отборных белых гнезд. В Гонконге за них можно получить 50 тысяч долларов.

Инспекция закончена, и Апичат присоединяется к трапезе охотников. Его короткая плотная фигура и бледная кожа, выдающая китайское происхождение, резко контрастируют с поджарыми и темными телами работников. Предки Апичата — китайцы — поселились на юге Таиланда в начале этого столетия. Охотники, как и большинство других жителей этого региона, — мусульмане, потомки малайских рыбаков, начавших заниматься промыслом «ласточкиных гнезд» несколько поколений назад.

После обеда, когда все прильнули к экрану телевизора, наблюдая за боксерским поединком, Апичата потянуло на открытие. Он не прочь порассуждать о трудностях своего предприятия. Разумеется, ему из-

вестно о риске, которому подвергаются охотники в пещерах. Но на этом опасности не заканчиваются. В этих широтах стычки с пиратами не редкость. Самого хозяина повсюду сопровождает вооруженная охрана, которая конвоирует собранные гнезда на материк. У многих охранников на теле видны многочисленные шрамы.

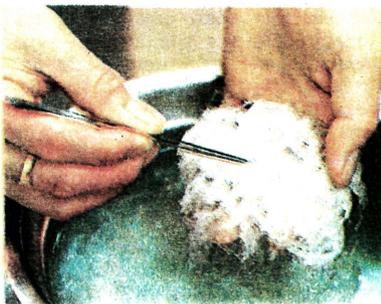
У пещеры надпись на тайском, предупреждающая о том, что вход в нее заминирован. И это не розыгрыш: в прошлом году несколько воров погибли, подорвавшись на минах. «К сожалению, мы вынуждены принимать меры безопасности, — заключает Апичат. — Морские разбойники живут по соседству с моими островами и не упустят случая увести добычу у нас из-под носа».

Впрочем, пираты и гурманы, возможно, и не догадываются о том, что «ласточкиные гнезда» могут иметь еще большую ценность. Профессор Конг считает, что они найдут широкое применение в современной медицине. В традиционной китайской медицине их уже давно используют для лечения легочных заболеваний, как средство для омолаживания кожи и как исходный продукт для приготовления тонизирующего напитка, одинаково пригодного для детей, больных и стариков.

В ходе своих исследований профессор Конг обнаружил, что в гнездах содержится растворяющийся в воде гликопротеин, который стимулирует деление клеток в иммунной системе человека. «Если нам удастся выделить этот ингредиент и определить, на какие клетки он воздействует, то его можно будет использовать для борьбы с вирусом СПИДа», — считает Конг.

Некоторые ученые обеспокоены тем, что хищнический сбор гнезд может отразиться на численности колоний саланган. Профессор Конг тоже придерживается этой точки зрения: «Если сохранятся нынешние масштабы сбора, то саланганы вымрут прежде, чем нам удастся обнаружить, какую пользу могут принести их гнезда».

В отделении зоологии Национального университета Сингапура пытаются выработать научные рекомендации по сбору «ласточкиных гнезд». «Охотникам следует иметь в виду брачный цикл саланган, — высказывает свое мнение Кан Ни, руково-

дитель исследований. — Иначе никакие средства защиты от браконьеров не смогут компенсировать вред, который наносят саланганам сами хозяева пещер».

Ученые рекомендуют ограничивать ежегодный сбор гнезд в зависимости от погодных условий и поведения птиц в брачный период. Первый раз гнезда надо собирать прежде, чем саланганы успевают отложить в них яйца. Гнезда, построенные во второй раз — в идеальное время для пестования птенцов, следует побережить, пока те не подрастут. При благоприятных обстоятельствах птицы могут построить гнездо и в третий раз.

Но любой тщательно разработанный план нуждается в одобрении со стороны хозяев пещер: им придется пойти на временную потерю прибыли взамен на изобилие гнезд в будущем. Договоры на аренду островов пересматриваются каждые пять лет. Бытует мнение, что столь короткий срок способствует хищнической эксплуатации пещер, заставляя временных владельцев стремиться к быстрому обогащению.

Мистер Апичат ратует за сохранение популяции саланган, чего не скажешь о многих его коллегах. В соседней провинции охотники, работающие на другого хозяина, отказались входить в пещеру после того, как один из них разбился насмерть, — собиратели гнезд боялись духа погибшего. За время, пока длилась «забастовка», саланганы отложили яйца. Вернувшиеся к работе охотники, собирая гнезда, разбивали яйца и выкидывали неоперившихся птенцов на землю. По словам Эрика, пол пещеры был усыпан яичной скорлупой и умирающими птенцами.

На скалах рядом с Тигровой пещерой много гниющих стволов бамбука, свидетельство былого изобилия гнезд, когда-то собиравшихся здесь. Теперь нет ни птиц, ни их гнезд. Ип говорит про решимость охотников, несмотря на трудности, продолжать промысел, который для многих стал образом жизни. «Здесь не осталось ни одной птицы. — Ип делает жест рукой в сторону скал. — Они улетели, потому что боятся людей. Но куда бы они ни скрылись от нас, мы найдем их. Если заметим гнезда, то возьмем их. Даже если это будет невозможно, мы все равно найдем способ добраться до них».

Слова Ипа вызывают смешанные чувства. С одной стороны, восхищает его отчаянная решимость охотиться за гнездами в царстве вечной темноты, с другой — охватывает тревога за будущее удивительных пернатых созданий, дающих ему средства к существованию.

По материалам журнала
«Нэшнл джиографик»
подготовил Александр СОЛНЦЕВ

Рисунки Н. БАЛЬЖАК

Дэйв УОЛЛИС,
английский писатель

МОЛОДОЙ МИР

Фантастический роман

В тронном зале пленные Короли складывали захваченные гангом трофеи. Здесь же находился Эрни. Мощный наркотик власти, приправленный недавним чувством страха и физической опасности, продолжал бурлить в его крови. Он зачем-то проверял и перепроверял вещи, занимаясь делом, которое мог бы поручить любому другому. Затем Эрни рассматривал прошения освобожденных рабов, вынося решения с важным и непроницаемым видом. Короли, обвинявшиеся в зверствах, ползали у его ног и заверяли в своей преданности гангу с улицы Сили, если только он их спасет.

Окончание. Начало см. в № 1/91—3/91.

...Через некоторое время суета улеглась, бывшие бойцы пошли отдыхать.

Эрни вышел на высокую террасу. Далеко внизу, откуда-то из восточной части города, доносились едва слышные выстрелы — это пытались спастись немногие уцелевшие Короли. Начался рассвет.

Подошел Роберт с девушкой, которая, как он сказал, помогла победить, вывесив во время боя флаг ганга. Эрни посмотрел на нее, думая: «Черт возьми, обыкновенная шлюха. Неужели Роберт этого не видит?» Девушка чуть не подмигивала ему, но он только кивнул Роберту. Возможно, она на всех так смотрит. Да и чего скажешь простаку, который ничего не хочет видеть?

Появилась Кэти и тихонько стала рядом. Эрни сказал, не глядя на нее:

— Надо проследить, чтобы ничего не пропало. Затем отобрать лучшие грузовики Королей, уложить продукты и все прочее и проваливать отсюда.

— Проваливать?— удивилась Кэти.— Но от кого нам бежать? На нас здесь никто не нападет.

— Никто...

— Тогда зачем уезжать? Здесь красивые помещения, настоящие кровати и ванные комнаты, не так, как в старом кинотеатре. Почему же ты хочешь уехать?

— Я боюсь, что здесь мы станем...

Тут подошло несколько парней из ганга:

— Эрни, понимаешь, сейчас все ругаются из-за спален. Многие наши ребята пошли с рабынями, а их девушки не только потеряли своих парней, им теперь и спать-то негде. Честно, скоро все передерутся, если ты не придешь и не разберешься...

Говорившего перебили:

— Эрни, а как же с работой на кухне? Я хочу сказать, у Королей были рабы — а теперь как? Будем чередоваться, как раньше? Так ведь народу кормить надо больше. Сейчас была бы моя очередь готовить завтрак, но...

— Тогда это и есть твоя очередь, приятель,— сказал Эрни. В его голосе звучала такая безнадежная усталость, что Кэти испуганно посмотрела на него.— Набери в помощь столько человек, сколько надо. Скажи, что я велел.

— Спасибо, Эрни.

— Кэти скоро пойдет разбираться с девчонками. В замке должно быть много кроватей. А если кому не хватит, можно селиться в городе. Это безопасно, так и скажи.

— Ты устал, Эрни,— проговорила Кэти.

— Не знаю... Оставь меня в покое.

— Ты все еще думаешь, что мы должны уехать отсюда?

— Да, и прошу еще раз — оставь меня в покое.

Кэти повернулась и отошла. У двери оглянулась. Эрни неподвижно смотрел куда-то в пустоту. Король замка.

КНИГА ТРЕТЬЯ СЕВЕРНАЯ ВЕСНА

Тиф распространялся от забитой канализации и загнившей воды в хранилищах. Именно в городах люди были настолько невежественны, что ели открытое пять суток назад консервированное мясо. Клиники, организованные студентами-медиками, давно были разграблены, лекарств никаких не осталось, и даже самый слабый из многочисленных вирусов гриппа распространялся беспрепятственно. Как установили позже историки, таких эпидемий было несколько.

Однажды в дождливый октябрьский день Эрни собрал совет.

Кэти перечислила оставшиеся припасы. Для тех, кто остался в живых, хватало на десять дней. Время крупных гангов проходило. Для них нужны были огромные и надежные источники продовольствия, сложная организация и оборона. Преимущества сейчас были за небольшими волчьими стаями, которые могли путешествовать налегке.

— Все сводится к тому,— подвел итоги Эрни,— что если мы останемся в Лондоне, то скоро выйдем от голода и болезней. Лучше взять то, что у нас еще осталось, и двинуться поближе к северным рынкам. Так или иначе, нам придется с ними торговать.

— А что будет, если нам нечем будет торговать?— спросил Чарли.

— Ну, мы-то сумеем прожить, если все эти деревенщины как-то перебиваются,— самоуверенно заявил Эрни.

И они отправились в путь — без конкретного плана и цели.

Два фургончика, тяжело нагруженные, выехали со двора. В одном из них сидели Эрни и Кэти и — позади — Эстелла, в другом — Роберт и Джулия. Чарли возглавлял мотоциклистов — следы былого шика еще оставались, но тигровые флаги уже не развеивались на ветру, а мотоциклы, донельзя изношенные, чихали и плевались дымом.

Вблизи поселка Стэффорд небольшое поле и ряд коттеджей образовали центр торговой зоны. Фургончики остановились, их окружили кошельком мотоциклов — опять-таки это были остатки былой лихости.

— Сначала добудем пищу,— сказал Эрни,— потом посмотрим, что можно выторговать. Девочки, за дело.— Он раздал маленькие бутылочки с бензином, которые стоили по тем временам четыре жестянки бобов.

— Пошли,— предложила Кэти Джулии, и они отправились за покупками по хлопающей грязи.

Девочки с траурными линиями под ногтями и закопченными лицами отсчитывали необрезанные и немые моркови и картошку. Куры кудахтали в корзинах, а деревенские девушки с мощными бедрами, ожесточенно торгуясь, выменивали духи от Вулворта на свежие яйца. Мерилом ценности этого рынка, как и всех прочих, стал табак. За пачку сигарет в нетронutom целлофане можно было получить овцу, ночь с девушкой или даже мотоцикл в рабочем состоянии, залитый под завязку бензином. Вскоре будет выкурена последняя сигарета. Об этом старались не думать, как и о многом другом. Однако цены продолжали расти.

Кэти и Джулия постепенно приближались к той части рынка, где месяц назад видели прилавки с юбками и блузками. Воздух вдруг наполнился запахом жареной баранины и муки. Парень и девушка, оба в фартуках из мешковины, продавали куски жареного мяса, завернутые в плоские лепешки из приготовленного без дрожжей теста. Вот этот хлеб, очень похожий на арабский, и был главной приманкой. Девушка с закатанными рукавами, чьи красные руки побелели от муки, смешивала в чаше какой-то серый порошок, молоко и воду и выливала эту смесь на расплюснутую крышку от мусорного бака, лжавшую на горящих углях. Обжаренное тесто разрезалось и обворачивалось вокруг куска горячего мяса и продавалось за полсигареты, жестянку супа или четверть пинты бензина.

Девочки купили себе по куску и остановились поесть прямо в гуще толпы. Молодые зубы энергично пережевывали пищу, губы блестели от жира и мясного сока.

Когда они закончили с едой, Кэти сказала:

— Вот хорошо бы и мне научиться готовить такие штуки, или Эрни и другие мальчики умели бы забить и освежевать овцу...

Джулия согласно кивнула.

Вытерев руки и губы тряпочками, купленными здесь же, они отправились дальше.

— Хэлло,— окликнула их какая-то девушка.— Помнишь меня? Я — Джоан.— Эта светловолосая девушка была некоторое время в их ганге еще до захвата Уиндзора.— Я слышала, вы взяли Уиндзор и все тамошние припасы.

— Все кончилось,— вздохнула Кэти.— А много чего укрывали рабы, которых мы освободили от Королей.

— И вы приехали сюда? Ну, здесь много не найдете. Я вообще не знаю, как будет дальше.

— Пока перебивались.

— Да, но теперь все действительно кончается. Кое-что еще есть, но надо долго искать и много платить. А некоторые мальчики... Я никогда не думала, что можно торговать собой, а ты?— спросила она у Джулии, желая установить контакт с новой знакомой. Она была очень дружелюбной девушкой, эта Джоан.

— Да,— подтвердила Кэти,— мы тоже так думаем.

Джулия повернулась к Джоан:

— Похоже, ты знаешь эти места. Где можно найти чулки и причлиные цветные блузки?

— Надо сначала найти пищу для мальчиков,— возразила Кэти, помня, что командует она.

— Пусть они поедят, как мы,— предложила Джулия.
— Хорошая идея,— согласилась Кэти и предложила Джоан пойти вместе с ними.

Подошли к фургончикам. Эрни пожаловался девушкам, что керосин для примусов стоит непомерно дорого:

— Деревенщины проклятые! Эх, еще полгода назад я бы показал им!..

— Это Джоан, Эрни — помнишь?— Кэти кивнула в сторону девушки.

— Хэлло,— бросил Эрни той, а у Кэти спросил:— Где жратва?

— Мы нашли место, где торгуют мясом в лепешках. Не стоит самим готовить. Смотри, это там...— она показала рукой.

— А ради чего, по-твоему, мы заплатили столько за керосин и масло? Чтобы есть, стоя под открытым небом? Тащите жратву и готовьте!

Другие две девушки промолчали, а Кэти вспыхнула: — С кем, интересно, ты так разговариваешь? Мы тебе не рабыни. Иди поешь готового. Не хочешь — ходи голодный.

Эрни мгновение стоял в нерешительности, раздраженный петух среди кудахтающих кур, потом с подчеркнуто презрительным видом отвернулся от девушек и пошел в толпу, предварительно крикнув Чарли и Роберту, чтобы они следовали за ним.

— Ну вот, ребята ушли...— как-то неловко промолвила Джулия.

Мальчики сварили чай на примусе. И Кэти вдруг подумала об Эрни: «Он ожидал моего возвращения и приготовил чай, а я в это время искала чулки и ела мясо...»

— Все тут стало каким-то не таким,— болтала Джоан, ни на что не обращая внимания.

— Зато здесь здоровая жизнь,— заметила Эстелла.— Ни чумы, ни чего-нибудь такого же. Чарли говорит, мы можем все заболеть и умереть, как старые.

— Умереть, но не как старые,— очень серьезно сказала Кэти.

Джоан вскоре попрощалась и ушла. Вернулись мальчики, сытые и жизнерадостные. Только Чарли был мрачноватый.

— Что-то здесь скоро произойдет,— это все, что он сказал. А потом, когда его попросили уточнить свою мысль, добавил:— А у этих деревенщин голова-то варит.

— Скоро нам придется добывать себе одежду,— заговорил Эрни сердито.— Будем отнимать ее у этих деревенщин...

— Ничего хорошего из этого не выйдет,— возразил Чарли.— Даже если спервоначалу все сойдет с рук, вновь появиться здесь мы уже не сможем.

Вмешалась Эстелла:

— А не могли бы вы, ребята, взять овец, или коров, или еще что-нибудь? Я хочу сказать, эти северные ребята умеют... И я не понимаю, почему вы...

— Вот еще, не хватало мне только вилами махать,— фыркнул Эрни.

— Животных нельзя просто «взять»,— сказал Чарли.— Это живые существа. Нужно уметь за ними присматривать, доить их, черт возьми, стричь.

— О!— поправила Эстелла.— Я просто подумала, что это не сложнее, чем мотоциклы, проигрыватели и прочее...

Все замолчали.

— Не прогуляться ли нам?— предложила Кэти.— Может, что и надумаем.

Ганг зашлепал по грязи. С краю рыночной площади у костров сидели пастухи. Рядом с одним из костров мальчик доил корову в ведро. Его девушка готовила мясо и картошку на открытом огне. Даже дым, уже смешавшийся с дождем, пах аппетитно.

— Сколько за стакан молока?— спросила Кэти.

— Одна сигарета, две жестянки мясных консервов или пара чулок,— проговорил мальчик сквозь зубы.

— Слишком дорого,— прикинул Эрни. Девушка внимательно посмотрела на него и щелкнула пальцами. Тут же лохматая колли выскользнула из темноты и легла у ее ног. Парень продолжал доить, и слышались лишь потрескивание костра и шипение молочной струи.

— Давай!— завопил вдруг Эрни и хотел было ударить ногой по ведру, зная, что хозяин инстинктивно схватится за него, чтобы уберечь. Но тут что-то ударило его сбоку. Эрни упал на спину. В лицо ему жарко дышала колли, а девушка успокаивала скалящую от возбуждения собаку. Начавшиеся было крики смолкли. Эрни неуверенно поднялся на ноги. Весь его ганг, парни и девушки, стояли с заломленными за спину руками. Державшие их пастухи недовольно хмурились.

— Здесь вы лучше ничего такого не затевайте,— заметил им парень, доивший корову.— Мы ваши городские фокусы знаем.

Гангу Эрни пришлось расстаться со всеми товарами, предназначавшимися для торговли. Потом их толчками и пинками прогнали прочь:

— Еще раз здесь покажетесь, вам конец!

Они вернулись к фургонам. У ступенек лежало нечто. Эрни коснулся груди тряпья ногой, потом попросил каким-то странным голосом:

— Кэти, зажги факел.

На земле лежала Джоан.

— Наверное, она пришла, когда нас не было,— проговорила Кэти. Она взгляделась в лицо, очень белое в свете факела. Судя по всему, девушка приняла «легкую» таблетку. Джоан внесли в фургон и положили на пол.

— Значит, ей было хуже, чем мы думали,— заметила Джулия.

— Хуже, чем что?— спросил Эрни.— Что вообще происходит? Кто она нам? Почему мы должны с нею возиться?

Главе ганга напомнили, что девушка некоторое время провела вместе с ними.

— Та-а-ак...— задумчиво произнес Эрни. Потом добавил:— И мы начинаем уходить, как... старые.

Тело Джоан вынесли из фургона, прикрыли старыми пальто... Поболтали о всяких пустяках, потом уснули, лежа рядом, но не прижимаясь друг к другу.

А за тонкими стенами фургона завывал осенний ветер.

Туманным утром они вырыли неглубокую могилу и опустили туда тело Джоан, все так же завернутое в старые пальто.

Консервированного молока едва хватило, чтобы сделать по чашке чая. Все молча принялись за обычные дела — осматривали мотоциклы, подметали фургоны, проверяли давление в шинах...

Когда подошло время обеда, а не было ни обеда, ни каких-либо перспектив на него, Кэти разыскала Эрни. Он все время держался в стороне от всех, погруженный в свои мысли.

— Эрни,— напомнила Кэти.— Я хочу есть.

Девушка надеялась пробудить его подходом в стиле «я-маленькая-девочка».

— Все мы хотим,— сухо ответил Эрни.— А скоро вообще голодать будем,— добавил он, помолчав.

— Не знаю, как решать с обедом... Ты должен помочь, Эрни. Осталось несколько банок бобов, но их на всех не хватит.

Эрни пожал плечами:

— Пусть ребята пойдут и попросят что-нибудь у этих деревенщин. А девочки... девочки могут лечь с теми, от кого пахнет коровьим дерьмом и кто всегда может накормить их мясом.

— Спасибо за совет. Тогда и я себе кого-нибудь подберу...

— Я не имел в виду тебя.

— Ты сказал — «девочки». А я — одна из них.

Эрни поднялся с ящика, на котором сидел все время, пробормотав, что ему «надо походить и подумать».

Они пошли рядом, молча. На рынке уже шла усиленная торговля. Никто не обращал на них никакого внимания. И они чувствовали какую-то неловкость. Через некоторое время они купили по мясной лепешке, ставшей «фирменным блюдом» этого рынка, и Кэти решилась спросить:

— А как же остальные?

— Пусть сделают то же самое,— безразлично ответил Эрни.— Там еще остались кое-какие мелочи, которые можно обменять.

— А завтра?

Эрни молча пожал плечами.

— Бога ради, Эрни, очнись! Вчера был не первый бой, который ты проиграл. Что будет со всеми нами, если ты останешься таким?

— Каким — «таким»?

— Ну, как будто ты на все махнул рукой.

— Обойдетесь и без меня. Может, даже это и к лучшему. Пусть Чарли поведет ганг, если захочет.

— Не говори глупостей. Если ты сдашься, ганг развалится и мы все погибнем.

Съеденная ли пища на него подействовала, слова ли девушки, но Эрни взял Кэти за руку и повел к фургонам.

Там пылал огромный костер, оранжево-красный на фоне скучного неба. Пахло жареным мясом.

Эстелла выбежала им навстречу:

— Мы тут посоветались и решили продать один фургон. Нам дали пять живых овец. Фургон взял какой-то богатый парень, он здесь много заработал и теперь возвращается на север. Его девушке захотелось ехать в фургоне, чтобы и вещи было куда уложить, и спать можно было по-человечески. А догадываетесь, кто его нашел — после того, как Чарли и остальные нигде не могли получить хорошую цену? Я его нашла!

Оставшийся у ганга фургон стоял с открытыми дверцами. Внутри его было пусто.

Утром было десять случаев заболевания чумой. Никто, конечно, не знал, как называется эта болезнь: «чумой» называли любую болезнь. И начался массовый исход из рыночной зоны. Каждая группа собрала все, что можно, и отправлялась в ту или иную сторону, наугад.

К югу шла длинная череда торговцев и их девушек, все были тяжело нагружены и просились в обгонявшие их потрепанные фургоны.

На восток и запад шли одиночки или пары.

Самыми организованными были северные пастухи и охотники. Они и так привыкли к кочевой жизни, поэтому сняться с места им ничего не стоило. Они сгоняли свои стада с помощью обученных собак, грузили добро на старые дребезжащие машины и отправлялись в путь. Машины шли со скоростью человека, испуская облака голубого дыма, овцы блеяли, коровы мычали.

Ганг с улицы Силя колебался. Эрни молчал. Потом он медленно проговорил:

— Все, кто возвращается сейчас в город, перемерут. Могли бы с тем же успехом остаться и здесь — разницы никакой. У кого, быть может, и есть капустные грядки или какая-нибудь припрятанная жратва, вот они и надеются прожить. Однако они вечно будут всего бояться и думать, что кто-то придет и все отнимет. И рано или поздно это случится. Нет, научились жить только деревенские.

Эрни ткнул пальцем в сторону пастухов с севера.

— Жаль, что мы так не умеем...— Эрни снова помолчал. Все смотрели на него.— Ну что ж, будем учиться. Вот и все. Поехали!

Они погрузили вещи и стали загонять в фургон овец, которые никак не хотели выполнять команды своих новых владельцев. Проходившие мимо пастухи стали потешаться. Однако один из них прокричал:

— Поговорите с ними. Они и успокоятся.

— Поговорить с ними?— удивился Эрни, как раз пытавшийся утихомирить одну из овец.— Что это деревенщина имеет в виду — «говорить»? Что-нибудь вроде: «Хэлло, овца, как поживаешь?»

— А ты попробуй,— предложила Кэти.

— Хэлло, овца, как поживаешь?— закричал Эрни.

Овца тряхнула головой и послушно пошла в фургон. Все засмеялись.

Миль через двадцать бензин кончился, и взять его было негде.

Три дня ганг прочесывал окрестности, исследовал заброшенные фермы и все время ждал, не появится ли кто-нибудь, с кем можно было бы торговать. На четвертый день кончилась еда. Однако удалось найти две тощие коровы, и этих коров с овцами погнали перед собой по старой Питербороу-роуд. Когда стемнело, легли спать голодными в пустом фермерском доме, где всю ночь дребезжали ставни.

Утром, в десять часов, одна из коров легла на дороге и отказалась вставать. Все столпились вокруг нее, голодные и дрожащие от холода.

— Все равно она не давала молока,— заметил Чарли. — Может быть, ты ее доил неправильно?— спросила Эстелла.

— Я-то правильно доил: давно научился этому на исправительной ферме в Борстале,— отрезал Эрни.— Может быть, у них не всегда бывает молоко и это связано с телятами?

— Тогда надо ее зарезать и съесть,— предложила Эстелла.— Я долго без еды не продержусь.

— А кто продержится?— все вдруг заговорили сразу.

— Как же ее резать?

— Ну, убьем.

— Вот и убивай.

— Да, а как это сделать?

— А как это делают на бойне. Сначала молотком, потом ножом.

— Очаровательно...— хмыкнула Эстелла.

Чарли и Эрни тем временем отошли от толпы поговорить. Потом они вернулись.

— Соберите сучья или еще что там и разводите костер,— сказал Чарли. Он закрыл корове глаза своим шарфом. Эрни поднял бульжник с обочины и с силой обрушил его на голову животному...

Пока девушки разжигали костер, парни стали разделывать тушу. Им было тошно от непривычной работы, к тому же их ножи были слишком короткими для этого дела и все время натывались на кости. Окровавленное мясо, остывая, пахло как-то странно.

Затем стали поджаривать куски мяса на длинных палках. Ветер задувал дым в глаза, порой палки загорались, и мясо падало в огонь.

Вдруг Чарли, стоявший на дороге, закричал:

— Смотрите, что там?

Вдали по дороге скользила какая-то серовато-коричневая полоса. И очень скоро стало видно, что это — большая стая собак.

Собаки с громким лаем неслись по дороге, и сначала никто не беспокоился, хотя и взяли в руки палки. А стая приближалась — там было больше сотни голов. Вел собак, грязных и ободранных, огромный эльзасский пес, чья сука гордо бежала рядом с ним. Не обращая внимания на людей, стая окружила тушу коровы.

Только эльзасец и его самка ели мясо спокойно, остальные грызлись, норовя ухватить кусок по лучше.

Стало ясно, что коровью тушу не спасти. Испуганные овцы пытались сорваться с привязи, и самые слабые собаки, которым ничего не досталось, уже принюхивались к людям и скоту.

— Убирайся отсюда!— Эрни пнул небольшого рыжего пса. Тот твякнул, отскакивая, и кое-кто из стаи повернул головы, продолжая жевать.

Скоро от туши ничего не осталось, но больше половины собак остались голодными. Эльзасец поднял свою длинную морду, посмотрел на людей, их овец, оставшуюся корову. И рванулся вперед. Это было сигналом — за ним помчалась вся стая.

Люди отступили, а овцы буквально исчезли под массой собачьих тел. Коровы бежали, не разбирая дороги, на шее у нее повисли три собаки. Вот она упала на колени, и десятки клыков впились в ее тело. И все же мяса не хватало — собаки, помедлив, двинулись на людей. Чарли и Эрни достали драгоценные автоматы и начали

стрелять. Под прикрытием их огня все бросились прочь от дороги.

Никто сразу не заметил, как отстала Джулия. Собаки тут же окружили ее и стали кусать. Эрни и Чарли попытались было стрелять, но собаки плотно окружили девушку. Тут подскочил Роберт и, выхватив у Эрни автомат, стал бить собак прикладом по головам. Он расчистил небольшое пространство, пристрелив несколько собак, в том числе и жоака. Стая отступила и собралась у тела своего предводителя.

К Роберту подошел весь ганг. Джулия плакала, а Кэти стала обмывать и перевязывать ее раны.

Эрни, кивнув Чарли, направился к стае.

По какой-то причине собаки отступили, но две из них, поменьше, оглянулись. Одна была рыжая, другая вся черная. Эрни сказал им что-то, потом отложил автомат, нагнулся и протянул левую руку. Рыжая собака подбежала к нему и остановилась в нескольких футах, склонив голову. Эрни сунул руку в карман и бросил два куска жареного мяса, которые прихватил при появлении стаи. Собаки мгновенно проглотили мясо и стали смотреть на Эрни с радостным ожиданием. Но он развернулся и медленно пошел обратно. И две собаки побежали за ним.

Найденная ферма была заброшенной и, похоже было, уже подвергалась налету. Однако налетчики, вероятно, были всем хорошо обеспечены, потому что в буфетной оставили несколько банок с консервами. Их открыли — томатный суп — и согрели на старой угольной плите. Рядом с огромной семейной библией нашли «Руководство для скотовода». При свете свечей Чарли читал эту книгу вслух, и все обсуждали непонятные слова. Долго учили слово «вымя».

— По-моему, все это просто отвратительно, — сказала Эстелла и отвернулась.

Эрни, открыв дверь в ночь, позвал:

— Пэтч, Вэг! Пэтч, Вэг!

И посвистел.

Собаки выскочили из темноты, переступили порог и сели в круге света у стола. Все заговорили с ними, кроме Джулии. Кэти налила им в тазик воды.

— Посмотри, Чарли, нет ли там чего-нибудь об обучении собак? — попросил Эрни.

12

Хотя зима выдалась тяжелой, люди понемногу собирали овец и коров и двигались в северном направлении. Завели собак и обучили их охотиться на зайцев и одичавших овец. Понемногу приобретались скотоводческие навыки. И наконец, число рождений стало превышать число смертей.

В городах еще была чума, остатки продуктов охранялись свирепыми гангами, которые стреляли, не задавая вопросов. Стаи диких собак всегда угрожали с юга и никогда — с севера. Поэтому переход к северу продолжался до весны.

Долгие дни, проведенные на открытом воздухе, со скотом и на охоте, закалили ганг. И мальчики и девочки стали худыми и жилистыми, лица их сделались коричневыми с красным оттенком от солнца и ветра.

Кэти и Эстелла изучали домашний раздел «Руководства для скотовода». Ганг жил сейчас в заброшенном небольшом коттедже. Животные паслись неподалеку, трава была чахлая, но все же овцам хватало.

Как-то Кэти решила подыскать кое-какие вещи, нужные ей и Эстелле для ведения домашнего хозяйства. Она спросила у Эрни, не опасно ли идти в городок Мэлтон — они жили совсем близко от него. Эрни свистом позвал Пэтча и Вэга, которые тут же отозвались, готовые идти на охоту или на ловлю диких овец.

— Идите с Кэти, — приказал Эрни собакам, и они стали с нетерпением прыгать вокруг девушки. — Собаки за тобой присмотрят.

Кэти шла к окраинам полупустых городков-близнецов Мэлтона и Нортон. По траве скользили тени облаков, собаки гонялись за ними, но быстро возвращались к девушке. Кэти тихонько напевала старинную танцевальную мелодию. И вот уже вокруг нее сомкнулись первые пустые улицы городка. Группа диких овец в ужасе бросилась от нее, и Кэти пришлось прикрикнуть на собак, чтобы те не побежали за ними. Топот копыт был единственным звуком на пустынной улице. Девушка зашла в небольшой продуктовый магазин. На полках не было ни одной консервной банки. У входа стоял белый холодильник, от него исходило негромкое гудение. Кэти не верила своим ушам: все говорило, что это невозможно. Любое устройство, работающее на батарейках, давно должно было замереть. Она подошла к холодильнику и открыла его. Нижняя половина была заполнена черной массой гниющего мяса. Гудение исходило от миллионов мушиных личинок, которые находились в непрерывном движении.

Раньше, до Уиндзора, Кэти убежала бы в ужасе, а сейчас она только наморщила нос и щелкнула пальцами, отгоняя приносящихся собак. В хранилище позади магазина стояли в углу мешки. Истлевшая веревка у горловины подалась с первого же рывка, и Кэти по локоть запустила руку в желтый порошок. Собаки сидели по обе стороны, стучали по полу хвостами и смотрели на девушку.

Желтоватой мука была только сверху, из глубины мешка Кэти достала белый порошок. Он был сухой и не пах затхлым. Она попробовала его на кончик языка. Вкус был тот самый, что запомнился ей с детства, когда мать готовила что-то из муки. Кэти нашла канистру и заполнила ее белым порошком.

В другом, хозяйственном магазине она отыскала сухие дрожжи и пошла обратно к коттеджу.

Эстелла встретила ее на пороге.

— Я растопила эту старую плиту, — сообщила она. — Только вот дерево прогорает слишком быстро, плита раскаляется и опять остывает. Ничего у нас с тобой не получится. В школе на уроках домоводства были газовые плиты... Ты... ты муку принесла?!

Вдвоем они начали большой эксперимент.

Милях в десяти от коттеджа, в холмах, мальчики охотились на диких овец. Настоящей дичи почти не было. Местные ганги давно все повибили. А одичавшие овцы научились убежать и прятаться, подолгу лежать в кустах, выжидая, когда охотники уйдут подальше. Выжили самые способные — те, кто меньше других походил на овец и умел, подобно кенгуру, прыгать через изгородь...

Эрни заметил овечью спину и побежал к самой верхней точке длинного гребня. Рядом бежали три обученные собаки. Он сделал знак Чарли, Роберту и еще трем парням, которые стали заходить с флангов. Одна из собак приглушенно тьякнула.

— Молчать! — прикрикнул на нее Эрни. Со всех сторон, в полной тишине, устремились на овцу и люди и собаки. Треугольная черная морда поднялась на мгновение из-за куста, взметнулись изогнутые бараньи рога. Яростно залаяли собаки. В сотне ярдов по обе стороны закричали парни. Их целью было напугать животное, чтобы оно потеряло ориентировку. Теперь стало видно, как баран бежит по пружинистому торфу. Через три минуты барана загнали. Собаки подпрыгивали с лаем, а старый баран готовился бить рогами. Чарли подошел сзади барана, Эрни с ножом был впереди — они схватили его и перерезали горло. Собаки повизгивали, намекая, что барана следует разделить прямо сейчас и разделить сырым между всеми.

— Отдохнем немного и пойдем назад, — объявил Эрни.

Все улеглись на торфе.

— Надо бы успеть до темноты, — заметил Эрни. — Что у нас сегодня с луной, Боб?

Роберт приподнялся на локте и вытащил из кармана картонку, расчерченную на квадраты:

— Или мы выйдем через полчаса, или придется ждать два часа до восхода луны.

— Тогда передохнем немного.— Эрни пнул ногой тушу.— Помнишь, как он опустил голову? Еще секунда, и поддел бы кого-нибудь рогами.

— В старых комиксах баранов рисовали совсем другими,— припомнил Чарли.

— А хоть ч т о н и б у д ь старые показывали правильно?— с горечью спросил Эрни.

Отдохнув, они отправились в долгий обратный путь к коттеджу. Девять миль по холмам, обильно усеянным булыжником. Барана несли по очереди. Чтобы не скучно было идти, пели песни.

Когда они сбросили тушу во дворе, девушки столпились у освещенной двери:

— О, молодцы!

Только сейчас, дома, Эрни почувствовал, как сильно устал. Но он стряхнул с себя усталость, как научился делать это за те месяцы, что они постепенно передвигались на север.

Кэти стояла в двери, из-за ее плеча выглядывала Эстелла. Из дома доносился запах древесного угля и еще чего-то. Девушки отступили в стороны. Запах ударил Эрни в ноздри, и его рот заполнился слюной, а в животе заурчало. Запах был из очень давних, почти забытых, и он пьянил. Эрни споткнулся на пороге. Девушки смотрели на него с затаенным волнением. Эрни обернулся к Чарли и другим охотникам.

— Хлеб!— вдруг вскрикнул он.— Это хлеб!

Кэти вытащила три горячие буханки хлеба, крутые и упругие.

— Хлеб! Это хлеб!— кричали парни, а Кэти неторопливо вытирала руки фартуком.

— Мы не знали, как получится,— сказала она.— Дрожжи были очень старые, а мука вся влажная. Но Эстелла вспомнила рецепт из уроков домоводства.

— Вообще-то первая подумала об этом Кэти,— смутилась Эстелла.— А сколько пришлось возиться с плитой... Теперь нетрудно понять, почему здешняя хозяйка делала хлеб сама... Ну как? Тот кусочек, что мы попробовали, был о'кей, но...

Ответа не было. Парни склонились над столом и жевали, жевали...

— Надо было заставить вас немного подождать, чтобы ели хлеб с мясом, как полагается,— отметила Кэти.

Позже они освеживали барана и поджарили несколько кусков. Пили ледяную колодезную воду, а девушки притращивали припрятанную буханку хлеба.

Сидели допоздна — чуть ли не до половины десятого, потом разошлись парами и легли на пахучие овечьи шкуры.

Луна поднялась в полном соответствии с таблицей Роберта и сейчас отбрасывала аккуратный бледный прямоугольник на дощатый пол. За дверью с ворчанием грызла кости собаки.

— У тебя волосы пахнут хлебом,— сказал Эрни. Кэти резко отвернула голову.— Нет, мне нравится. Сразу хочется есть.

Кэти тут же повернулась к нему и прижалась всем телом.

— От тебя тоже пахнет, если хочешь знать,— прошептала она.

— Чем?

— Овцами.— Она рассмеялась.— Ну, и... тобой.

— Я мылся после охоты. Нам бы еще мыла достать...

— Знаю. В этом городке уже совсем ничего не осталось. Я искала.

— Хороший был хлеб. Ты сможешь еще сделать?

— Если найду все, что нужно.

Они шептались и ласкали друг друга, медленно и нежно. Правая рука Эрни блуждала по холмам и долинам,

которые он знал и любил. Кончиками пальцев он провел по затвердевшим соскам, потом его рука скользнула вниз. Кэти стыдливо сомкнула ноги. Все это было обычным и привычным, поэтому оба не были готовы к волне, которая внезапно захлестнула их. Эрни почувствовал желание намного более сильное, чем когда бы то ни было. Их слияние было яростным и полным и в чем-то новым, как будто они познавали друг друга в первый раз.

Прикрывавшие их шкуры оказались разметанными. На Эрни навалилась вся та усталость, что накопилась на охоте.

— Замерзнешь,— прошептала Кэти, пытаясь прикрыть его, дышавшего еще с трудом и прерывисто. И, помолчав, добавила:— Эрни... Эрни, я думаю, что-то случилось...

— Как ты можешь знать? Подожди, будет видно.

— Я просто чувствую, что это так. Никогда раньше не чувствовала...

— Со мной, знаешь, тоже никогда раньше такого не было.

— Эрни, а что будет, если мы больше не найдем овец, а наши перемерут зимой от снега или еще от чего-нибудь?

— С нами и похуже бывало. О чем беспокоиться?

— Сама не знаю.

Эрни скоро уснул, а Кэти еще долго лежала наедине со своим страхом. Это был страх взрослого человека. Такого она раньше не испытывала никогда.

13

К июню они были уже в Шевиот-Хилз. Две пары умерли от какой-то болезни, по-прежнему называвшейся чумой,— они заразились во время налета на Хэвик. Из ганга осталось всего шестеро: Эрни и Кэти, Роберт и Джулия, Чарли и Эстелла. С ними были четыре обученные собаки, пять голов крупного скота, включая отелившуюся корову, и около двадцати овец. Сейчас нужно было растить стадо и подыскивать дом с сараем и выгульным двориком, где можно будет перезимовать. До зимы было еще много времени, и они охотились на диких овец, торговали помаленьку — обменивали шкуры на сапоги у племени в шотландских юбках, которое никак не хотело поверить, что они с юга.

Всю работу делали без разговоров. Самую тяжелую и неприятную — разделку туш — выполняли парни; готовили главным образом девушки; ухаживали за скотом и охотились вместе. Между парнями давно установились ровные, дружеские отношения. Эстелла уживалась с Кэти и Джулией, но Кэти и Джулия видят друг друга не могли и часто рывкали одна на другую или, наоборот, сосуществовали в ледяном молчании.

Жизнь, которую они вели, вынуждала к тесному общению. Секретов среди них не было. Раньше они часто менялись партнерами — из любопытства или в виде вызова — теперь ничего подобного не происходило.

Однажды в жаркий июньский день Кэти сидела одна и чинила куртку из овечьей шкуры, когда появился Чарли.

— Остальные еще охотятся. Мы решили, что я должен вернуться и сказать тебе, чтобы ты не волновалась, если они задержатся. Потом я должен пойти и поискать этих проклятых овец, которых мы недосчитались прошлым вечером...

У Кэти было странное ощущение: ей казалось, что она одна в лагере, как в старые времена, когда она заболела гриппом и осталась дома.

— Можешь выпить стакан молока, раз ты уж здесь.

— Спасибо.— Чарли выпил молоко.— Ну, я пойду.— Тут он заговорил «киношным» голосом:— Если не вернусь через пять часов, больше меня не ждите. Все свое имущество завещаю Эстелле.

Кэти рассмеялась:

— Подожди. Я прогуляюсь с тобой. Жалко сидеть дома в такой день.

Они вышли из дома и стали пробиваться через частый кустарник. Жаркое солнце жгло им плечи. Пахло дикими цветами.

— Пойдем вдоль ручья, — предложил Чарли. — Эти лохматые дуры иногда выпивают слишком много воды в жару и прячутся в кустах, а потом просыпаются, видят, что остальные ушли, и бегут куда-нибудь в панике.

Небольшой ручей сбегал с холма. День уже клонился к вечеру, и оживали уставшие от зноя птицы, слышались их голоса. В воздухе клубилась мошкара. Овцы не попадались.

— Давай передохнем, — предложил Чарли.

Они сели на большой камень, рядом.

— Я теперь как-то странно себя чувствую, если много хожу пешком, — обрадовалась отдыху Кэти.

— Что ты имеешь в виду — «теперь»?

— Ну, раз уж ты спросил, скажу. Так или иначе, все равно все скоро узнают. Я жду прибавления семейства, как говорили старые.

— Вот это да! Ты уверена?

— Совершенно уверена. Об этом знает только Эрни.

— И что он об этом говорит?

— Волнуется. Но вообще-то доволен. Плохо только, что это будет зимой.

— А ты или другие девушки знаете, что делать, когда это начнется?

— Я-то ничего не знаю. Джулия — ну, она-то может знать, но я у нее ни за что не буду спрашивать совета.

— Попроси Эрни. Мы найдем каких-нибудь медиков. Я слышал, что студенты Эдинбургского медицинского института устроили какую-то бартерную клинику. Платишь яйцами, мясом, шкурами и прочим. Они даже операции делают, мне говорили. Это ребята рассказывали, которые занимаются кражей овец, раньше там больше абортывали, а теперь многие девушки хотят оставить ребенка. Так что, пожалуйста, не беспокойся.

— Тебе легко говорить, он же не в твоём теле растёт.

— Не я туда его поместил...

— Ты любишь Эстеллу?

— Она ничего. Уживаемся.

— Я спросила: «Ты ее любишь?»

— Я не знаю, что означает это слово. Половина старых, которые употребляли это слово, тоже не знали.

— Странно, теперь никто не вспоминает старых. Как будто это было сотни лет назад.

— Ну и хорошо... Все неправильное, что у нас было, это вещи, оставшиеся от старых: Короли в Уиндзоре, они же были как из какого-то военного фильма... Да и та девушка, которая сделала это, на рынке, — Джоан... Она думала, что должна сделать это, потому что читалась старых книг о Романтической Любви. Сама же она ничего такого не чувствовала.

— Я не думаю, что здесь ты прав, Чарли.

— Ну, может, не в ее случае... А в других — все точно.

— Ты можешь говорить с Эстеллой о своих мыслях и... вообще?

— Нет, пожалуй, не могу. И вообще, не я ее выбрал, а она меня.

— Я думаю, ты выбрал ее потому, что тебе нравится быть умнее своей девушки. Более умной ты боялся бы.

Солнце спускалось на западе, но еще было очень тепло. Кэти поднялась:

— Чарли...

— Я тебе сказал — не беспокойся. — Чарли обнял ее рукой за плечо. — Есть эти медики в Эдинбурге. Я поговорю с Эрни, если хочешь. Мы пойдем и узнаем, безопасно ли это, сколько они берут и все прочее.

— Дело не в том. Во всяком случае, не только в том. Все из-за тебя, дурак ты набитый. Ты же знаешь, что это так, зачем же притворяешься, а? Вот чего я не могу понять. Почему?

— А почему ты так поступила?

— Я была нужна Эрни... Я была глупой девчонкой, а он вождем. И вообще ты гонялся за всеми девками подряд. Потом начался долгий переход на север... Ты был все время с Эстеллой, а она хорошая, по-настоящему хорошая... Это я из ревности по ней немножко прошлась... Вы с Эрни стали такими друзьями, такими мужественными парнями, что я себе стала казаться хрупким и ненужным существом. Тебе этого не понять... А теперь уже поздно... Хотя иногда вспоминай, как у нас было раньше... Я люблю тебя, а ты меня. А соединиться мы уже не сможем. Вот что сделали с нами последние два года, понимаешь?

Чарли посмотрел вниз, на сухой летний лишайник.

— Да, — сказал он, не поднимая глаз. — Ну и что теперь делать? Ладно... Давай искать овец. Осталось чуть больше часа до темноты.

Они повернулись — и увидели, что четыре пропавшие овцы мирно щиплют траву, совсем недалеко от того места, где они сидели.

Когда они вернулись, все уже были на месте и готовили пищу. Эстелла накрывала на стол, Джулия помешивала баранину, тушившуюся с травами.

— Давай-ка лучше я, — предложила Кэти Эстелле. — Ты, наверное, пробежала сегодня немало миль. А я не очень-то утомилась с этими овцами.

— Все в порядке, спасибо, Кэти, — сказала Эстелла. — Я наотдыхаюсь, когда поем.

— Иди, иди, отдыхай, — настаивала Кэти. Она почувствовала вдруг, что стоявшая у плиты Джулия повернулась на мгновение и посмотрела на нее.

После еды они сидели и разговаривали. Одновременно девушки шили, а парни точили ножи.

Потом Чарли поднялся и стал тревожно ходить по комнате. Одна стенка котеджа была покрыта чистой белой штукатуркой. Чарли начал с мрачным видом царапать эту стенку. Потом вытащил из плиты горящую ветку и задул пламя. Комната с низким потолком заполнилась дымом.

— Чарли, бога ради! — закричала Эстелла.

Чарли продолжал водить по стенке обугленным концом ветки. Все продолжили разговор, решив не обращать на него внимание.

— Хорошо бы опять устроить вечеринку, как раньше, — щелбнула Эстелла. — Правда, Чарли, — окликнула она его. Юноша по-прежнему что-то чертил на стене. — Чарли! Что ты делаешь?

Эстелла подошла к стенке:

— О, смотрите! Вот это здорово!

Все вышли из-за стола. Эрни держал в руке свечу. На стенке Чарли нарисовал унылую улицу с полуразрушенными домами — таких они видели десятки, сотни, чуть ли не тысячи...

— Потрясающе, Чарли!

— Нарисуй еще что-нибудь!

Чарли пожал плечами:

— В школе у меня всегда было хорошо с рисованием. А сейчас получилось что-то не то. Я не так хотел сделать. Но ничего, вот набью руку и тогда...

Все лето они двигались на север и к концу июля были уже в горах. Перезимовали в большом отеле, которым владел местный ганг. Плату за жилье здесь не брали, но требовали, чтобы парни участвовали в охране, а девушки — в кухонной работе.

Вот здесь-то мрачным январским днем, когда в три пополудни было уже темно, Кэти родила ребенка.

Всем было страшно. Но все понимали, что Эрни-второй — это начало.

„Крылатый безумец“

Чарли Линдберг

На облачном небе мелькнула черная точка. Она ширится, растет, и мало-помалу видно, как неясные контуры вырисовываются в плавные, нестибающиеся крылья. Отчетливый изящный поворот и «Spirit-of-St-Louis» садит на землю «крылатого безумца», пролетевшего без остановки 33 с половиной часа. Как будто сомневаясь в том, прилетел ли он в Париж, Чарли неуверенно осматривается по сторонам. Сомнение мгновенно рассеивается: стотысячная толпа, наводнившая Бурже, смело охранительную завесу войск и ринулась к машине...

25-летний Чарли, швед по происхождению, пилот американского почтового ведомства, все время развозил воздушную почту из Сент-Луиса в Чикаго. Узнав о том, что американский миллионер Раймонд Ортейг назначил премию в 25 тысяч долларов тому летчику, который первым без спуска перелетит из Нью-Йорка в Париж, он поведал своим друзьям из Сент-Луиса — его родного города, о желании попытать счастья. Друзья его поддержали.

В этом городе находится небольшая фабрика авиационных моторов Риап. С владельцем этой фабрики, другом его покойного отца (бывшего члена американского парламента), Чарли условился, что они без шума попытаются снарядить этот полет, оставив его всяческими техническими предосторожностями. Семейные друзья Чарли и его матери (профессора химика Сент-Луисского университета) решили в складчину собрать необходимые средства как для покупки машины, так и для общей организации полета, и было внесено, таким образом, около 25 тысяч долларов. Показательно для характери-

ки всей обстановки, сопровождавшей полет, то обстоятельство, что сам Чарли вложил в это дело свои сбережения в размере 2500 долларов. И началась скромная, тихая работа. Каждую неделю, возвращаясь из Чикаго, Чарли направлялся в мастерские завода, где совместно с техническим персоналом следил за оборудованием машины...

Он тренируется, перелетая регулярно из Сент-Луиса (в штате Миссури) в Сан-Диего (Калифорния), покрывая 2400 километров за 14 часов в среднем. Пользуясь отпускными днями, он летает из Чикаго в Нью-Йорк и обратно. Растет и накапливается уверенность в своих силах и вера в машину...

20 мая 1927 года, забрав с собою несколько бутербродов, две бутылки воды и фляжку горячего шоколада, Чарли Линдберг в 12 часов 52 минуты дня по европейскому времени срывается с Нью-Йоркского аэродрома (Поле Рузвельта)...

В одной из французских газет появилась любопытная заметка самого Чарли Линдберга о своем перелете и связанных с ним личных переживаниях.

«Когда я оставил за собой Нью-Фаундленд, стихии словно с цепи сорвались и промучили меня всю ночь. В несколько минут моя машина покрылась слоем льда, когда я попал в снежную бурю и уже начал было подумывать о том, чтобы вернуться обратно. Но решил, что на обратном пути мне, может быть, придется еще хуже, и полетел дальше. Я опускался вниз и легел в трех метрах от уровня моря и снова поднимался вверх, забирая высоту до 3000 метров, чтобы спастись от непогоды. Но ничто не

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света № 10

1927 г.

ИЮНЬ

10

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Едва ли не в каждом номере возрожденного в 1927 году «Вокруг света» можно увидеть заметку или рисунок, связанные с авиацией. Если путешествовать в ракете в те годы оставалось столь же фантастическим, как и во времена Жюль Верна, то самолет, или, как тогда говорили, аэроплан, существовал в реальности и давал возможность проектировать путешествия по воздушному океану. Но они не утратили еще острый привкус редкого приключения, авантюры.

«Великие перелеты 1926 года» — таков заголовок обширного обзора в «ленинградском» «Вокруг света» (о судьбах «ленинградского» и «московского» вариантов журнала речь впереди). В статье рассказывается о беспосадочных полетах французских летчиков по маршрутам Париж — Басра, Париж — Омск, Париж — Бендер-Аббас, об экспедиции советских летчиков на шести аэропланах в Пекин, о перелете англичанина Кобхема из Лондона в Мельбурн. Вглядываясь в опубликованные журналом схемы, нельзя не заметить, что все маршруты прокладывались так, чтобы самолет как можно меньше времени находился над водой. В случае аварии шансы спасения на суше выглядели предпочтительнее.

Должен был найтись смельчак, который преодолел бы страх, сковывающий волю человека, стоило ему только вообразить себя висящим в железной клетке над грандиозным океаном.

Этот смельчак обнаружился в Новом Свете, в провинциальном американском городе Сент-Луисе. На своем утлом самолетике, оснащенном самодельными приборами и средствами спасения, он за один прием перепрыгнул Атлантику в направлении, обратном плаванию первооткрывателя Америки. За это его окрестили в газетах «крылатым безумцем» — по той же логике, по какой в средневековой Испании считали безумным план Колумба.

Теперь перелет через Атлантику стал рутинной. А безумие мы находим в том, что невозможно купить билет на рейс Москва — Нью-Йорк, как если бы Нью-Йорк был Саратовом или Кинешмой. Так меняются оценки. И в суете будней, поглощающих все наши силы, мы почти забыли имя бесстрашного летчика, соединившего дерзким броском два континента.

А. САВРАНСКИЙ

помогало. Только к утру погода стала изменяться к лучшему.

В воскресенье, около полудня, я увидел под собой флотилию рыбачьих лодок; на некоторых из них я различал людей. Я круто снизился и закричал: «Правильно я держу путь на Ирландию?», но они мне не ответили: либо меня не поняли, либо приняли за сумасшедшего. Час спустя я увидел землю. Было уже около 4 часов пополудни. Заметил скалы и скоро понял, что это должна быть Ирландия.

Весь остальной путь был уже детской забавой. Я пересек Англию, перелетел через канал и, очутившись у Шербурга на французском берегу, отыскал Сену и последовал за ее течением. Когда мне оставалось лететь до Парижа еще полчаса, я заметил маячный огонь. Увидев вдали яркую полосу света, высоко поднимавшуюся от земли, я подумал, что это должна быть Эйфелева башня, а потому пе-

релетел через Париж и принял искать Бурже. Я сигнализировал своим аппаратом Морзе, но мои сигналы, по-видимому, не были приняты. Наконец увидел яркий свет и фонари множества автомобилей. «Это Бурже», — подумал я и начал снижаться».

...Неизвестный еще вчера — сегодня Чарли предмет всеобщего внимания.

Но он не «оправдывает» надежд, возлагаемых обычно на любимцев дня. Скромный и сдержанный, как и в период организации перелета, Чарли показывает и после победы, как чужда ему типичная капиталистическая эксплуатация случайного, быть может, успеха. Он отказывается от миллионного заработка, предложенного ему фабрикантами голливудских фильмов. Он отклоняет — одно за другим — несколько предложений театральных директоров бешено оплатить такую рекламу, как... посадка

его машины возле некоторых театров. Он отказывается от 100 000 долларов за 8-дневное выступление на подмостках. Он пренебрегает 10 000 долларов — как оплату в Миннеаполисе. Чарли Линдберг заявил, что не примет никаких денежных предложений, не имеющих непосредственного отношения к развитию авиации.

Победа Чарли — энтузиаста авиации, «крылатого безумца» — является тем актом личной отваги, тем проявлением личного спортивного совершенства, которые в конечном итоге служат делу международного общения, сближая отдаленнейшие материи и объединяя разбросанное человечество.

М. БОРМИЛИН

Публикуется с сокращениями

Квадрат в море Бофорта

Поиски самолета Леваневского, бесследно исчезнувшего в августе 1937 года во время трансполярного перелета из СССР в США, установление причин и места гибели экипажа до сих пор волнуют многих. И наших читателей тоже, если судить по обширной почте журнала в ответ на публикации Юрия

Сальникова — «Релел» не отвечал» (№ 6, 7/79), «Неизвестный квадрат Леваневского» (№ 1/81). «Где Н-209?» и «Аляскинская версия» (№ 4/89).

Поэтому мы стараемся не оставлять без внимания каждый новый — пусть даже безуспешный — шаг в этих поисках.

В прошлом году в море Бофорта работала очередная американская экспедиция, проверяя аляскинскую версию. Впервые для участия в ней были приглашены советские представители. Предлагаем записки корреспондента газеты «Комсомольская правда», подготовленные специально для «Вокруг света».

Все, абсолютно все в этой истории кажется теперь, спустя время, малоправдоподобным и, я бы сказал, романтическим. Потому что экспедиция, о которой я мечтал долгие годы и которую надеялся организовать с ученым Андреем Станюковичем и тележурналистом Юрием Сальниковым летом 1991 года, состоялась неожиданно-негаданно в апреле 1990-го. Другой мой единомышленник, американец Уолтер Курильчик¹, вконец измотавший госдепартамент США идеей проведения поисковых работ в море Бофорта (север штата Аляска), добился своего и от имени поисковой корпорации США сделал мне официальное приглашение. Бывший военный летчик, с которым мы долго переписывались, ставил типично американские условия: экспедиция очень дорогая, поэтому нужны рабочие руки, а не «сопровождающие». «Желательно,— писал Курильчик,— чтобы ты взял с собой протонный магнитометр, будешь работать оператором». Перед началом экспедиции выяснилось, что в ней будет участвовать еще один советский гражданин — инженер из Киева Евгений Коноплев. Надо ли говорить, как я этому обрадовался... Во-первых, он поисковик с приличным стажем, на его счету с десятком найденных и извлеченных из болот самолетов; во-вторых, с Уолтером Курильчиком он знаком

¹ В предыдущих публикациях мы называли Курильчика — Вальтер. Курильчик нас поправил... (Прим. ред.).

семь лет, и они почти друзья; в-третьих, Женя отлично знает английский.

Мы с ним созванивались десятки раз, но так и не смогли состыковаться, чтобы одной компанией лететь на Аляску — все спокойнее. Встретились лишь в Анкоридже — самом крупном городе штата Аляска, как говорится, на «явочной квартире» одного американца, который никакого отношения к экспедиции не имел. Я показал Евгению протонный магни-

Фотографии сделаны У. Курильчиком во время предыдущей,летней, экспедиции.

тометр, полученный в Ленинграде, а он — карту той части моря Бофорта, где, по всей видимости, разбился экипаж Н-209. Карта была испещрена крестиками. «Эти пометки,— внушал мне Коноплев,— расставили экстрасенсы. Самые известные экстрасенсы Киева. Каждый из них считает: именно здесь погиб самолет».

Лично я верил в отечественный протонный магнитометр ММП-203, который провез через три таможи.

Через два дня за нами прилетел участник экспедиции, летчик Роджер Беккер. Нас приодели, как полярников, выдав теплые, на гагачьем пуху, парки, арктические сапоги, рукавицы. Одна из аляскинских фирм выписала (без расписки) одежду, не взяв с нас ни цента.

— Надеемся, в Прудобее вам не будет холодно,— улыбнулся менеджер на прощание.

Позже, уже в самолете авиакомпании «Аляска эйрлайнз», один молодой нефтяник поделился: «Прудобей» в Северной Америке, можно сказать, ругательное слово и в переводе на русский сленг означает «Тмутаракань», «Колыма». Когда Аляска входила в состав Российской империи, поселок назывался Прудное, там жили русские и эскимосы. Теперь здесь живут эскимосы и рабочие, прилетающие на вахты обслуживать нефтепровод, насосные и прочие станции нефтяного концерна «Арктик ричфолд компани» (АРКО). АРКО настолько богата, что смогла себе позволить стать спонсором дорогостоящей экспедиции. Почему бы и нет? Ведь дело касается погибшего советского экипажа, выполнявшего благородную миссию. А Сигизмунда Леваневского на Аляске знают все. Или почти все.

Но давайте вернемся к тому трагическому дню 13 августа 1937 года, когда в эфире прозвучал последний позывной Сигизмунда Леваневского. И к тому, как родилась аляскинская версия. Подчеркну: она имеет право на жизнь, хотя, не скрою, во многом спорна. Вот последняя принятая радиограмма с борта самолета Н-209:

«Отказал правый крайний мотор из-за неисправности маслосистемы. Идем на трех моторах... в сплошной облачности. Высота 4600 метров. Посадку будем делать 3400. Леваневский».

В закодированном виде последняя часть радиограммы выглядит так: «28 4600 48 3400 92».

Для нерадиолюбителей объясню смысл цифр. «28» — высота полета. «4600» — цифровое выражение высоты полета в метрах, «48» — будем делать посадку. «3400» — ? «92» — Леваневский. Вот этот знак вопроса и не дает покоя многим исследователям. Никто за последние пятьдесят четыре года так и не разгадал, что это за цифры — «3400».

Исследователи гибели самолета Н-209, что называется, разделились на

три лагеря, каждый из которых отстаивает свою версию. Напомним суть этих версий. Первая строится на расшифровке загадочных цифр. Например, у штурмана Н-209 В. Левченко в числе прочих навигационных документов имелась разбитая на квадраты метеокарта Арктики, используемая при получении метеосводок. Авторы этой версии считают, что цифры «3400» обозначают квадрат на карте метеокодов, приходящийся на северную часть Канадского архипелага.

Согласно второй версии экипаж при вероятном отказе или неустойчивой работе навигационных приборов все время уклонялся вправо от намеченного курса и спустя многие часы полета оказался... в Якутии.

Третья версия основана на сообщении сержанта С. Моргана о вероятной катастрофе самолета вблизи мыса Оликтор на Аляске. Наиболее близка к истине, на мой взгляд, последняя версия. Не мог, хоть убейте, высококлассный летчик Леваневский в чрезвычайной ситуации взять на 90 градусов вправо и упасть в одном из якутских озер. Впрочем, эту версию несколько лет назад проверяла экспедиция газеты «Советская Россия». Обследование озера никаких результатов не дало.

Один мой знакомый, штурман С. Коптелов, считает, что никакой загадки в радиограмме нет. После цифр «48» (посадку будем делать) следует указание причины «34» (отказ двигателя) и координаты посадки «00». Словом, заключительную часть радиограммы следует расшифровывать так: «Посадку будем делать из-за отказа (мотора) в точке с координатами 00», то есть на Северном полюсе.

Итак, будем считать, что на исходе суток 13 августа 1937 года экипаж Леваневского произвел посадку на дрейфующей льдине в районе полюса. Весь следующий день никаких радиограмм с самолета не поступало. Скорее всего экипаж занимался ремонтом отказавшего мотора. По всей видимости, авиаторы отремонтировали в походных условиях самолет и направились в сторону Аляски. 15 августа три местных жителя, эскимосы с мыса Оликтор, наблюдали вблизи острова Тэтис двигавшийся на восток большой предмет.

Признаю: в этой версии есть одно «но»! И оно, это загадочное обстоятельство, можно по-разному истолковывать. Дело в том, что через полтора месяца после вероятной гибели самолета между островами Тэтис и Спай, то есть 30 сентября 1937 года, была принята радиограмма... с позывными Леваневского, в которой указывались координаты: «широта 83 норд, долгота 179 вост». Значит, в это время экипаж Н-209 находился на льдине?

Возникает логичный вопрос: каким образом экипаж, погибший у северного побережья Аляски, оказался на льдине недалеко от полюса? Ответ может быть таким: Леваневский после ремонта мотора взял на борт

часть экипажа. Шансы на благополучный исход полета были невелики. Повысить их можно было, лишь максимально облегчив самолет, то есть оставив на льдине все, что прямо не связано с самолетовождением (груз, почту, месячный запас продовольствия, акустическое снаряжение и даже часть оборудования Н-209). К тому же Леваневский, видимо, не хотел рисковать людьми. Он был уверен, что рано или поздно за ними прилетят аварийно-спасательные самолеты и заберут на Большую землю. Ведь был же у советских полярников опыт автономного дрейфа!

Скорее всего продолжали полет С. Леваневский, второй пилот Н. Кастанаев и штурман В. Левченко. На льдине могли остаться механики Н. Годовиков, Г. Побежимов и радист Н. Галковский. Да, именно Н. Галковский: без радики и радиста в Арктике найти человека все равно что иголку в стоге сена.

Поисковые полеты производились с побережья Аляски и советского острова Рудольфа. Первым в район полюса вылетел самолет под управлением М. Водопьянова. Но что он мог найти среди бесконечных торосов Арктики, если полет этот состоялся лишь 7 октября, спустя семь недель

с момента потери двухсторонней связи с Н-209 и лишь через неделю после последнего принятого призыва о помощи? Начать поиск раньше по-мешала тогда непогода...

11 апреля в аэропорту Прудобая нас встретил Курильчик. Как всегда, он был бодр и подтянут, несмотря на свой весьма почтенный возраст. Неутомимый американец, более десяти лет занимающийся историей трагического полета Н-209, не стал долго расспрашивать, как мы долетели и где в Америке коротали время, не имея ни цента в кармане. Он просто сказал, что «все о'кэй» и что уже завтра можно выезжать на лед моря Бофорта. Мы сели в его грузовую «тойоту», которую он арендовал у нефтяной компании, и направились в индустриальный центр Купарук: там находилась дирекция «Арктик ричфолд компани» и двухэтажные дома для рабочих. В одном из номеров отеля (иначе обиталище нефтяников не назовешь) мы разместились с Женей Коноплевым. В тот же вечер в нашем номере собрались все участники экспедиции: Уолтер Курильчик, Роджер Беккер, Денис Лонг, Энджу Гудлайф, Боб Роберт и Дэвид Стоун. Был с нами и Эверетт Лонг, отец Дениса, директор музея авиации в Фербенксе. Вездеход, который стоял уже на берегу моря Бофорта, был доставлен из Фербенкса Бобом Робертом. Оттуда же, из Фербенкса, профессор геофизики Стоун привез и множество приборов. Его, кстати, рук дело и алюминиевые сани — волокуша, по краям которой Стоун планировал установить свои суперточные приборы. Наметили квадрат поиска. Курильчик, уподобившись главнокомандующему нашего крохотного войска, взял карандаш: «Я уверен, что самолет Леваневского рухнул именно здесь», — и очертил пространство между островами Тэгис и Спай.

Квадрат являл собой площадку примерно в 36 квадратных морских миль. Евгений Коноплев оживился и показал свою карту, помеченную крестиками. К сожалению, три крестика были севернее зоны, предложенной Курильчиком, четвертый цеплял квадрат с юга, три остальных были значительно восточнее островов. Евгений пытался убедить Курильчика, что искать надо не в этом квадрате, а, по крайней мере, севернее и восточнее. Но Курильчик словно бы и не слышал... В тот вечер наш главнокомандующий дал понять, что мы — гости Аляски (пусть она и была когда-то русской) и что любая инициатива относительно поиска будет исходить исключительно от него... и ни от кого больше. Мы с Женей безропотно согласились на роль солдатиков: в конце концов, АРКО платила за наше питание и ночлег в шикарном Купаруке, АРКО дала разрешение участвовать совгражданам в работах на их территории (а территория, кстати, к тому же военная). Мы не могли навязывать свои идеи. Но все-таки предполагали за две-три недели пои-

ска что-то найти. В случае же неуспеха мечтали расширить квадрат поиска уже летом, на небольших судах, когда сойдет припайный лед.

12 апреля наш небольшой автокараван двинулся к северу, туда, где кончается Америка и начинается Арктика со знакомыми мне торосами, ветрами и желтым, негреющим солнцем. Путь от Купарука до северной оконечности мыса Олиток не так долог — минут сорок езды. Господи, впервые в жизни я обнаружил, что и на Крайнем Севере, который исколесил вдоль и поперек, можно, оказывается, строить хорошие дороги. По пути к Олитоку мы несколько раз встречали снегоочистительную машину, за рулем которой весело и гордо восседал шофер-негр. Он ухаживает за дорогой, следит, чтобы ее не замело снегом. А вот, например, небольшая авиакомпания, арендуемая АРКО, доставляет на Большую землю рабочих-нефтяников и привозит в Купарук из Эквадора каждый (подчеркиваю, каждый) день свежие овощи и фрукты. Отвлекусь от экспедиции и извинюсь перед своей пятилетней дочерью: ежедневно и в неограниченном количестве среди вечных снегов и пурги я ел ананасы, бананы, клубнику, привезенные утренним рейсом.

В чем провинились наши дети, что не видят ни того, ни другого, ни третьего? И ответят ли за эту их обделенность когда-нибудь наши взрослые? Почему я должен ненавидеть улыбчивого негра-толстяка, который выбирается в помой нетронутые нефтяниками персики и абрикосы, за то только, что очень многие дети советского Крайнего Севера никогда этого не видели и, боюсь, в обозримом будущем не увидят?

...На берегу нас ждал вездеходик, возле которого кдырялся крепыш Боб Роберт, пятидесятилетний энтузиаст поиска. Все три машины мы припарковали возле водонапорной станции. Слева от нашей стоянки, километрах в двух, увидели строения с радарам.

— Это часть противовоздушной обороны США, — прокомментировал Роджер Беккер, поправляя мой фотоаппарат.

— Видишь ли, Роджер, я не шпион. Поэтому мне ваши радары нисколько не интересны.

Роджер похлопал меня по плечу: — Наверное, вы очень волнуетесь, ведь на военизированный мыс Олиток еще не ступала нога русских.

Я тоже похлопал Роджера по плечу и учтиво подчеркнула, что не ступала, по крайней мере, начиная с конца прошлого века.

Роджер поднял капюшон куртки:

— Да, для русского человека Аляска — большой вопрос. Здесь очень богатая и щедрая земля, дающая Америке лучшее в мире золото и высококачественную нефть. Сейчас мы все удивляемся, как это сенаторы Соединенных Штатов целых семь лет обсуждали вопрос: покупать или не покупать у России Аляску?

— Это была самая дешевая и самая выгодная для Америки сделка, — добавил он.

Боб запустил наконец вездеход, и мы всей компанией залезли внутрь этого доисторического «форда». А через пять минут уже тряслись по льду, объезжая крупные торосы и рытвины, нежелательные для алюминиевых саней, которые тащил наш вездеходик. Я уже говорил, что эти сани — детище скромного и до мозга костей интеллигентного профессора Фербенкского университета. Про таких, как Дэвид Стоун, говорят: соль земли, краса нации, ее генофонд. Дэвид отдал себя науке, и только ей. Курильчик заметил, что он вычислил Стоуна по компьютерному справочнику. В справочнике сказано: доктор Стоун — самый квалифицированный геофизик на Аляске. Всем поведением, застенчивостью и тихим голосом профессор Стоун мало походит на американца. Я не ошибся: Дэвид — англичанин, а в Америку приехал, чтобы реализовать свой недожженный интеллектуальный потенциал и знания. Аляска — желанная точка на карте для англоязычного геофизика...

В вездеходике Стоун устроил целую лабораторию: три магнитометра с выводом кабелей на сани, компьютер, аккумуляторы, навигационная спутниковая система, переносная рация.

До нашего квадрата — пятнадцать миль тряски. Впереди мчит на снегоходе Денис Лонг, двадцатидвухлетний, очень бойкий и «милитаристски» настроенный парень. Недавно Денис вернулся из ФРГ, где проходил службу в войсках НАТО, и всякие военные штучки (ножи за поясом, ракетница, зажигалка в виде пистолета) у него еще остались. Он безумно любит технику, особенно военную, и изображает из себя эдакого службиста-супермена. Когда у него это не получается, он выглядит несколько смешно. При всем том он неиссякаемый весельчак и балагур, постоянно посмеивающийся над работой Бобом. В экспедиции я понял, что на Дениса Лонга можно положиться и рядом с ним не стоит бояться никаких нештатных ситуаций.

Денис показывает нам наименее опасную дорогу. Иногда наш вездеходик слегка покачивает, как на гамаче. Порой появляется ощущение, что лед треснет и мы все пойдем ко дну моря Бофорта.

— Не волнуйся, — поглаживает бородку Стоун. — Здесь хороший лед. Его толщина два метра, несмотря на апрель.

В тот день мы так и не добрались до квадрата. Молчаливый Боб, видимо, не рассчитал, и сани врезались в торос.

На ремонт ушло часа полтора. Стало смеркаться, со стороны океана потянуло холодом. Пока ребята восстанавливали сломавшиеся сани, я построил свой отечественный протонный магнитометр, прицепил к спине

датчик, как положено по инструкции, и двинулся в направлении квадрата. Цифра «57400» (состояние магнитного поля Земли в этом районе земного шара) колебалась где-то в пределах десятых и была равна тем замерам, которые показывал стационарный магнитометр, установленный на берегу.

— Ну, как твоя машина? — поинтересовался Дэвид, когда я вернулся.

— Никаких отклонений.

Вы спросите: как же можно найти самолет, изготовленный из алюминия, если алюминий не имеет магнитного поля? Но самолет Леваневского был четырехмоторный, и от него должны были остаться части из черного металла — например, те же моторы, которые имеют приличную массу. Весь расчет участников экспедиции был основан на том, чтобы зафиксировать моторы. К примеру, если среднее магнитное состояние земной коры составляет «57400» нонателса, то над мотором Н-209 электронное табло выдало бы цифру «57600» или даже «57700».

На следующее утро мы договорились о распорядке каждого дня: 6.30 — подъем, 7.30 — выезд на море; завтракаем в рабочей столовой индустриального центра (она, кстати, напоминает хороший московский ресторан), обедаем на льду, ужинаем в столовой Купарука.

Курильчик объявил всем участникам экспедиции:

— Есть в этой столовой вы можете сколько пожелаете и можете набить пакеты ланчем, чтобы перекусить днем.

Потом добавил, что фирма АРКО оплатила наше пребывание и «шведский стол» из расчета 200 долларов на человека в сутки.

Я предложил Курильчику разбить лагерь на берегу моря или поставить палатку на льду и жить в автономном режиме: мы сэкономили бы чужие деньги, а главное — время, которое уходит на дорогу. Но Уолтер дал понять, что этот вариант неудобен, поскольку нефтяная компания уплатила за наше пребывание в Купаруке вперед.

Сегодня, как и вчера, наши главнокомандующие Уолтер Курильчик и Роджер Беккер остались с рацией на берегу. Мы же (хотя на календаре 13-е, несчастливое число) без происшествий добрались до загадочного квадрата, в котором, по аляскинской версии, погиб экипаж Н-209. Теперь я понял: если отсюда видны береговые радары американской ПВО, то уж громадину Н-209 эскимосы, живущие на мысе Оликток, в самом деле могли наблюдать. И даже слышать шум четырехмоторного лайнера. Но почему же тогда Леваневский не смог дотянуть до острова Тэтис или не сел на песчаную косу острова Спай? Оба эти острова видны и без бинокля, впаивающиеся в черный контур, как бы завершающий горизонт. Значит, если Ле-

ваневский погиб здесь, его самолет стал разваливаться уже в воздухе.

Энджу Гудлайф, двадцатитрехлетний студент университета из Фербенкса, объявил, что до «квадрата Леваневского» осталось пятнадцать метров. Энджу работает со спутниковой навигационной системой, и его прибор определяет место нахождения датчика с точностью до... двух сантиметров.

Энджу Гудлайф — полная противоположность Денису. Он меланхоличен, хорошо образован. Дэвид Стоун как-то сказал про Энджу, что он перспективный студент: «Наверное, потому что он не американец, а англичанин».

Энджу выскочил из вездехода и наметил начало отсчета лыжной палкой. Боб Роберт продолжал вести «форд», слегка замедлив скорость и направляя его по тому курсу, за которым очень внимательно наблюдал Дэвид. Курс вездехода четко вычерчивался на экране компьютера.

В этот день мы сделали пять ходок по стороне «квадрата Леваневского», обследовав таким образом прямоугольник шириной 100—120 метров и длиной в десять морских миль. Вечером, вернувшись в Купарук уставшие и с трясущимися от вездеходной болтанки руками, дискутировали над картой поиска. Тем временем профессор Стоун и студент Гудлайф «выжимали» из компьютера информацию, полученную днем на льду моря. Графики и столбцы цифр показывали, что никакие магнитные аномалии в обследованном районе нет. Курильчик начал нервничать. Ему хотелось успеха прямо сейчас, а не завтра или послезавтра. Ему хотелось успеха с минимальными финансовыми и временными затратами. И все тут.

14 апреля, обсудив план работы, мы выехали на вездеходе чуть северо-западнее, чтобы «прочесать» галсами еще одну часть квадрата. И вновь неудача. Боб наехал на торос. На ремонт саней ушел час с небольшим.

Мы с Женей решили отсоединиться от экспедиции и проверить те крестики на его карте, что расположены примерно в 3—5 милях от северной оконечности квадрата. Я пристегнул свой магнитометр к груди, установил датчик и двинулся по направлению к Северному полюсу. У Жени карта. С нами пошелас по собственному желаниюю долговязый и несколько наивный вундеркинд Энджу Гудлайф. По хорошему незапорощенному льду мы шли с час. Все это время, бряцая ракетницей и прочей военной атрибутикой, нас на снегоходе сопровождал Денис Лонг. Он то оббегивал нас, то возвращался, мигая противотуманными фарами. Потом «лафа» для Дениса кончилась. Кончилась она и для нас — утопая в снегу по колено, а то и по пояс, мы не раз пожалели, что не взяли с собой лыж. Денису Лонгу пришлось вернуться, а мы,

теперь уже втроем, продолжили путь. Начались огромные торосы, высотой в два-три метра. Они возвышались частоклолом. Видимо, в этом месте начинался океан, и торосы появились вследствие подвижки и ломки дрейфующего льда. С грустью вспоминал я паковый лед, по которому можно было мчаться на снегоходе. «Хорошо, — думаю, — Гудлайф и Коноплеву. Они-то налегке». Мой же магнитометр с датчиком, весящими около десяти килограммов, превратился в многопудовую ношу. Я постоянно проваливался по пояс и падал. Вот это и есть Арктика, трижды проклятая и четырежды воспетая...

Изрядно отстав от Жени и Энджу, я упал в жгучий снег и стал его есть, чтобы утолить жажду. Силуэты Гудлайфа и Коноплева начали растворяться в белом ледовом пространстве. Я крикнул, чтобы подождали. Догнав, предложил Жене возвращаться к вездеходу. Уже начинался вечер, а до мифических точек, отмеченных экстрасенсами, было еще миль четыре, к тому же мы жутко устали. Был ли смысл ночевать в снегу без оружия, без спальных мешков и спичек? Женя со мной быстро согласился и добавил:

— Ты был прав, лагерь следовало разбить прямо в океане и жить в палатках, а не жевать в Купаруке ананасы.

На обратном пути Гудлайф подвернул ногу и потерял рукавицу. У Энджу интересная фамилия. В переводе с английского она означает «хорошая жизнь». Но сегодня ему не повезло, и мы назвали его «Бедлайф».

В индустриальный центр Купарук возвращались злые и молчаливые. Вездеход без нас сделал немало галсов, но компьютерные распечатки профессора Стоуна опять не показали металл, имеющий магнитное поле.

15 апреля, в воскресенье, Курильчик объявил уик-энд. Зачем этот отдых — непонятно. Мы пытались возразить, ведь и вездеход, и горячее — наше, и мы своей работой никого не обременим. Увы, у американцев свои привычки, которыми они не могут поступиться. Уик-энд — это святое. Даже тот аргумент, что мы бездарно проедем сегодня, во время дурацкого бездействия, 200 долларов, для Курильчика не был убедителен. А время? За световой день можно прочесать значительную площадь...

— Нет, — упорствовал Курильчик. — Сегодня отдыхаем, а Боб и Денис будут готовить вездеход.

Роджер Беккер, как всегда, вежливо улыбнулся, дав мне понять, что отдых есть отдых.

Денис Лонг сказал:

— Не горюй, сегодня мы с тобой сыграем в американский бильярд.

На следующий день экспедиционный вездеход вновь двинулся по направлению к Северному полюсу — продолжать поиски при помощи стационарных магнитометров. Погода в

этот день была вполне сносной, по крайней мере, ветра, пронизывающего насквозь, мы не ощутили, когда остались на льду вдвоем с Женей, выгрузив дневной запас продовольствия, горючее и мой магнитометр. Остальные участники дождались, пока над нами пролетит навигационный спутник «Коспас-Сарсат», чтобы по нему сверить точное местонахождение экспедиции, и двинулись дальше. Мы же принялись за работу, пометив разгруженными вещами точку отсчета. Картина была очень забавной. Коноплев с карандашом и блокнотом стоял в фиксированной точке, а я ходил по прямым линиям и через каждые десять метров выкрикивал цифры, которые зажигались на электронном табло магнитометра. Принцип работы прибора: нажимаешь на кнопку — и датчик посылает квантовый сигнал к центру Земли; пучок энергии возвращается в датчик с закоженной информацией о магнитных аномалиях. В конце квадрата я уже орал цифры; ветер уносил голос в глубь Арктики. Через шесть часов я вконец вымотался и охрип, а Женя прямо-таки задубел на морозе. В одном месте цифры зашкалили, но не настолько, чтобы насторожить нас.

Потом на горизонте появился взездеход. Солнце быстро тускнело, поэтому Боб Роберт включил фары. Американцы сегодня на славу потрудились — шесть часов они прокладывали галсы по льду. Посмотреть на них со стороны смешно: ездят взездеход с санями, как колхозный трактор на посевной, и пашет... снег. Я более чем уверен, что американские солдаты, наблюдая в бинокль, от всей души потешались, глядя на наши зигзаги.

На вечернем собрании мы показали доктору Стоуну блокнот с добы-

тыми данными. Он быстренько все оценил и уже через полчаса выдал цифровые показания в графическом изображении. Шесть часов, выходило, мы лазили по пустому квадрату, результат американцев был также отрицательным. Что ж, отрицательный результат — тоже результат. Что касается боссов — Уолтера Курильчика и Роджера Беккера, их начало лихорадить, они стали все чаще говорить о деньгах.

Покинул экспедицию Энджу Гудлайф — у него кончились каникулы, и его сменил Тим Максвел, тридцатилетний бородастый студент того же геофизического факультета Фербенкского университета. Тим — улыбочивый и добродушный парень, готовый всегда помочь и понимающий все с полуслова. Тим — гражданин Вселенной. Родился и жил в Швейцарии, колледж закончил в Калифорнии, а университет себе выбрал самый северный в Америке: именно здесь, как он считает, можно получить хорошее образование: «Правда, за это удовольствие, — как-то сказал он мне, — приходится раскошелиться родителям».

Свежие силы экспедиции, к сожалению, нового результата не принесли: море Бофорта продолжало загадочно молчать.

И вот настал день, 18 апреля, когда Уолтер Курильчик вежливо сказал Жене и мне, что экспедиция, видимо, свертывается, и нам надо вернуться в Анкоридж.

— А мы еще дня два поищем Н-209, — добавил он серьезно и безапелляционно.

— Но ведь речь шла о том, чтобы искать до конца апреля, — возразил Евгений. — За оставшиеся дни можно до конца «прочесать» квадрат.

— Так надо, — молвил Курильчик. — Все очень дорого.

— Закроем версию, что самолет разбился между островами Тэтис и Спай?

— Мы продолжим поиск летом, если не возражаете. На катерах.

Мы с Коноплевым лишь пожали плечами, а вечером, когда остались в номере одни, пришли к выводу, что все это неспроста и что ни АРКО, ни сам Курильчик здесь ни при чем. Грешным делом подумалось (ведь совграждане воспитаны на страхе перед органами госбезопасности), что кое-кто, имеющий отношение к экспедиции, не стану называть его имя, — сотрудник ФБР, и здесь его присутствие оправдано тем, чтобы наблюдать, как бы мы чего-нибудь крамольного не сделали в секретной зоне.

— То-то, — размышлял Женя, — он всячески избегал фотографироваться.

20 апреля Курильчик вручил нам билеты до Анкориджа и пожелал счастливого пути. Ничего не поняв, ничего не найдя и не обследовав даже трети «квадрата Леваневского», мы улетели. Потом уже в Анкоридж нам позвонил Эверетт Лонг из Фербенкса и сообщил, что после нашего отъезда Уолтер все-таки свернул экспедицию и что в Прудобее и Купаруке остались лишь Боб Роберт и доктор Стоун, которые должны размонтировать сани-волокушу и, загрузив взездеход на трейлер, вернуться в Фербенкс на следующий день.

Так неожиданно и непонятно закончилась эта экспедиция. Но последнюю точку в аляскинской версии ставить все же не хочется.

А н к о р и д ж — Ф е р б е н к с —
м о р е Б о ф о р т а

От редакции:

ДЛЯ ОТРАБОТКИ АЛЯСКИНСКОЙ ВЕРСИИ НУЖНО 200 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ

Недавно из США вернулся журналист Ю. П. Сальников, долгие годы занимающийся поисками самолета Н-209. Он работал в американских архивах, изучал историю трансполярных перелетов. Мы попросили его высказать свои соображения по аляскинской версии.

— Безусловно, надо постараться обследовать всю интересующую нас территорию, ведь последней экспедиции Курильчика удалось пройти с магнитометрами только одну шестую ее часть, — считает Юрий Петрович. — Вся сложность в организации экспедиции, в ее финансировании... Появился, однако, один интересный вариант. Инженер Е. Коноплев и журналист М. Ильвес, корреспондент газеты «Воздушный транспорт» по Магаданской области, отправились прошлым летом на Чукотку, в устье реки Амгуэмы. Возле Косы Двух Пилотов они нашли обломки «Гамильтона» — американского самолета Бена Эйельсона и Эрла Борланда; летчики разбились в ноябре 1929 года, попав в снежную пургу. Тогда же, по просьбе госдепартамента США, советский экипаж Маврикия Слепнева и Фабио Фариха доставил их тела на Аляску.

Обломки самолета пролежали в тундре 60 лет. Сейчас

фрагмент крыла (около 6 метров) и часть хвоста находятся в Магадане. Наш общий с Евгением Коноплевым знакомый с Аляски — Эверетт Лонг, известный журналист и пилот-любитель, — прислал в Магаданское управление Министерства гражданской авиации приглашение для советской делегации, которая доставит в Фербенкский музей обломки самолета.

Я знаю, что Коноплев и Ильвес хотят использовать встречу на Аляске для организации совместной экспедиции по поискам самолета Леваневского. Для обеспечения экспедиции в США нужно около десяти тысяч долларов. Думаю, что от американцев можно ожидать помощи, особенно в связи с такой ценной находкой — обломками «Гамильтона».

Но нужны еще около 200 тысяч рублей для аренды советского гидрографического судна. Такую сумму называют руководители гидрографических предприятий на Чукотке и в Ленинграде, которые могут выделить судно. И вновь возникает вопрос: кто согласится быть спонсором с советской стороны? Кто поможет разрешить историческую загадку, несколько десятилетий волнующую историков и любителей-поисковиков?

Федор Крюков, донской казак

Сегодняшние читатели едва ли знают писателя Федора Крюкова. Ни в Советском энциклопедическом словаре, ни в Энциклопедическом литературном словаре мы не найдем даже упоминания о нем. Правда, сейчас это незаслуженно забытое имя начали вспоминать, но в основном в связи с так называемой проблемой авторства «Тихого Дона». Как известно, некоторыми исследователями была выдвинута версия о том, что роман о переломных событиях в судьбе донского казачества был написан или, во всяком случае, начат именно Ф. Д. Крюковым. При этом М. А. Шолохову отводится в лучшем случае роль соавтора выдающегося произведения XX века. Не будем сейчас касаться данной версии, которая имеет и своих сторонников, и своих оппонентов. Однако полемика вокруг авторства «Тихого Дона» выявила тот несомненный факт, что биография Шолохова недостаточно изучена и что еще беднее сведения о жизни и творчестве Ф. Д. Крюкова. Только недавно в нашей печати появились работы зарубежных авторов, из которых можно узнать некоторые подробности его биографии¹.

Федор Крюков родился в 1870 году в семье атамана станицы Глазуновская Усть-Медведицкого округа и вырос в типично казацкой атмосфере. Получил историко-филологическое образование, много путешествовал по Донской области, изучал ее историю и экономику; в 1906 году был избран в I Государственную думу, где защищал интересы казачества. С начала 900-х годов Федор Крюков постоянно печатается в журнале «Русское богатство» (с 1914 года — «Русские записки»), одним из официальных издателей которого был В. Г. Короленко. Здесь публиковались произведения Г. И. Успенского, И. А. Бунина, А. И. Куприна, В. В. Вересаева, Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича и других писателей, известных своими демократическими взглядами.

Рассказы, повести, очерки Федора Крюкова — «В камере 380», «Полчаса», «На речке Лазоревой», «Офицерша», «В глубоко тылу» и другие — открыли широкому читателю малоизвестную жизнь казачьего сословия: его историю, традиции, быт. В 1907 году Крюков отдельным издал «Казацкие мотивы. Очерки и рассказы», в 1910-м — «Рассказы». Произведения его далеко выходили за рамки историко-этнографического исследования, в них чувствовался писатель, болеющий за судьбы своего народа.

Поздней осенью 1914 года — уже шла первая мировая война — Крюков покинул Донскую область, чтобы отправиться на турецкий фронт (хотя в молодости был освобожден от воинской службы по близорукости). После долгого путешествия он присоединился к 3-му госпиталю Государственной думы в районе Карса, зимой 1916 года с тем же госпиталем находился в Галиции. Впечатления об этом периоде своей жизни Крюков отразил во фронтовых заметках «Группа Б» («Силуэты»).

Потом писатель жил в Петрограде, был свидетелем февральской революции.

В 1918—1919 годах Крюков — секретарь Войскового круга (парламента донских казаков) и одновременно редактор новочеркасской газеты «Донские ведомости». В эти годы он активно выступал против большевиков. Когда весной 1919 года станица Вешенская стала центром Верхне-Донского восстания, Крюков был среди тех, кто призывал повстанцев держаться до конца. А в сентябре 1919 года, когда фронт приблизился к станице Глазуновской, он вступил в ряды Усть-Медведицкой белоказачьей части; примерно через месяц, вернувшись с фронта в Но-

Федор Дмитриевич Крюков с семьей. 1910 год. Фотография предоставлена А. Вахряном.

вочеркасск, принял участие в заседаниях Войскового круга. До захвата Новочеркасска большевиками Крюков ушел с отступающими белоказачьими частями. 20 февраля (4 марта по новому стилю) 1920 года Федор Дмитриевич умер от тифа или плеврита в станице Новокорсуньской (или вблизи нее) на Кубани.

Даже из этих пунктирно изложенных биографических сведений становится понятной причина замалчивания творчества писателя официальным советским литературоведением.

Но вернемся немного назад — к сотрудничеству Федора Крюкова в журнале «Русское богатство». В нескольких номерах за 1913 год в нем были напечатаны главы «Потеха» и «Служба», входящие в большой очерк Ф. Д. Крюкова «В глубине» (писатель публиковал его под псевдонимом И. Гордеев). Кроме этих глав, которые мы предлагаем вниманию читателей, в очерк входят еще четыре: «Обманутые чаяния», «Бунт», «Новое», «Интеллигенция». В целом это произведение рисует широкую панораму жизни донского казачества; писатель остронаблюдательный, Крюков подмечает специфические черты казачьего нрава, детали быта, особенности красочного говора своих героев, отношение к воинской службе, курьезные и грустные явления их жизни.

Сегодня творчество Федора Дмитриевича Крюкова привлекает все большее внимание. И прежде всего им интересуются потомки его героев. Недавно созданное в Москве Казачье землячество планирует провести Крюковские чтения, ускорить издание всех его произведений, в том числе и неопубликованных, чтобы вернуть имя самобытного донского писателя Федора Крюкова русской литературе.

Пользуясь возможностью, хочу поблагодарить сотрудников отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина за помощь, оказанную мне и редакции журнала «Вокруг света» в подготовке данной публикации.

Петр ЛИХОЛИТОВ,
студент факультета журналистики МГУ,
член Казачьего землячества

¹ Ермолаев Г. (США). О книге Р. А. Медведева «Кто написал «Тихий Дон»?» — «Вопросы литературы», 1989, № 8.

Хьетсо Г., Густавссон С., Бекман Б., Гил С. «Кто написал «Тихий Дон»?» М., «Книга», 1989.

В ГЛУБИНЕ

Очерки из жизни глухого уголка

I. ПОТЕХА

Уголок тихий, неслышный, безвестный. На карте или глобусе он был бы меньше любой из тех безымянных, таинственных точек, которыми в причудливом беспорядке усеяна бирюзовая ширь океана. Посмотреть — просто щепотки песка и пыли, а надпись гласит: *Полинезия, тьма островов*. В пестром узоре российских селений, густом и разбросанном, в беспорядочной их россыпи, мой родной уголок — едва заметная, затерянная точка...

Жизнь тут не мечется в бестолковой и оглушительной суতোлке, не кипит, не бурлит, не шумит... Течет ровным, медленным течением туда, куда направлен уклон, струится покорно, бесшумно, с чуть слышным плеском и шорохом, порой — с мелкой зыбью, тихо и робко докатывается до своего устья и незаметно вливается в широкую реку общенародного бытия. Порой тут, в ласко-

Печатается с сокращениями. Орфография дается по нормам современного русского языка. — *Прим. ред.*

вых, родных недрах этой неспешной жизни, туго меняющей привычный уклад, старые понятия и прочные навыки, среди этих хаток, пахнущих кизячным дымком, и знакомых зелено-сизых вербовых рощиц, в молчании сизого степного кругозора, — почти не верится, что где-то должен быть шум, «гремят витии», идет борь-

ба, кипит волнение... Кто-то ломает голову над судьбами народов и нашего тихого уголка... Кто-то собирает дани, кто-то расхищает их и еще кто-то помогает сжигать их в огне торпливо-жадной, безумной, чадной жизни...

Не верится, ибо трудно представить себе это в нашей степной тишине, где так плавно катится по знакомому небу светлое солнце, и ночь с ласковыми звездами сменяет хлопотливый день, и чередуется знакомый будничным досугом, а медлительный бой часов на колокольне изредка (когда сторож Кузьмич не проспит) осведомляет, что время не остановилось, идет все-таки своим порядком и в обычных хлопотах мы незаметно дойдем до немого кладбища с похилившимся забором и крестами...

В восемь утра, в сером полусвете, сквозь тонкую, зыбкую сетку дождя я вижу: верхом на мокрых тонконогих лошадаках с острыми спинами подъезжают к станичной школе оригинальные всадники — маленькие, намокшие, нахохленные, как озябшие

Вся жизнь казака — служба, потому и родные места его назывались Область Войска Донского.

воробы. Сидят они обыкновенно по двое, иногда по трое на одной лосаде — задний обнимает под мышками переднего, у переднего в руках поводья. Маленькие всадники вооружены: сбоку болтаются деревянные шашки, самодельные и потому весьма разнообразных фасонов — и в виде пехотного тесака, и на манер турецкого ятагана, и казачьи. За спиной — деревянные винтовки, за правым плечом на ремне качается пика. У левого бедра — сумки с книжками и провиантом...

К низкому кирпичному домику, который стоит напротив, — в нем помещаются церковная сторожка и женская церковная школка, — в эту же пору подъезжают телеги с плетеными плоскими кузовами, называемые в станице *ограми*. В телегах битком, слепившись в мокрые кучи, сидят маленькие, закутанные девочки с сумками. У ворот церковной ограды телега вытряхивает такую кучу наземь — девочки бегут, проворные, как перепелки, и скрываются в церковной сторожке...

В эту пору да в час или два пополудни оживает наша пустынная улица, с широкими бурыми лужами, похожими на степные озера, особенно когда по ним пробегает мелкая зыбь или приходят поплавать вагаги гусей... Иной раз сквозь разорванные облака глянет солнце, лужи блестят и весело улыбаются, отражая в своей глубине маленькие домики с обмазанными глиной, побеленными стенами, мокрые сараи, плетни, журавцы колодцев, облетевшие вербы и черные старые груши станичных садилов.

Иногда выпадает совсем веселый денек, с морозцем, с ясным, глубоким небом, с солнышком.

В такие дни от двенадцати до часу в мирной тишине станичной жизни, кроме задорного крика галок, далекого кагаканья гусей и редкого лая собак, я слышу залиvistую кавалерийскую команду вахмистра Елисея Корнеевича и звонкие детские голоса, дружным хором считающие:

— Рразз!..

— Рраз-два-а!..

Перед калиткой училища останавливаются проходящие бабы, старики в зипунах, девочки из церковной школки, выпущенные на перемену. Стоят и долго глядят на школьный двор, откуда несутся эти веселые, дружно-звонкие крики: идет обучение наших потешных гимнастике и военному строю.

К кучке любопытствующих зрителей присоединяюсь и я. Вахмистр Корнеевич, стройный, подтянутый, стоит перед развернутым, очень длинным и очень разномастным фронтом. Его команда разнообразием и фантастичностью своих одежд и вооружения напоминает *Великую армию* Наполеона после перехода через Березину. Пиджаки и женские ватные кофты, старенькие пальто офицерского покроя со светлыми пуговицами и рубахи цвета хаки, отцов-

ские франтовские когда-то, а теперь выцветшие и порыжевшие тужурки и мужицкие армяки... Чирики и тяжелые, неуклюжие сапоги... Казачские фуражки, папахи, черные «русские» картузы, даже старые студенческие фуражки, бог весть какими путями пробравшиеся в наш малопросвещенный, далекий уголок... Оружие — самых разнообразных образцов: шашки форменные, казацкого образца и кривые *турецкие*, короткие — вроде финских ножей... Винтовки, сделанные, очевидно, родительским топором, пики — некрашенные и крашенные, черные, голубые, красные, кривые и тщательно оструганные...

Войско пестрое, ибо обмундировано и вооружено, как и полагается иррегулярным войскам, за собственный кошт...

— Смир-но! — лихо, разливистым голосом, командует Корнеевич.

— Рразз! — дружно и звонко откликается команда. Видно, что каждый из этих разнокалиберных воинов старается выкрикнуть это *раз* как можно громче, перекричать других, и этот весело-звонкий счет, сопровождаемый коротким взмахом головы, по-видимому, даже слегка греет озябших...

— Глаза направо!

— Рразз!..

— Короче! Короче сче!.. Не тянуть!.. Выровняться!.. Правило помни: «третьего вижу, четвертого не вижу!..» Левый фланг! Куда там выперли? Осади язад!..

Левый фланг суетливо и бестолково отступает назад, потом мечется опять вперед, кое-как выравнивается, толпясь и ссорясь, и снова берет «глаза направо».

— Голову выше! Выше голову держи!.. Грудь разверни!..

Головенки в разнокалиберных уборах как будто и без того сделали лихой поворот в правую сторону, но Корнеевичу он, очевидно, кажется недостаточно боевым.

— Выше головы!.. — И они смешно — для постороннего зрителя — задираются вверх, на прелую крышу дровяного училищного сарая...

Развернуть *грудь* уже труднее, и левый фланг вместо этого просто выпячивает животы и на несколько мгновений застывает в таком неестественном положении. Мой знакомый мальш Мохов, левофланговый, должен быть, озяб и танцует ногами в мокрых чириках, — одна штанина у него выпущена, другая забрана в желтый, старый шерстяной чулок. Его сосед Попов, которому, по-видимому, надоело держать *глаза направо*, дает ему в спину пинка. Мохов с готовностью отвечает тем же приемом. По-видимому, им, новичкам, нетвердо еще втолковано положение, что *фронт — святое место*...

— Слуша-ай!.. Шашк...

Сотня рук, голых и в перчатках, всех цветов — красных, фиолетовых, белых, синих, в варежках, — дружно хватается за эфесы своих разнокалиберных сабель.

— ...Вон! — восторженно не выкрикивает, а выстреливает вахмистр. — Рразз!.. Два!..

Шашки дружно взметываются в воздух и опускаются на плечо. В этом дружном единовременном взмахе, сопровождаемом звонким криком детских голосов, в мелькании деревянных палашей, рядом со смешным, веселым, есть все-таки что-то действительно боевое, лихое...

— На кра-ул!..

— Рразз!..

— На пле-чо!

— Рразз!..

— Шашки в нож-ны!..

— Рразз!.. два!..

Все — как у больших — «по приему». В промежутках Елисей Корнеевич с серьезнейшим видом излагает перед этой разномастной, смугляющей носами, мелкой сотней соответствующие пункты строевого устава.

— Помни же, ребята! Приемы холодным оружием, чтобы правильность была, не забывай, как я говорил. Когда я скомандую: *шашк!*..

Вахмистр выткнул слово мгновенно и лихо, и хищное выражение пробегает на миг по его лицу, точно он нацелился укусить кого-то...

— То — первым долгом — пропусти кисть правой руки между локтем левой и бедром и обхвати рукоять всеми пальцами!.. При команде *вон!* вынь клинок из ножен кверху, лезвие влево — так, чтобы рукоять находилась выше головы!.. Ветюгнеш! ты куда морду воротить там?.. И — и, сволочь!.. Также и при команде «*в нож-ны!*..» Пошел вон из строя, Лобода!.. К забору!..

При команде «*в ножны*», как оказывается, недостаточно просто вложить клинок в ножны, а надо соблюсти три приема, причем особенно эффектен последний: надо придержать палаш с таким расчетом, чтобы при команде *три* дружно шелкнуть эфесом об ножны. И команда вся замирает перед этим торжественным моментом...

— Три! — командует вахмистр.

— Тррри!.. — с упоением повторяет команда, оглашая воздух воинственным стуком своих сабель. И все довольны. Смеются...

После шашечных приемов идут повороты и построения. Новички путаются еще правое и левое плечо, ошибаются в поворотах при команде *кругом*, поправляют друг друга, пикаются и бодаются, как маленькие козлята. Корнеевич хоть и грозит им, но к устрашающим мерам не прибегает. Один раз, правда, подергал за ухо Жилкина, брыкавшего ногами соседей, но Жилкин — уже не новичок. И, по севости говоря, Корнеевич — педагог неплохой. Фронтоник он вдохновенный и увлекательный, команда его, звучная, бодрая, лихая, заражает восторгом его разнокалиберную сотню, военное обучение идет весело, легко и интересно...

II. СЛУЖБА

Военная потеха, конечно, пустячки. В современном ее виде, как забава с неумеренными замыслами, устрашением и принудительностью, с инструкциями, циркулярами и взысканиями, с штаб-офицерами, осматривающими игрушечное деревянное оружие, с парадом и смотрами,— у нас, как и всюду, она — явление новое. Но в более естественных, свободных и менее досадных своих формах — в виде той же школьной гимнастики в свободные часы, в виде джигитовки и скачек на призы, всяких вольных гимнастических фокусов и — в особенности в образе традиционных кулачных боев, где приходится отстаивать честь «родины», то есть своей половины станицы, причем решительно исключаются всякие колебания, диктуемые чувствами дружбы, родства, свойства, где зять заезжает в ухо тестю, если они разделены территориально, дядя расквашивает нос племяннику, кум опрокидывает кума, полчанин — полчанина,— в таком виде «потеха», как школа воспитания воинского духа, живет у нас с незапамятных времен.

И с очень давних времен обывательские мысли нашего уголка прочно прикованы к военной службе. Подготовка к ней, то есть забота о снаряжении, о приобретении коня, оружия, обмундирования так же обыденна для нашего обывателя, как пахота, покос, молотьба, забота об одежде, обуви, о крестинах и похоронах. Это досталось ему в удел от далеких прадедов, от дедов и отцов, и от него перейдет к внукам и правнукам...

Пришел Луканька Потапов. Так привыкли мы его звать — Луканькой — с детских его лет, когда он был шаловливым карапузом, школьником, забегавшим попросить тетрадку или карандаш, ранней весной таскавшим нам с поля ярко-красные тюльпаны, а с луга чибисовые и утинные яйца, которые он несравненный мастер был «снимать» на зеленых островках и кочках, заливах весенним половодьем...

Теперь он в «совершенных» летах, чернобровый, стройный казачок, женат, имеет дочь, носит черные усики и скоблит подбородок, а вот завтра выходить ему в полк. Пришел попрощаться...

Как полагается по заведенному от дедов порядку, поочередно поклонился всем нам в ноги, облобызались троекратно. Сунули ему некоторую субсидию на нуждишку, сказали обычное напутственное пожелание:

— Ну, Луканька, служи — не тужи...

Прослезились сестры мои — нельзя без этого. Заморгал глазами и Луканька, отвернулся в смущении и высморгался двумя пальцами... Странно

как-то почувствовалось: все время был Луканька, а тут точно в первый раз увидели мы его — настоящий казак, большой, серьезный, стоит на пороге пугающего неизвестностью будущего, долгой разлуки, похода в чужую, неласковую сторону. Форменный коротенький полушубок затянут желтым ремнем, суконные шаровары с красными лампасами, шашка... И грустные глаза...

— Вы, дяденька, пожалуйста завтра проводить.

Когда на другой день — день праздничный и ярмарочный у нас — 1 января — пришел я к Потаповым, провожающих — кроме ближайшего родства — никого еще не было: пора была как раз обеденная,— по-деревенски,— скотину надо убрать, напоить, положить корму,— потом и в гости...

Служивый — Луканька — чистил и вытирал, для лоска, тряпкой, смоченной керосином, своего строевого коня, золотистого Корсака. Вычистил, навесил торбу. Вымыл руки снегом...

Отец — мой ровесник и товарищ детства, — рыжебородый, низенький, тощий казак в коротком сером зипуне,— увязывал воз сена,— на сборном пункте со смотром и проверкой предстояла стоянка в целую неделю; чтобы не покупать фуража для лошадей, запасались им из дома.

Луканька стал помогать отцу. Видно было, что хотелось ему в последний день подольше побыть среди знакомых запахов сена, соломы и навозу, среди этих хлевушков, сарайчиков и небольших, на клетки похожих двориков — «базков»... Тут протекло детство и первая юность со своим гомоном, песнями, бранью и дракой, со всеми радостями и огорчениями. Тут была самая подлинная школа его жизни. К этому так приросло сердце, так прилепилась душа его... И вот через час-другой он оставит эту родную стихию надолго, на целые годы, для постылой чужой стороны...

Чужая сторона... От младших ногтей он слышал о ней рассказы, и песни, и предания,— еще от прадеда своего, глухого Матвея Кузьмича, который воевал на Кавказе. А дед Афанасий ходил за Дунай. Отец рассказывал про Польшу и прусскую границу. Чужую сторону все знали в станице, и бывалые люди много дикий про нее рассказывали. Но во всех рассказах и песнях вставала она в одинаково суровых очертаниях нужды, неволи и тоски по стороне родимой...

Но делать нечего, не миновать сушить сухари на чужбине — такая доля казачья. Весь длинный ряд предков его — отец, деды, прадеды — искони садились на коней, оставляя станицу, родные курени, жен, детей, стариков и шли «на службу»... Кто вернулся, а кто и кости сложил на чужбине...

Так, видно, надо. Почему надо, он не знает, и вопроса такого ни у

кого из живущих с ним и вокруг него — нет: надо, и все... Хотя и больно отрываться от сердца привычного, милое, родное, понятное... менять знакомый уклад жизни, радостный труд, всегда нужный и свой, потому — разнообразный, не надоедающий,— на иную полосу, подневольную, подначальственную, на занятия как будто и легкие, пустые, но утомительные своим однообразием, обрывдые видимой бесцельностью и в то же время мелочно ответственные.

Увязали воз. Вывезли его на себе с сеника. Отец взял грабли, чтобы подобрать оставшиеся клочки сена, и сказал ласковым — должно быть, непривычным,— жалеющим голосом: — Ну, Лукаша, иди!.. Иди, мой сердечный, уберись. Пора. Придут сейчас люди... припарадиться надо. Иди, мой соколик...

Мы пошли с база вместе. Но Луканька сейчас же как-то приотстал. Я оглянулся: он подошел к игренему¹ жеребенку с отвислым лохматым животом, шлепнул его по крупу и сказал ласково:

— Ну, Игрешка, расти, друг...

Игрешка прижал было уши, но, обернувшись, повеселел, потянулся к Луканьке и мордой потерся об его рукав.

— Прощай, друг... — проговорил Луканька со вздохом и догнал меня.

В чулане курчавый брат Луканьки — Кирюшка — с зятем Потаповых Тимофеем прочищали шомполом старое охотничье ружье-дробовик и дедовский турецкий пистолет,— готовились стрелять. Искони так ведется: провожая служивых и встречая их со службы, салютуют им пальбой из ружей.

В избе-стряпке, первой из чулана, пахло щами и угаром. Мать служивого, Пращковья Ефимовна, сурово-печальная, с опухшими от слез красными глазами, деловито хлопотала около печи. В следующей — более просторной избе, с кроватью и полатами, за столом обедал целый косяк мелкоты — братья и сестры Луки, его жена Алена, замужняя сестра Лёкса с ребенком. На столе стояла большая деревянная чашка со щами. Ребятишки дружно работали ложками, громко хлебали, прыскали от смеха — почему-то весело им было,— может быть, потому, что некому было огреть ложкой по лбу, стариков за столом не было.

— Не дурить! — грозно крикнула от печи Ефимовна.

Бухнул весело выстрел, перепугал коричневого Дружка и озябших кур, которые собралась кучкой возле амбара. В воротах показались первые гости-провожатые,— я их знал: франтоватый, недавно вернувшийся из полка урядник Осотов, в сером пальто офицерского покроя, в папахе, обшитой серебряным позументом,—

¹ Игрений — конская масть. Рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана.— Прим. ред.

и два брата Рогачевы — Максим и Ларион. Уже были все трое в подпитии, как видно, — двигались тяжело и неуверенно... Вышел Луканька — в форменной куртке «защитного» цвета, в форменных сапогах и шароварах с лампасами, затянутый поясом с блестящим набором, такой ловкий, тонкий, стройный, словно со старой ватной поддежкой и валенками он скинул с себя рабочую мешковатость фигуры и угловатость движений.

Ларион Рогачев нелепо взмахнул длинными руками, как дрефа намочшими, отяжелевшими крыльями, и расслабленным, умиленным голосом воскликнул:

— Лукаша! Не робей, милый мой... Земля — наша, облака — божьи... Не робей!..

В горнице Максим вынул из пазухи бутылку с красной печатью и торжественно стукнул, ставя ее на стол...

— Ларивон, распорядись! — кивнул он головой на посудину.

Лука достал из поставца стаканчики и рюмки. Вошли в горницу новые гости: Луканькин крестный Иван Маркович, у которого борода начиналась из-под самых глаз, дядя Лукьян, длинный и тощий человек с громким голосом, дед со стороны матери — Ефим Афанасьич. Потом сосед Герасимович с зятем, несколько баб. И стало сразу тесно и шумно, вся горница наполнилась говором, восклицаниями, смехом.

На дворе Кирюшка и Тимофей, словно обрадовавшись случаю показать себя, раз за разом падали из ружья и дедовского пистолета.

— Вот бы кому служить-то! — покрывая голоса, говорил бородастый, высокий дядя Лукьян, похлопывая по сутулой спине деда Ефима Афанасьича: — Этот бы не подался!

— А что ж! — с шутивым хвастовством сказал дед Ефим, стараясь выпрямиться: — Ежели в денщики — хочь сейчас пойду за Лукашку!..

Вошел отец со двора. Он был еще в своем сером зипунишке и валенках, в той рабочей, раскожей одежде, в которой убирал скотину, хлопотал на сенике. Дед Ефим, по родительскому праву, сделал ему замечание:

— Ты, Семен, сними уж этот епитрахиль-то... Оденься поприличней...

— Я зараз, батюшка... Все неуправка, — вокруг скотины ходатайствовал все. Я зараз... Я вот лишь того... распорядиться...

Он нырнул в избу и, вернувшись, принес несколько запечатанных бутылок водки и вина. Прасковья Ефимовна принесла закуску: тарелку свинины, нарезанной мелкими кусочками, потом две миски — с лапшой и вишневым взваром, нарезанный ломтями соленый арбуз, чашку капусты, пирог.

— Господа председательские, пожалуйста! — торжественно сказал Семен, указывая на стол. — Садитесь... Батенька, — обратился он к деду Ефиму, — вы пожалуйста рядом со служи-

вым — в передний угол... И вы, дяденька...

Сели. Служивого втиснули в самый угол, под иконы. Рядом с ним, разглаживая бороду, сел дед, а за дедом я и весь заросший бородой крестный Иван Маркович. Слева — богоданный родитель, тесть Луки, чернобородый, красивый Павел Прокофьевич и дядя Лукьян. По лавкам и на кровати, покрытой пестрым одеялом, разместились другие гости, — они все прибывали — и родственники, и соседи, и приятели. Не снимая шуб, садились они тесно и на лавках вдоль стены, и на кровати, и на скамьях, внесенных в горницу. А кому не хватало места, — стояли. Стояли и женщины. Лишь мать служивого сидела на сундуке у поставца, возле двери, а все остальные тесной грудой стояли в дверях и в черной избе. Проводы на службу — дело военное, и бабам полагается быть тут на заднем плане...

Видно было, что неловко и стеснительно Луканьке сидеть в углу рядом с дедом, чувствовать себя центром этого собрания, чувствовать на себе взгляды всех и особенно — скорбный, наполненный слезами взор матери...

Семен поставил на поднос рюмки и стаканчики. Он переоделся, то есть сменил кургузую сермяжку поддевку на черный сюртук, но валенок не снял. Сюртук с чужого плеча, купленный из старья на ярмарке, сидел мешком. Фалды сзади расходились, а рукава были длинные. И небольшая фигурка Семена, сухая и суевливая, в этом нелепом костюме, в огромных, запачканных навозом валенках, казалась чудной, но трогательной. Весь он ушел в заботу, чтобы все было по-хорошему, как надо, в этот торжественный момент, когда он, казак Семен Потапов, отдает в жертву отечеству первую рабочую силу семьи вместе со значительной долей трудового, потом облитого имущества... чтобы никто не укорил, не подколол глаз каким-нибудь попреком в нерадении или скаредности...

Он налил рюмки и, с некоторым страхом держа жестяной, ярко раскрашенный поднос плохо разгибающимися, набухшими от работы пальцами, поднес его сперва деду Ефиму, потом служивому, а затем остальных гостям, строго сообразуясь с возрастом и значением каждого.

Дед Ефим встал со своей рюмкой и, обернувшись к служивому, торжественно и громко, хотя не без запинок, сказал:

— Ну... Лукаша! Дай Бог послужить... того... в добром здоровье и концы в концов... вернуться благополучно!.. Голову, чадушка моя, не вешай! Ничего... Службы... того... не бойсь... ну, и за ней особо не гонись, концы в концов... Как говорится, в даль дюже далеко не пушайся, от берега не отбивайся... Да... Послужи и — назад! Дай Бог тебе благополучно вернуться, а нам, старикам,

чтобы дожидаться тебя... вот и хорошо бы!..

Служивый, стоя в полусогнутом положении, потому что в углу за столом нельзя было выпрямиться, смущенно, с потупленными глазами, выслушал деда и выпил с ним. Потом говорил дядя Лукьян — наставительно и строго:

— Ну, Лука... пошли Бог легкой службы... Гляди... Это ведь самый перелом жизни... Может, будешь человеком, а может... как Бог даст!.. и поганцем выйдешь... Гляди аккуратно.

И дядю Лукьяна служивый выслушал стоя. Потом говорили другие — все не очень складно, но доброжелательно. А отец старательно наливал и обносил. Когда очередь дошла до матери, и она попыталась в точности последовать установленному порядку: взяв толстыми рабочими пальцами с подноса стаканчик с вином, поклонилась и попробовала сказать что-то, но тотчас же глаза ее наполнились слезами и утонул в общем говоре ее тихий, прерывающийся голос...

— Ну, будет слезокатить-то!.. пей... — сказал Семен, стоявший перед ней с пустым подносом, сурово сожалеющий и снисходительный к ее материнской слабости.

Так уж полагается бабам — плакать, а материнское дело — и толковать нечего... И никто не задерживался вниманием на этом. Жужжал громкий говор в горнице, и неслышно лились в нем слезы матери, слезы Алены, жены служивого, женщин, стоявших тесной грудой в дверях и сочувственно хлопавших носами. Максим Рогачев кричал пьяным голосом о том, как он сам служил. Рассудительно говорил басом дядя Лукьян с тестем служивого. Дед Ефим Афанасьич закричал на молодежь, сидевшую на скамьях сзади, у печки:

— Ребята, не молчите! Ребята, пени и играйте!.. Митрий Васильевич: ты далеко сел, ты пересядь к столу! Старше нас с тобой тут нет, — давай, им зачем старинную...

Красивый смуглолицый старик с белыми кудрями и белой бородой перешел к столу. Я отодвинулся и очистил ему место рядом с дедом Ефимом.

— Луканюшка! Не вешай голову, мой сердешный, — сказал он ласково служивому, — не горюй, соколик мой... Какую же? — нагнулся он к деду Ефиму.

— Да уж тебе не подсказывать...

Митрий Васильевич задумался на минуту, словно пересматривая в взволнованной памяти старинный репертуар. Потом откашлялся и, опустив глаза, мягким стариковским голосом начал:

*Ой га не гумало веь красное оно
солнышко
На закате оно рано быть...*

Низким медлительным звуком старого гармониа присоединился гу-

стой голос деда Ефима. Спелись в одну извилистую, кудряво-певучую струю, потекли рядом два голоса:

*Да не чаяла родимая матушка
Свою чадушку избыть...*

Они были старые, надтреснутые, со стариковской осиплостью, перебивками и передышками, но тем выразительнее звучала печаль старой песни, протяжной и торжественной, говорящей о горькой тоске разлуки...

И стал стихать жужжащий говор в горнице. Влились новые голоса, густые и тонкие, сдержанные и строгие, ибо труден был старинный напев протяжный. И широкие переливы наполнили низкие комнатки, растекались по всему куреню, — печальные, как догорающий закат, думы всколыхнули в сердце. Медленно слагались слова и глубоко ранили его своею красивой грустью, горьким рассказом неутешной жалобы...

Должно быть, волшебный был голос когда-то у Митрия Васильича — и сейчас он разливался рекой, дрожа, с проникновенной жалостью выговаривая речь горькой кручины материнской:

*Избыла-то она, изжила его
Во единый скорый час,
Во единый скорый часочек,
Во минуточку одну...*

И тряслись от беззвучных рыданий плечи Прасковьи Ефимовны. Но были строги лица у поющих, никто не шел с утешением: доля матери-казачки — плакать, плачь и ты, Прасковья Ефимовна... И теперь долго одного за другим будешь ты снаряжать и провожать в чужую сторону, и в заботах, в сухоте этой дойдешь незаметно до старости, до сырой могилы...

Как будто недавно пришел со службы, с постылой чужой стороны, муж ее, вот этот самый Семен в нелепом сюртуке и разношенных валенках. И как-то быстро и незаметно промелькнули годы их молодости, веселого труда, праздничных песен, беззаботные и расточительные годы здоровья и силы. И вот уж вырос и идет туда же, в чужую сторону, первый их помощник и кормилец...

Она так привыкла думать о нем как о маленьком, шаловливом парнишке в розовой рубашке и розовых порточках, точно на этих еще днях подсаживала его на лошадь и смеялась над его растопыренными маленькими ножками на отвислом животе старой кобылы, которую она сама водила в поводу к водопою, чтобы доставить удовольствие Лукашке проехаться верхом. Вела, оглядывалась и с улыбкой думала:

— Помощник растет... кормилец...

И как будто вчера еще она шлепала его, бедокура, за то, что упрямо бросал букварь ради шашек, не берет одежды, по чужим садам лазил, заводил драки на улице, сбился с черепками и камнями... Не вчера ли это было?..

А вот уж выстрелы гремят на дворе, поход возвещают, и, волнуясь, ржет рыжий Корсак, строевой конь... И он, Лука, — молодой казачок с темным пушком на верхней губе и с печальными глазами — сидит в переднем углу... И звучит-льется старая песня проводов и расставания, скорбью ранившие слова выговаривает:

*Уж ты справь же мне, сугарь-
батюшка,
Червлен-новенький корабль...
Отпусти меня, добра молодца,
По синю морю гулять...*

От старых, верно, времен идет она, эта песня, от времен широкой вольницы и удали, когда вольной волею рвались горячие молодые головы к разгону широкому в чистом поле, на синем море... Смутно слышала о тех временах Прасковья. А ныне не то уже гулянице, не вольной волею идут на него. Иной и червлен-новенький корабль: строевой конь и воинское снаряжение по форме, по установленному образцу... И сколько забот, слез, каких усилий и напряжения стоила эта «справа», хорошо знает она, казачка-мать...

Она знает каждую вещь казачьего снаряжения, каждый ремешок, какой требуется представить на смотр, и цену им слишком хорошо знает, потому что все оплатила своей трудовой, облитой потом и слезами копеечкой. Знает не просто, например, седло с каким-то «прибором», но и те тринадцать предметов, которые нераздельны с конем и व्यюком всадника: уздечка с чумбуром, недоуздок, чемодан и шесть пряжек, саквы сухарные, саквы фуражные, попона с троком, торба, скребецница, щетка, фуражирка, сетка, тренога и плеть...

А амуниция? Для кого-нибудь это — простой, несложный звук, ну — что-то такое к ружью, шашке и пике... Для нее это — не один десяток вещей, стоящих не один десяток рублей: португез, темляк, патронташ, поясной ремень, кушак, чушка, кобура, шнуры, чехол на винтовку...

Знает она, что и для обмундирования нужны чекмени и парадный, и всedневный, двое шаровар, две пары сапог — парадная и всedневная; кроме шинели, нужен еще полушубок, башлык, гимнастическая рубаха, не говоря уже о комплекте белья... Да всего и не перечислить... Подковы, сумка с мелочью, бритва, юфта, иголки, нитки для починки... И все по установленному образцу, перво-сортное и неизменно дорогое. А каждый грош облит потом, каждая копейка на счету...

Чуть держится хозяйство. Всякий экстренный расход — свадьба, похороны — вызывает резкие колебания в его равновесии. Но что потрясает до корней — это «справа». На службу царю и отечеству семья отдает не только работника — она отдает с ним все запасы и сбережения, с

таким трудом собранные. Купить коня, выдержать, выкормить его, ночей не спать — уберечь от конокрада, дрожать, как бы в комиссиях не забраковали... на десятки лет старит эта сухота казачью семью...

Коня Луканьке хотели поставить своего «природного» — Буренького. Всем бы хорош конек: и густ, и ноги крепкие, и на ходу легок, — все статьи в порядке, но в меру не вышел, двух восьмых не хватило до требуемого роста. Пришлось продать Буренького и пару молодых быков. На вырученные деньги купили за 180 — Корсака. Рассчитывали: седло отцовское пригодится — доброе еще седельце. Но как раз ввели седло нового образца — какой-то генерал придумал «продушину» в лентике, и на семь рублей за это удорожили седло. Продали корову и отдали за новое седло 43 рубля...

— Ничего не уважили, ни копейки, — говорит Семен, — на все такция. Иной старик вертит-вертит в руках какой-нибудь ремень, и так, и сяк... шапку снимет, зачнет просить офицера: «уважьте, вашбродь, сделайте милость... не имею сомнения»... — Нет! хочешь бери, а не хочешь, иди куда знаешь... А с нашего клейма все равно не тринуть. Придешь.

За это клеймо, за однообразие формы, лоск и щеголеватость и идет трудовой грош. В недавние еще годы около клейма грели руки особые поставщики. Теперь их сменили люди в военных мундирах из так называемых военно-ремесленных школ. И мастера и начальники этих школ как-то особенно волшебны — при скромных окладах — приобретают великолепные дома, выезды, достойную осанку, обрастают жиром, — надо полагать, клеймо недурно оплачивается трудовыми казачьими грошами...

Конечно, немножко смешно глядеть, как корявые, плохо умытые, потом пахнущие люди в овчинных тулупах и лохматых шапках с красными верхами подолгу безнадежно бьются, раздражая офицера, заведующего военным магазином, стараясь выторговать какой-нибудь гривенник, как ломают головы, прицениваются, чмокают языками, руками об полы хлопают... А когда молодой казачок, на красивом, подобранном коне едет улицей и блестящая новая сбруя, ловко сидит на всаднике новенький мундирчик, на бочок сбита красновехая папаха, — любясь, можно чувствовать патристическую гордость и забыть о том, во что обошелся этот блеск военных, сколько бессонных ночей, тяжелых вздохов и дум неотвязных связано с ним у Прасковьи Потаповой...

Поет-разливается голос Митрия Васильича, такой старчески-выразительный и яркий на пестро-слитном фоне тусклых, неуверенно вторящих, тяжелых голосов. И звучит в нем упоение скорбью и горечью жалобы тайной на подневольную службу царскую, на постылую чужую сторону...

Полонит душу, травляет он старую, невысказанную кручину...

Кончил. И, наклоняясь в сторону служивого, лаская его своими прекрасными, молодыми глазами, сказал:

— Лукаша! Не горюй, милый мой! Ничего... не вешай голову!.. и — и, соколик ты мой ясный!..

— Лука Семеныч! Не робей, мой болезный! — пьяным, умиленным голосом закричал Максим Рогачев.

Крестный Иван Маркович, привыкший смотреть на вещи практическими глазами, сказал в утешение:

— Может — Бог даст — в нестроевые перечислят... Все без коня-то полегче...

— Какому-нибудь пану будешь урыльник выносить, — с усмешкой прибавил дядя Лукьян.

— Пану-то еще ни то ни се, — сказал дед Ефим, — а вот ежели пани, вот уж обидно!.. Нет, уж держись строя... как деды, отцы...

— Лукаша! — кричал Осотов. — Я тебе скажу, а ты слухай! Во вторую сотню попадешь, — вахмистр там служит Овечкин... Из сверхсрочных... Ты ему гостинец повези, а то... знаешь... До полусмерти убивает казаков...

— Из сверхсрочных это уже самые кровопивцы, — вздохнул Митрий Васильич: — Который человечества не понимает, тот на сверхсрочную остается... Шкура, как говорится...

— Говорю: повези гостинец... По слухай меня...

И в отрывочных, случайных, казавшихся бессвязными, речах развертывались серые, тяжелые будни, которые ждали служивого там, впереди, обозначалась та скрытая, незаметная драма казарменной жизни, где сурово дрессируется оторванная от плуга молодежь, с трудом воспринимающая тонкие и непонятные подробности новой и тяжелой науки...

Длиннобородый Лукьян, наклоняясь через стол ко мне и жестикулируя рукой, сжатой в кулак, говорил громким, басистым голосом:

— Такая уж наша планца казачья — служи! в одну душу — служи!.. А служить можно, да за что служить? У иного господина земли — глазом не окинешь, а у нас? По четыре десятинки на пай, а вокруг этого пая сам — семей вертишься, как кобель на обрывке... Тут не то справу справить — правдаться нечем!

— Такие права, — сказал, вздыхая, дед Ефим.

— Зачем же они такие? — всыскательным тоном подвыпившего человека закричал Лукьян.

— А уж так повелось... Есть у помещиков десятин по скольку тыщ... Да вот мы в первую службу в Польшу ходили, — там, куда ни глянь, вся земля господская.

— А у солдата мать нищая! — обличительно воскликнул Лукьян.

Перешло время за полдень, надо было выступать: до сборного пункта — 80 верст, а явиться предписано

на завтрашнее число. Семен пошептал на ухо деду Ефиму, и дед громко сказал:

— Пора... Путь не близкий... Время Богу молиться. Иди, Лука, одевайся...

Служивый вышел из-за стола, надев короткий форменный полушубок, зацепил шашку.

— Шашка — верная подруга, — сказал дядя Лукьян, — теперь уж не скоро ее сымешь...

— Это уж — жена твоя теперь, — горьким голосом сказал Максим Рогачев.

Дед Ефим продолжал распоряжаться. Он громким шепотом давал указания Семену и Прасковье, как, что и в каком порядке надо делать, где сесть, как держать икону, как благословлять. И оттого, что был такой знающий, авторитетный человек, который уверенно командовал, передавалась и всем уверенность, что все будет сделано правильно, как требуют дедовский обычай и польза дела.

— Ну, теперь садитесь! — торжественно сказал дед Ефим.

Все сели. И стало тихо, точно опустела горница, точно не стоял здесь сейчас гомон голосов и песенный шум. Лишь за окнами на дворе глухо звенел и дробился ребячий крик.

— Ну... Господи бослови... — проговорил дед Ефим, крестясь, и встал.

И все встали. Широко и спешно начали креститься на иконы. Струилась шелест движущихся рук, слышались вздохи, шепот, всхлипывание, стук шашки о пол, когда служивый кланялся в землю. Долго молились, шептали, устремив глаза в темный угол, где были иконы — и дедовские, облупленные и потемневшие, и новые — в дешевенких киотах за стеклом, и лубочные изображения Серафима, а рядом генералы: Стессель, Фок и Куропаткин. Там, в темном углу, в темных, чуть видных ликах, неизменных свидетелях труда, горя и слез нескольких поколений, было единственное упование их, этих плачущих и всхлипывающих людей...

— Ну, теперь садитесь, — сказал дед Ефим. — Семен! Прасковья! Садитесь в передний угол!

Послушные уверенному указанию, родители заняли места за столом, неумелые, жалко-смущенные и растерянные.

— Иде иконка-то? Давай сюда! Берите так... вот: ты, Прасковья, правой рукой, ты, Семен, — левой... Держите... Ну, Лукаша! — вздохнул дед, обернувшись к служивому: — Кланяйся в ноги родителям, проси благословения... Благословение родительское — знаешь? — большое дело, концы в концов... Без него нитнюдь никуда... Говори: простите и благословите, батенька и маменька!..

Служивый перекрестился на родителей, сидевших рядом в напряженной позе и державшихся руками за небольшую медную иконку-складень, старую, от дедовских времен уцелевшую. И, может быть, в первый раз он рассмотрел это сухое, в

мелких морщинках, рыжебородое лицо отца и припухшее от слез лицо матери, — жалкие и невыразимо дорогие ему эти родные лица... Он стукнул лбом в пол и, трясаясь от слез, с трудом выговорил:

— Батенька! Маменька! Простите и благословите...

Задрожала рука матери, ручьем полились непослушные слезы. Семен проговорил слабым, силным голосом:

— Бог благословит, чадушка...

Но дед остановил его и сказал служивому:

— До трех раз поклонись!

И, гремя шашкой, Лука вставал, встряхивая волосами, и снова валился в ноги родителям, глухо повторяя:

— Простите и благословите, батенька и маменька!

— Мать, благословляй! — сказал дед.

Всхлипывая, Прасковья перекрестила сына иконкой и попыталась что-то сказать, но застряли слова в рыданиях, ничего не разобрал никто.

— Перекрестись и поцелуй! — деловитым голосом командовал дед: — Так! Ну, теперь приberi... Глядай, не теряй...

— Не теряй, Лукаша! — горестным, плачущим голосом сказал сзади Максим Рогачев. — Это такое дело... большое!.. Материно благословение... береги...

— Иде чехольчик-то? — озабоченным голосом говорил дед Ефим. Сам уложил иконку в чехол, заматал шнурком, связал и, передавая внуку, коротко и строго сказал:

— Приberi хорошенько! На гайтан повесть!

Внимательно проследил, как Луканька навесил сумочку на шнурок креста, как засунул в пазуху за рубаху, как застегнулся. И чувствовалось всеми, что то, что делается под зорким наблюдением деда Ефима, есть нечто глубоко важное, нужное, спасительное... И даже горечь момента как будто растворялась в этих строгих подробностях старого обряда.

Потом дед сказал:

— Ну, теперь с дедом прощайся...

Служивый поклонился в ноги деду и троекратно, крест-накрест, облобызался с ним. Ефим Афанасьич вынул из пазухи кожаный, глянецвый от долгого употребления, словно отполированный, кисет, развязал его и, звякая медяками, разыскал серебряный полтинник.

— Вот... это тебе на нуждишку... когда взгрустнется, поешь... или выпьешь за мое здоровье... А теперь — богоданным родителям кланяйся в ноги, крестному... дяденьке... А потом прощайся со всеми председателями — друзьями и приятелями... Теперь уж не скоро... того...

Слышно ржание Корсака. Гремят выстрелы. Пора...

Публикацию подготовил
Петр ЛИХОЛИТОВ

Виктор ОНУЧКО,
собственный корреспондент Информационного агентства
«Новости» — специально для «Вокруг света»

Кое-что о парижском мусоре

Когда я собирался в командировку во Францию, один мой злой на язык коллега прокомментировал это примерно следующим образом: знаем мы вас, международников, — будешь жить в прекрасной, ни в чем не нуждающейся стране, а репортажи станешь присылать с помоек, чтобы показать «язвы капитализма». Но, признаюсь, приехав во Францию, захотелось написать именно о помойках.

С каждым очередным гостем из Союза я методически проделываю один и тот же эксперимент: доставив его к дому корпункта, прежде чем проводить к лифту, предлагаю осмотреть камеру-накопитель мусоропровода.

Реакция всегда бывает примерно одинаковой: настороженное удивление от такого предложения после визита в мусоропровод сменяется удивлением, смешанным одновременно с чувством восхищения и отчасти унижения. Да, увы, состояние туалетов и помоек — это один из важных показателей уровня цивилизованности нации.

Итак, заглянув в столь непопулярное место, обнаруживаешь чистоту, в которой можно оперировать больного. Крашенные стены и цементный пол блестят, издавая приятный запах дезинфектанта, ароматизированного лимоном. Мусор упрятан в пластиковые контейнеры на колесах. В каждый контейнер подложен большой пластиковый мешок. Мусор в этот мешок также попадает упакованный в полиэтиленовые пакеты. Так здесь принято. Обучать этому никого не надо. Поэтому и чистоту поддерживать проще.

Проходя каждый раз мимо мусоросборника, невольно вспоминаю свой московский подъезд и кучи самой невообразимой дряни на площадках возле люков мусоропровода. А что же, мол, сам-то? Да сам-то поначалу протестовал... До тех пор, пока окончательно не осознал, что жители города, чуть было не ставшего образцовым коммунистическим, почему-то смотрят на меня как на придурка.

Да, в Париже есть кварталы с домами погрязнее того, где находится корпункт ИАН. Перенаселенные многодетными иммигрантами из развивающихся стран квартиры расположены в обширных подъездах, и помойки там отнюдь не такие опрятные, и пахнет совсем не лимоном. Но будем откровенными: эти подъезды и помойки в домах конца прошлого века гораздо чище, чем в моем почти новом доме на Каширском шоссе. И здесь уже не только вопрос культуры (откуда она у полуграмотного афри-

канского чернорабочего, переехавшего в Париж из глиняной хижинки!). За чрезмерную грязь могут выселить и из самого дешевого дома. Какой домовладелец захочет платить штрафы городским властям? Разве что за счет повышения квартплаты тем же жильцам.

Следующий этап — выгрузка контейнеров, выставленных уборщиками

каждого дома на тротуары, в специальные мусорные машины. Вам не приходилось морщиться и отворачивать нос от проезжающей мимо вас московской мусоровозки? А мусорные баки, стоящие в наших московских дворах? Бедные жители нижних этажей с окнами, выходящими на эти баки! Здесь же это чистая операция: ловкие парни в зеленых комбинезонах и перчатках, как правило, в конце дня или ночью опрокидывают контейнеры в аккуратные зеленые машины со спецсигналом, позволяющим им останавливаться у каждого подъезда, какой бы узкой ни была улица. Несмотря на многочисленные остановки, дело идет довольно быстро, движения мусорщиков отработаны до автоматизма. Однажды я не сдержал любопытства и впрыгнул на подножку такой машины, которой управлял огромный негр: в кабине была чистота, хоть подсаживая пассажиров во фраках, тихо играла музыка.

Каждый второй житель Парижа, если верить телевизионному ведущему, имеет домашнее животное. Но особенно много здесь собак. Парижане их обожают, и им позволено многое. В Париже практически нет пустырей, вход на детские площадки с собаками категорически воспрещен, поэтому многочисленные следы «жизнедеятельности» домашних животных встречаются во французской столице повсюду, вплоть до самых респектабельных тротуаров. Это сразу бросается в глаза новичку, впервые попавшему в Париж, и мне неоднократно приходилось выслушивать сетования по этому поводу моих московских гостей. Однако никто из них не задумался над тем, что при всем том город все же не погрязнет в этом «добре». И тротуары, и обочины регулярно убираются или обычными мусорщиками с метлами, или специальными мотоциклами-пылесосами из муниципальной службы чистоты. А чтобы не задерживался соответствующий запах, вдоль обочин установлены водопроводные краны, и наиболее «посещаемый» собаками асфальт регулярно промывается водой.

Помню, как мой мексиканский коллега в довольно агрессивном тоне обратился к заместителю мэра Парижа мадам Жаclin Небу:

— Весь Париж загажен. Что вы собираетесь делать с собаками?

— Убирать за ними, — спокойно ответила мадам Небу. — Не можем же мы призвать людей не держать или, уж тем более, уничтожать собак. По статистике, очень большая часть владельцев собак — одинокие люди. У них никого больше нет. Нельзя их лишать единственной привязанности. Это уже социальный фактор. Приучить же всех собак решать свои проблемы в строго отведенных для этого местах невозможно, так как у большинства их владельцев нет ни времени, ни сил для такой дрессировки.

Немало хлопот городским властям доставляют и голубы. Особенно страдают от них жители верхних этажей старых домов и безгаражные владельцы автомашин. Конечно, автомойка в Париже не проблема. Помыть автомобиль можно на многих заправочных станциях, которые встречаются на каждом углу. Однако добросовестно «обработанный» голубями кузов не поддается даже самым сложным программам автоматизированных моек. В подобной ситуации в одном южном приморском городе Франции, где скопища чаек терроризировали жителей, власти пошли на радикальные меры: чаек стали морить отравленной приманкой. Парижская мэрия от такого пути отказалась. Хоть и дорого это обходится городской казне, для голубей периодически стали разбрасывать специально обработанный корм, который действует как контрацептик. Голуби в городе от этого, конечно, полностью не переводятся, но регулировать в какой-то мере их количество можно.

Если бы не связка из трех 100-метровых блестящих труб, это здание можно было бы принять за республиканский дом политического просвещения, построенный, правда, хорошим архитектором, или даже за дворец съездов. Так выглядит новый завод для переработки бытовых отходов, то есть содержимого городских помоек, который называется «Сент-Уан 2». Изящные линии, сверкающие на солнце стены, на их голубовато-серебристом фоне — ярко-желтая эстакада. Мне подарили замечательный слайд: завод, а за ним — панорама Парижа со стройным силуэтом Эйфелевой башни. Эти два великодушных инженерных творения словно бы переключаются через век: чудо совершенной технологии не портило городской пейзаж ни тогда, ни сегодня. Над трубами нет привычного мрачно-индустриального шлейфа, а лишь белое облако.

Первый завод по измельчению отходов (недавно его стали называть «Сент-Уан 1») был построен в Париже

в 1896 году. Тогда, разумеется, все было примитивным: то, что сгорало, сжигали, а остальное — спрессовывали и вывозили на свалки... С течением времени технологию совершенствовали, но все же это было вредное предприятие, вызывавшее, особенно в последние годы, протесты общественности.

Когда был объявлен конкурс на проект нового завода, его заказчик — Межкоммунный профсоюз по обработке бытовых отходов Парижа и пригородов (СИКТОМ) — выдвинул три условия: экологическая чистота, рентабельность и... красота.

Архитектор Жан-Робер Мазо потрудился на славу. Что касается чистоты, то выбросы завода, по утверждению ответственных лиц СИКТОМа, соответствуют требованиям общеевропейских норм экологии, которые будут введены в 1996 году. Особо придирчиво заказчик относился к дыму. Впрочем, это было требованием и муниципалитета Парижа, с которым практически сливается пригород Сент-Уан, и властей близлежащих коммун. В ход были пущены самые современные средства очистки дыма, просчитывались возможные направления всех ветров в районе. В результате облако над трубами завода состоит главным образом из водяных паров с температурой 62 градуса. Не буду утомлять другими подробностями. Поверьте на слово: у меня есть детальная справка, составленная профсоюзом специально для общественности. В ней с процентами и формулами расписано все, что задерживается в результате очистки, а что прорывается в атмосферу. Любая организация может затребовать эти сведения.

Общественность была также очень озабочена проблемой запаха — сюда должно было свозиться содержимое помоек коммун с общим населением в несколько миллионов человек. Технологическую цепочку спроектировали так, что в шахтах-накопителях отходы долго не задерживаются, быстро переходя в печи, а, кроме того, воздухозаборники, предназначенные для поддува печей, расположены прямо над мусором. Возле самих шахт запах все же есть. Но вовсе не такой, как, скажем, на Рязанском шоссе близ Люберец. И мы жевали бутерброды в чистейшем буфете завода, не испытывая никаких гигиенических неудобств, потому что в сотне метров от накопителей дышалось как на любом промышленном предприятии.

Производственные шумы в дневное и ночное время в точности соответствуют нормам, за которыми здесь следят на совесть.

Наконец, у завода есть система тщательной очистки и нейтрализации собственных отходов, которые баржами вывозятся на свалку только после полного цикла обработки и специального контроля.

Ну, и несколько слов о рентабельности. Каждая из трех огромных пе-

чей может перерабатывать 28 тонн бытовых отходов в час. В день обрабатывается 1730 тонн, а в течение года — более 600 тысяч тонн. Технология сжигания такова, что не горят только металлические детали, которые впоследствии выделяются из отходов сгорания и продаются металлургическим предприятиям. Печи позволяют получать 1470 тысяч тонн пара для городского отопления. Этого достаточно для обогрева 70 тысяч квартир ежегодно. Кроме того, завод продает службе электросети 15,4 тысячи мегаватт-часов электроэнергии в год. Те отходы сгорания, которые могут использоваться в других отраслях промышленности, например, в химической, продаются соответствующим предприятиям.

Но не чудеса технологии поразили меня больше всего в этой истории. Самое неизгладимое впечатление произвел недоверчиво-взвешливый интерес прессы и общественности к новому предприятию. На пресс-конференции руководителей СИКТОМа накануне открытия завода журналистов было значительно больше, чем обычно собирается у самых высокооплачиваемых деятелей. Мои французские коллеги заставили изрядно попотеть авторов и заказчиков проекта завода. Во всем казавшемся мне неуязвимым вышеописанном великолепии они умудрились найти столько несовершенств, что я едва успевал следить за их очень грамотными и очень специальными вопросами. Например, представители профсоюза, атакованные журналистами, признали, что пока бессильны извлекать из мусора некоторые особо вредные материалы, например, использованные батарейки-пуговицы для часов и счетных устройств. Оказывается, на сегодняшний день существует лишь одна возможность избавиться от их вреда — надежное хранение в специально оборудованных для этого местах. Попада же в печи вместе с массой остального мусора, они при сжигании выделяют вещества, от которых избавиться окружающей среде завод не в состоянии. Были и другие вопросы «на засыпку», так что с самого начала пресс-конференции стало ясно, что народ собрался отнюдь не для того, чтобы просто выразить свой восторг.

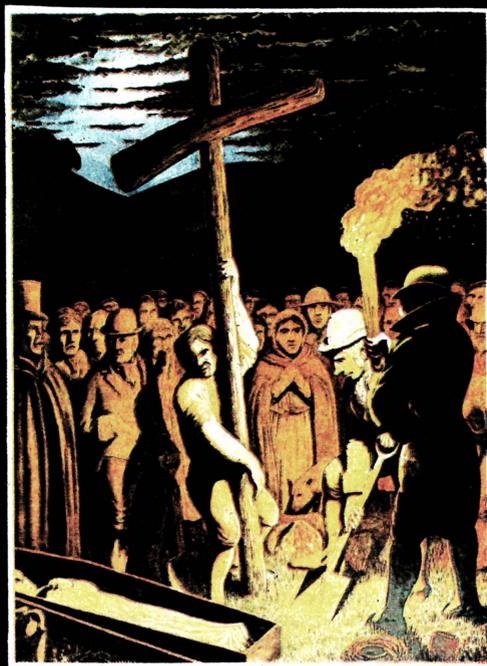
В присутствии мэра Парижа Жака Ширака самый старый рабочий завода «Сент-Уан 1» и самая юная девушка-инженер завода «Сент-Уан 2» одновременно нажали две кнопки. Одной были запущены печи нового предприятия, а другая привела в действие взрывное устройство, разрушившее кирпичные трубы старого завода под аплодисменты многочисленных зрителей.

Умеют французы трудиться, умеют и радоваться плодам своего труда, даже когда речь идет, как в моей истории, всего лишь о мусоре и помойках...

КОЛДОВСТВО

Эрик МЭПЛ

ДРЕВНИЕ СТРАХИ

Свидетельства фольклорного и исторического характера подтверждают: до тех пор, пока мы будем бояться смерти и пока нам придется приспосабливаться к этому страху, в обществе всегда найдется место для колдуна и священника, соперничество которых уже давно стало менее острым благодаря тому, что они сошлись в презрении и ненависти к общему врагу — ведьме. Сомнения в возможности изгнать преследующих и обуревающих нас демонов живы и до сих пор, и вполне возможно, что они — порождение подсознательных кошмаров доисторического человека.

Страх человека перед черной магией воплотился в одном из самых первых известных нам законодательств. Например, по законам царя древнего Вавилона Хаммурапи, принятых более чем за 1900 лет до рождения Христа, запрещалось заниматься колдовством с изображением. Подобно примитивным людям из родоплеменного общества, мужчины и женщины античности продолжали цепляться за орды экзорцистов и колдунов, изгонявших демонов из психически больных людей — в болезни видели признак одержимости бесами. Для людей ранних цивилизаций природа казалась населенной демонами и духами — добрыми и злыми, которых надо было умиротворять кровавыми обрядами. В местах, где закладывался дом или ворота нового города, приносились человеческие жертвы, часто это было сожжение заживо. Кстати, есть предположение, что парфюмерия ведет свою историю от фимиама, который курили в древних храмах, чтобы скрыть неприятный запах, возникавший при сжигании жертв.

РИМСКИЕ АМУЛЕТЫ

Римский поэт Овидий так описывает страх перед черной магией: «Неужели мое тело чахнет из-за того, что меня опоили тессалоникийским дурманом? Может, чары или пряные травы убивают меня, о горе мне? Или ведьма нацарапала мое имя на пуническом воске или вонзила тонкие иглы прямо мне в печень?» Тех, кто занимался магией с изображениями людей, а также тех, кто просил совета у демонов и мертвецов, обычно изгоняли из городов, но как только борьба с ведьмами затихала, они возвращались обратно. В канонах религии Римской империи магия официально не запрещалась, но языческие жрецы и вследа за ними христиане первыми стали осуждать ведьм и черную магию.

Однако, несмотря на страх перед ведьмами, римляне никоим образом не желали умерить свою сексуаль-

ность, подхлестываемую афродизиаками, которые готовили и «прописывали» все те же ведьмы. И не только одного лишь Апулея обвиняли в том, что он добился расположения богатой женщины с помощью колдовства и приворотного зелья.

Еда имела в магии большое значение. В качестве «любовного блюда» высоко котировалась рыба, поскольку большое количество икринок — «рыбных яиц» — наводило римлян на мысль о возможности столь же впечатляющего воспроизведения потомства. С той же целью ели мясо куропатки — среди римлян за куропаткой закрепилась репутация «сексуального атлета». Однако самым хорошим средством восстановления полового влечения, а также лекарственным препаратом от бесплодия считался корень мандрагоры. Когда вырывали корень, он покрывался каплями и начинал съезжаться — легенда гласила, что любой, кто оказался на расстоянии человеческого крика от такого корня, погибает. Амuletам, изготовленным из корня мандрагоры, приписывалась большая сила: они защищали их владельцев, словно непроницаемый экран, что присуще всем сексуальным символам. Плиний Старший писал: «Если найдешь корень мандрагоры в форме мужского полового органа, тебе гарантированы успехи в плотской любви». Вооруженные такой полезной и выгодной басней, ведьмы принялись добывать корень мандрагоры, которому они ножами придавали необходимую форму. Среди других знаменитых компонентов фармакологии ведьм Древнего Рима был сатирикон — так называлось растение с раздвоенным корнем, которое якобы придавало «потребителю» огромную половую силу.

ПРЕДСКАЗАТЕЛИ СУДЬБЫ

В свое время классические ведьмы античности даже вызывали восхищение. Их ценили за лекарское искусство, уважали за умение готовить смертоносные яды. Им воздавали должное за способность проникать в природу вещей, за таланты в предсказании будущего. В V веке до нашей эры в Афинах для предсказания пользовались металлическим блюдом, отшлифованным при помощи масла до зеркального блеска, — для греческого прорицателя оно было тем же, чем является хрустальный шар для современной предсказательницы.

Среди известных способов предсказания будущего особой популярностью пользовалась алектриомансия, для которой в Древней Греции требовались петух и мешочек с зерном. Вначале на земле очерчивали круг и разбивали его на 24 равных сектора. В верхней части каждого сектора колдун писал одну из

букв алфавита и клал на букву зернышко. После того как петух склевывал часть зерен, начиналось тщательное изучение круга. Буквы, соответствовавшие склеваным зернам, складывались в ответ на заданный вопрос.

Не все знают, что игра в кости первоначально возникла как одна из форм предсказания будущего у народов, стоявших на низкой ступени развития, — позже такого рода гадание прижилось среди священников-колдунов Греции, которые утверждали, что по падению кубика могут определять будущее.

Колдуны часто практиковали сайомантию и некромантию — искусство вызова мантий (душ) умерших. Таким образом колдуны пытались получить информацию, недоступную живым. В Библии описывается Эндорская ведьма, которая воспользовалась сайомантией: она вызвала Душу Самуила, чтобы предсказать Саулу исход сражения — в Библии эта ведьма характеризуется как «та, которая умела вселяться в животных».

Возможно, наиболее ценным даром было ясновидение. Как писал Платон, философ Сократ неизменно «получал указания» от «внутреннего голоса», который не давал ему совершать глупые или опасные поступки. Тогда, как и сейчас, самой популярной формой общения с миром духов был онирокритизм, то есть послания, получаемые во сне, — следовательно, толкование снов было широко распространено в древнем мире. Мудрецы Египта и Вавилона предсказывали будущее по «картинам», увиденным во сне, а сам сон рассматривался как такое психическое состояние, при котором душа способна войти в будущее. Однако поскольку странствующая душа путешествовала в разных временных измерениях, считалось, что она может передавать лишь перевернутое изображение того, что видит, — отсюда старая поговорка «Во сне все наоборот».

Друидическая религия кельтов включала в себя самые последние в то время достижения магии — похоже, кельтские священники были гораздо более прогрессивными, чем может показаться. Стремление к власти было в друидизме весьма сильным, что, вероятно, чрезвычайно раздражало власти светские. Считалось, что друиды могут становиться невидимыми, что их чары смертельны; верили также, что они управляют стихиями, а именно — четырьмя ветрами. Как и ведьмам из более поздней истории, им подчинялись гром и молнии. Друидическая религия была и очень жестокой: в своих воспоминаниях Юлий Цезарь писал об огромных, сплетенных из прутьев изображениях богов, внутрь которых загоняли мужчин, женщин и животных, а затем предавали их священному огню.

К концу дохристианской эры в пучину магии и колдовства погрузилось все человечество. Повсюду мерещились отряды злых духов, для умиротворения которых требовались человеческие жертвы. Духи подкарауливали тех, кто не был защищен средствами магии.

И все же, несмотря на свое, с нашей точки зрения, варварство, люди

¹ Афродизиаки — средство, усиливающее половое влечение. — Прим. пер.

древности прекрасно знали о гармонии, существующей в природе. По-видимому, они инстинктивно понимали не только взаимозависимость всего живого в природе, но и религиозный характер самой жизни.

ЛЕТАЮЩИЕ ВЕДЬМЫ

На территориях, где проживали народы романо-германской языковой группы, куда входят и Британские острова, существовали весьма прочные традиции летающих ведьм; некоторые из них, как полагают, восходят к эпохе каннибализма. Где-то в 906 году нашей эры появилось значительное богословское произведение под названием «Епископские заветы», в котором говорилось, в частности, о женщинах, «соблазненных иллюзиями и фантазиями демонов — под их влиянием женщины убедили себя в том, что могут летать, оседлав животных, а в полетах их сопровождает Диана, богиня язычников. Бесчисленное множество этих женщин летят в глухой ночи над разными городами и странами, а в специально условленные ночи Диана призывает их на свою службу. Те, кто ослеплен этой фальшивкой, принимают все за чистую монету и отходят от истинной веры, полагая, что, помимо Бога, единого и истинного, существуют иные божественные и могущественные силы». Из приведенного отрывка становится ясно, что полеты человека расценивались как иллюзия, порожденная дьяволом. «Сатана (который превращается в Ангела Света), однажды овладевший разумом женщины, сделал это путем ее неверности и обращения в ложную веру и подчинив ее своей власти, начинает принимать обличия прорицателей и обманывает своих последователей во сне, потому жертва верит в то, что испытывает только лишь ее дух, и считает, что то же происходит и с ее телом». Снижательное отношение к полетам ведьм как к иллюзиям не могло продолжаться вечно, и вскоре начался настоящий крестовый поход против колдовства и магии. Церковники единым фронтом, хотя и не очень успешно, выступали против тех, кто скатывался в язычество.

В раннем фольклоре Западной Европы существует множество любопытных легенд о женщинах-вампирах, летающих ночью в поисках новорожденных, из которых они пили кровь. В XII веке в Херефорде, по преданию, только что погребенный колдун вставал из могилы и называл вслух несколько имен соседей, которые затем в течение трех дней умирали. По приказу епископа тело колдуна обезглавили, окропили святой водой и вновь захоронили — после этого акта экзорцизма колдун уже не тревожил округу.

Обнаруженный недавно на кладбище монастыря Кланик (город Приттвелл, графство Эссекс) обезглавленный скелет свидетельствует о том, что приведенный выше случай отнюдь не был единичным. Череп находился рядом, но был повернут лицевой стороной вниз, то есть по направлению к Аду.

Вероятно, самой страшной фигурой среди всех демонов средних веков был Одержимый Охотник — мчащийся по грозовому небу на коне призрак, которого сопровождала стая гончих; он уничтожал все живое, встречавшееся на его пути. Полагали, что родом привидение из Франции или Германии, англичане же считали его родиной Виндзорский лес и называли этот злодейский рогатый фантом Охотником Херном. Шекспир в своей пьесе «Виндзорские проказницы» описывал, как Херн «страшно гремел» своей цепью. Под влиянием христианства Охотник потерял черты скандинавского бога смерти и трансформировался в библейского Сатану, который со стаями адских безглавых гончих заполнил ночи ужасными криками и воплями — снова и снова он мчится в своей вечной погоне за душами, особенно за душами некрещеных младенцев.

ЖАННА Д'АРК

Первые следствия Святой инквизиции по делам ведьм во Франции часто имели политическую окраску, в частности, дела Жанны д'Арк и Жилья де Рэ, в которых существуют противоречия, неразрешенные и по сей день. Жанна обвинялась в ереси, но обвинения в «еретическом ведьмовстве», как полагают некоторые исследователи, против нее не выдвигались. Пленив Жанну при осаде Орлеана, инквизиция сочла возможным выдвинуть против девы «весьма сильные подозрения в нескольких заблуждениях, имеющих привкус колдовства». С самого момента пленения ее подвергали всяческому унижению — публично выставляли в клетке, где она с трудом могла выпрямиться. Вопрос о колдовстве Жанны должен был решиться раз и навсегда, и решиться в ее пользу: выяснилось, что она девственница, а это означало, что она не могла участвовать в ритуальном совокуплении, которое, как считалось, практиковали все ведьмы. Однако это важнейшее доказательство невиновности во время следствия тщательно и искусно скрывали. Все дело Жанны вращалось вокруг вопроса об источнике голосов, которые, как утверждала дева, она слышит и которые ее направляют. Были ли это святые голоса, как настаивала она, или, как полагала церковь, дьявольские? Жанне пришлось отвечать на хитрые вопросы, которыми в совершенстве владели инквизиторы. На вопрос, считает ли она, что Господь по-прежнему благоволит ей, Жанна ответила: «Если нет, то, может быть, Господу будет приятно вернуть мне свое расположение; а если да, то, может быть, ему будет приятно не покидать меня». Ответ она «нет», и ее обвинили бы в провозглашении ереси. С другой стороны, если бы ответ был утвердительным, своим невежеством она сама подписала бы себе приговор.

По мере развития дела суд постепенно убеждался, что Жанна не колдунья и не ведьма. Но вдруг она неожиданно сдалась и созналась, что ее взгляды — ошибочные. На основании обвинения в ношении мужской одежды и отрицании церкви ее приговорили к пожизненному заключению и вернули в камеру. Однако враги сумели обмануть свою жертву и придумали, как добиться ее смерти: они сделали так, что тюремщики забрали одежду Жанны, оставив взамен мужское платье. Облаченную вновь в мужскую одежду Жанну путем юридических и церковных софизмов обвинили в закоснелой ереси. Затем Жанна отказалась от своего прежнего признания, и 30 мая 1431 года, после торжественного отлучения от церкви, эту героическую крестьянскую девушку подвесили за одну руку, а бейлиф отдал приказ о ее казни. Ее сожгли на медленном огне на рыночной площади в Руане — на Жанне была митра со словами «Закоренелая еретичка, веротушница, идолопоклонница».

УЖАСЫ СЕЙЛЕМА

Но даже когда жители Европы начали избавляться от страха перед колдовством, обитатели далекой Новой Англии только готовились к террору. В тихой массачусетской деревушке Сейлем — на родине преподобного Сэмюэля Перриса, фанатичного протестанта и ненавистника ведьм, как и большинство жителей деревни, — жила его рабыня-негритянка по имени Титуба, которая развлекала местных девушек красочными описаниями негритянской магии и рассказами о привидениях. Как-то вечером во время одного из таких «представлений» у нескольких девушек началась истерика. Одна из них совершила невероятное преступление: швырнула на пол Библию. Пронзительные крики и припадки барышень подталкивали к знакомой мысли об «одержимости» — вскоре девушки заявили, что их околдовали рабыня Титуба и две другие женщины, белые нищенки Сара Гуд и Сара Осборн. Девушки утверждали, что сейлемские колдуньи нападали на них, приняв вид призраков, в то время как их реальные оболочки находились в совершенно другом месте.

Титуба созналась, что в ее распоряжении есть призраки, однако попыталась спасти свою жизнь, свалив вину на двух белых женщин, которые, как она говорила, против желания заставили ее стать ведьмой. Вероятно, чтобы придать этой и без того взрывоопасной ситуации дополнительный драматизм, она заявила, что в Сейлеме есть еще девять тайных ведьм. Суровая длань правосудия поднялась, и начались повальные аресты.

Следствие по делу Сары Гуд началось в 1692 году. Когда узницу предъявили ее обвинительницам, с «околдованными» девушками случилась

ПОЧТОВЫЙ ДИЛЛИМАНС

Полностью согласен с мнением Владимира Соловьева, высказанным в № 11 за 1990 год в статье «Карты правду говорят?». Просто горло перехватывает, когда говоришь о безобразиях, которые встречаются в отечественных географических картах. И ведь что интересно — никому до этого дела нет. А знаете почему? Да потому, что никто не несет ответственности за дезинформацию, за материальный урон, который происходит из-за некачественных карт. А вот взять бы да наказать авторов этой «лжи». Думаю, дела пошли бы на поправку. Но что-то не слышал я о таком. А жаль.

А. БАХИРЕВ,
г. Ростов-на-Дону

Очень хочется, чтобы какой-либо номер вашего журнала зарядил известный экстрасенс другой страны.

В. КУХАРСКАЯ,
Калининград

С большим интересом и вниманием прочитала повесть «Альфред Муней — англичанин» («ВС» № 9—11, 1990 г.) о замечательном, мужественном разведчике Семене Яковлевиче Побережнике.

Не каждому дано быть разведчиком. Для этого необходимо иметь личное мужество, глубокую преданность и любовь к своей родине, чувство патриотизма.

Очень и очень обидно, что до сего времени не дана должная оценка заслугам Семена Яковлевича. Вместо благодарности и признания его заслуг ему пришлось отбывать срок в лагерях и тюрьмах. Почему не установлены и не наказаны виновники этой трагедии?

Сейчас в стране неразбериха. 73 года все было плохо (хорошего ничего). Улицу Героя Советского Союза Кузнецова переименовали в улицу С. Бангеры!

Но, как бы там ни было, разведорганы и разведчики есть в любом государстве и, даже с улучшением советско-американских отношений, нельзя забывать о существовании ЦРУ. Ведь оно не перестало существовать и не превратилось в благотворительное учреждение. И ни американская, ни разведки других стран не прекратят своей деятельности против нашей Родины. А раз так, то еще долго нам будут нужны такие люди, как Семен Яковлевич Побережник.

Выражаю вам свою благодарность за публикацию повести о замечательном и мужественном разведчике, и, если представится возможность, передайте Семену Яковлевичу мой фронтонный привет и добрые пожелания в жизни.

Н. МАМЕДОВ,
г. Баку

истерика, и они в один голос начали уверять суд, что подверглись нападению духа Сары Гуд, всем остальным невидимого. Затем, как и следовало ожидать, начались обычные в таких случаях взаимные обвинения и разоблачения. Гуд заявила, что во всем виновата Осборн, и их обеих вместе с Титубой бросили в тюрьму. На следующей стадии следствия «околдованные» девы были под конвоем доставлены в суд округа, где от них потребовали назвать тех, кого они считают ведьмами. Вскоре стало ясно, что только те, кто готов признать свое участие в этой истории и выдать сообщниц, могут рассчитывать на снисхождение. Те же, кто имел наглость протестовать и настаивать на невиновности, обнаруживали, что попали в приготовленную для них ловушку.

Ребекку Нерс, женщину 70 лет с безупречной репутацией, суд поначалу признал невиновной, однако затем вердикт был изменен на диаметрально противоположный, и ее приговорили к смерти. Общество было настолько поражено и напугано «ведьмовским шабашем», что даже священника, преподобного Джорджа Берроуза, казнили как колдуна. По мере того как черная лихорадка страха разъедала сознание людей, в тюрьмы бросали все новые и новые жертвы.

Страна погружалась во мрак, но в конце концов «стервы ведьмы», как их мягко называли, набрались смелости и обвинили представителей высшего истеблишмента, в том числе и жену губернатора, которая имела мужество выступить в поддержку одной из обвиняемых. Начиная с этого момента кампания репрессий официальных властей пошла на убыль и закончилась столь же внезапно, как и началась.

Двери тюрем распахнулись, и Сейлем начал подсчитывать, во что ему обошлась оргия ненависти: 90 мужчин и женщин нашли смерть на виселице, а одного человека «раздавили насмерть» (разновидность санкционированной законом пытки) за отказ признать себя виновным. Чтобы выбить признание, пытки применялись еще к двум мужчинам, но, как оказалось, эти пытки были противозаконными.

ЛУКАВЫЙ НАРОДЕЦ

Смягченные законы Британии и других стран Западной Европы против колдовства отражали скорее взгляды просвещенного аристократического меньшинства, нежели точку зрения сельских жителей, составлявших основную массу населения. Суеверный бедняк, когда ему казалось, что возникла опасность со стороны злых духов, всякий раз обращался за помощью к белым ведьмам или «лукавому народцу».

Эти хитрецы, которые и во времена строгостей закона продолжали совершенно открыто действовать на

Британских островах, обычно были седьмыми сыновьями или седьмыми дочерьми, что означало, что их способности, как тогда считалось, достались по наследству. Они не только «раскидывали чары», но, подобно своим англосаксонским предкам, лечили травами и, как утверждали, умели заклинаниями выгонять болезни из животных.

Вплоть до середины XVIII века эта публика имела значительное влияние в сельской жизни, часто к ним относились даже с большим уважением, чем к священникам. В Восточной Англии они порой были единственно действенными лекарями, особенно в те годы, когда официальная медицина была слишком дорогой. В Девоне и Корнуэлле с ними советовались не только бедные, но и все остальные — в народе их называли «магами». В Уэльсе седьмые сыновья седьмых сыновей готовили и прописывали лекарства, рецепты которых создавались еще в средние века.

Сохранился рассказ об одной такой мудрой деревенской женщине. Она обычно принимала посетителей, сидя за столом в затемненной комнате, лицо скрыто капюшоном, и в магическом кристалле читала будущее своего «клиента». Самый известным «хитрецом» был человек по имени Джеймс Маррелл из Эссекса — седьмой сын седьмого сына, который читал будущее в крохотном зеркальце, а для лучшего эффекта декорировал свой «консультационный кабинет» пожелтевшими от времени черепами. По большей части его доход обеспечивали фермеры, считавшие себя жертвами семи ведьм из соседней деревни Кеньюдов.

В Шотландии спа-уайф (как там называли предсказательниц) могла создать себе репутацию пророчицы одним лишь тем, что она — седьмая дочь седьмой дочери.

Франция тоже славилась подобными целителями, одним из самых известных был Марко Орлеанский, который лечил болезни своим дыханием. В XVIII веке в некоторых германских княжествах правители становились «спонсорами» седьмых сыновей седьмых сыновей.

«Хитрецы» частенько занимались своим делом бесластно, полагая, что предоставление услуг на коммерческой основе равносильно отказу от профессиональной этики и ведет к ухудшению «волшебных» способностей. Поэтому они полагались на добровольные пожертвования пациентов — в виде продуктов, товаров или денег.

Но поскольку такие деревенские прорицатели одновременно выступали и как ловцы ведьм, их социальная роль была, увы, весьма сомнительной: те несчастные, кого они обвиняли в болезнях своих пациентов, часто становились жертвами соседей и порой лишались из-за таких обвинений жизни.

МАГИЯ И ЖЕСТОКОСТЬ

Любой, кто полагал, что испытывает воздействие ведьмовских чар, и искал помощи у белой ведьмы, получал консультацию по мерам магической самозащиты. Его учили, напри-

мер, втыкать гвоздь в след ведьмы на пыльной дороге — считалось, что тем самым наносится рана ведьме; или человек мог расцарапать ведьме лоб над самой бровью: с появлением крови чары нейтрализовывались. Было также принято прибивать к входной двери дома подкову или же подвешивать к ключам от амбара или хлева освященный камень (хэг-стун): таким образом защищали животных. Аналогичную защиту обеспечивали и ножицы, спрятанные под половик. Для того чтобы побороть слез, на подоконник ставили стеклянный шар, наполненный цветными камешками, — такой шар называли «ведьмовским». В Корнуэлле в дымоход на ночь помещали длинные стеклянные трубки, тоже с цветными камешками.

Вера в силу дурного глаза оставалась весьма стойкой и после отмены закона против колдовства, что привело к целому ряду жестоких убийств. В апреле 1751 года в Хертфордшире разгневанная толпа, заподозрившая пожилую пару по фамилии Осборн в том, что они заколдовали стадо коров, раздели стариков донага, привязали друг к другу, бросили предварительно в реку, а потом, выудив их оттуда, забили насмерть. Казнь зачинщика этого убийства Томаса Колли, состоявшаяся в августе 1752 года, вызвала негодование его соседей: они считали Колли чуть ли не мучеником.

В XVIII веке было множество попыток реанимировать старинную, к тому времени запрещенную, процедуру проверки на виновность водой. Самое страшное дело такого рода произошло в 1863 году в городе Сибл-Хедингем, графство Эссекс: на старика по прозвищу Чучело напала толпа крестьян. Они не только бросили его в реку, но и подвергли «пытке ходьбой» — беднягу заставили длительное время шагать в сопровождении двух крепких мужчин, чтобы он снял чары с якобы заколдованной им жены хозяина местной гостиницы. В результате этой «обработки» старик умер, а виновных посадили в тюрьму.

Многовековой страх перед привидениями, казалось, повлиял на все слои общества и привел в конце концов к тому, что люди стали верить даже в самые невероятные истории на эту тему. В Пембурри, графство Кент, покойник вылез из своей могилы и принялся шататься по деревне. Привидение леди Браун из Рейнхем-Хауза, графство Норфолк, пристрелил морской офицер. В Придди, графство Сомерсет, по дороге шлялся призрак местной ведьмы, а в Кроглене, графство Кэмберленд, вампир напал на девушку. Дьяволизм того или иного вида всегда был мил сердцам британцев.

Однако нет никаких сомнений, что самый примечательный случай дьяволизма произошел сравнительно недавно — это убийство Клонмельской ведьмы в 1894 году, отголоски которого прокатились по всей Европе. И хотя городок Эмеральд-Айл оказался в стороне от былых шумных

процессов по делам о колдовстве, о чародействе там были осведомлены хорошо. Например, в одном доме нашли соломенное чучело, утыканное булавками, около другого дома такое чучело похоронили: считалось, что после того, как солома сгниет, человека, олицетворявшего чучело, постигнет та же участь.

В марте 1894 года в городке Боллиредли, графство Типперери, бесследно пропала некая Бриджит Клири. Поползли слухи, что ее убили. Вскоре после этого арестовали ее мужа Майкла Клири и нескольких родственников — их всех обвинили в посягательстве на жизнь Бриджит и жестоком с ней обращении. В результате интенсивных поисков в близнем болоте обнаружили ее полюбгоревший труп. Стало очевидно, что муж, уверенный в том, что делит ложе с феей, «окрестил» ее мочой и куриным пометом, а потом облил лампадным маслом и поджег. При этом присутствовали по меньшей мере тринадцать человек, в задачу которых входило, как они заявили в суде, «прогнать всех ведьм и фей». Суд установил их вину и приговорил к тюремному заключению. После этого прискорбного случая многие ирландцы стали напевать весьма мрачную песенку:

Видно, ведьма ты иль фея, коль нашла покой в могиле,

Может быть, так случилось, что жена ты Майкла Клири?

В 1836 году польские крестьяне из города Хела, близ Гданьска, до мельчайших деталей «воспроизвели» убийство ведьмы по имени Тринг, которое произошло в Англии почти за сто лет до того: пожилую женщину бросили в море, а когда она выплыла, насмерть забили камнями.

В конце XIX века французский писатель Шарль Сенио очень подробно описал Нза — известную белую ведьму из Рошфор-антре, что в Бретани. Она протягивала руки к небу и вызывала подчиняющийся ей дух по имени Гнами — во всяком случае, жестикуляция производила на клиентуру неизгладимое впечатление.

В самом начале нынешнего века любопытный случай произошел на юго-западе Франции, в местечке Нерак: белая ведьма сказала мадам Делиа, что ту околдовал ее собственный муж, местный крестьянин. Она вместе с детьми ушла из дома, и в ее отсутствие отец и друзья семьи «разобрались» с колдуном: убили его в подвале и бросили тело в реку.

Почти за каждым таким убийством чувствовалось влияние местного «хитреца» или белой ведьмы — они продолжали заниматься своей древней профессией, поскольку люди нуждались в их услугах. В 1927 году в Германии колдун настроил крестьянина против жены: она якобы заколдовала стадо. На протяжении двух недель муж регулярно избивал несчастную женщину, чтобы выгнать из ее тела злых духов, в конце концов она умерла от побоев.

В середине 20-х годов Джейбези Фью из Виллинггема, графство Кембриджшир, соседи обвинили в том, что он подбросил в спальню одной женщины белую мышь, в результате чего женщина была заколдована. «Дьявольская» мышь с такой яростью набросилась на кошку, что бедное животное было вынуждено спасаться бегством.

В 1928 году привлек к себе внимание всего мира американский штат Пенсильвания: когда человек по имени Ремайер, избалованный как колдун, отказался дать прядь своих волос для того, чтобы повернуть чары, которые он якобы наложил на одного из жителей, соседи убили его.

Подобные события, о которых сообщали из разных частей света, способствовали стабильному страху перед черной магией и злыми духами. Например, в 1923 году в городе Эстремадура, в Испании, нашли в поле тело хорошей молодой пастушки. Она была жестоко истерзана, некоторые части тела отрезаны, полностью выпущена кровь. Мнение, что она стала жертвой вампиризма, подкреплялось доказательством: на горле девушки обнаружили крохотную ранку.

В феврале 1960 года один каменщик из Аргентины сознался, что проник в спальни женщин, которым перекусывал горло и пил их кровь.

В периоды охоты на ведьм подобные убийцы считались сатанистами или вампирами, хотя сейчас нам совершенно ясно, что все они были жертвами того или иного психического или эмоционального расстройства, нуждающимися в медицинской, а отнюдь не оккультной помощи.

Однако вовсе не психические заболевания обусловили многовековую живучесть легенд о потусторонних силах и злых чарах, все объясняется намного проще и прозаичнее: дело в самом банальном страхе перед неведомым и непонятым, который испытывали простодушные люди, жившие в небольших, изолированных деревнях. Когда им казалось, что их жизни что-то угрожает (а во многих случаях для подобного мнения достаточно было одного косога взгляда соседа), ими овладевало агрессивное желание напасть самим. Сделав это — естественно, эффект был вполне впечатляющим, — они как бы ликвидировали воздействие непонятных сил, и ощущение подавленности проходило. В чрезвычайных случаях этого можно было добиться лишь уничтожением противника.

И хотя такие воззрения и условия жизни, их питавшие, сегодня постепенно исчезают, они тем не менее все еще существуют во многих районах Европы и Америки. Более того, в примитивных общественных устройствах они продолжают играть весьма важную роль, об этом мы узнаем из следующей главы, в которой рассказывается о пережитках прошлого.

Окончание следует.

Перевел с английского
С. КАСТАЛЬСКИЙ

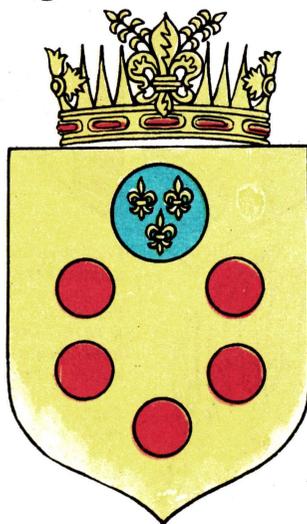

Геральдический альбом

Г. ВИЛИНБАХОВ,
М. МЕДВЕДЕВ

Рисунки Г. КОМАРОВА

Если бы правила рыцарской геральдики были приняты еще в эпоху античности, то, без сомнения, у Древнего Рима был бы герб, и его следовало бы считать первым гербом Италии. Но в XII веке, когда оформилось гербовое искусство, единой и мощной Италии уже не было, а титул императора Римского и корона итальянских королей принадлежали германскому королю и ассоциировались с его гербом — черным орлом в золотом поле. В стране, разделенной на республики, княжества и королевства, на протяжении столетий не было герба, который обозначал бы всю Италию.

ропе и за ее пределами был известен и уважаем золотой крылатый лев в лазоревом поле — герб Венеции, символизировавший евангелиста Марка, покровителя республики.

Сам же вечный город — Рим — стал центром Папской области. Вынужденная решать множество чисто светских вопросов, католическая церковь стремилась поддержать авторитет и независимость папы Римского, поставив его во главе собственного государства. Гербом папства как высшего церковного института еще в XIV веке стали скрещенные золотой и серебряный («разрешающий» и «вяжущий») ключи апостола Петра, перехваченные золотым шнуром, под папским венцом (тиарой). Фигуры изображались в поле червленого щита, а иногда и сами по себе, и тогда червленым изображался шнур: это распространенный геральдический прием. Символика герба указывала на права, полученные свыше святым Петром — права «решить» и «вязать» все дела церкви, и на то, что эти права унаследованы преемниками апостола Петра — папами.

Часто ключи понимались буквально: как отпирающие и запирающие врата рая. В действительности, по словам архиепископа Бруно Хайма, выдающегося геральдиста нашего времени, ключи «иносказательно обозначали абсолютный авторитет Христа, переданный Петру». Ключи были обращены вверх в знак того, что власть находящегося на земле папы достигает даже небес; при этом золотой ключ относили к небесной церкви, а серебряный — к земной. Крест, образованный ключами, должен был напоминать о распятии Христа. Шнур служил символом единства церкви... Раскрыть символическое значение тиары гораздо труднее. До сих пор не утихают споры о ее происхождении.

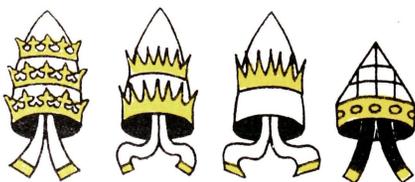
Первоначально она была просто белой конической шапкой. Возможно, она появилась между четвертым и седьмым веками и понималась как фригийский колпак, традиционный символ свободы и независимости (на сей раз — независимости папы от светских властей). Иногда тиару пытаются истолковать как разновидность митры (головного убора, носимого высшим духовенством при богослужении). Едва ли это верно, ведь папы совершали священнодействия, сняв ти-

Гербы герцогства Миланского, великого герцогства Тосканского и Венецианской республики. Шапка дожа, венчающая щит в венецианском гербе, — еще одна знаменитая вариация на тему фригийского колпака.

При этом многие итальянские государства могли похвастаться собственным гербом, заслуженно знаменитым и эффективным. Таков был, например, герб герцогства Миланского — лазоревый змей, глотающий червленого младенца. Первоначально имелось в виду, что младенец выходит из змея, подобно сотворяемому миру, выходящему из первобытного хаоса; но со временем это толкование забылось, уступив место более мрачному... Не менее знамениты красные «шары» великого герцогства Тосканского — гласный герб правящей династии Медичи, намекавший на пилюли, которыми дальние предки герцогов — аптекари (медики) — пользовали больных. В Ев-

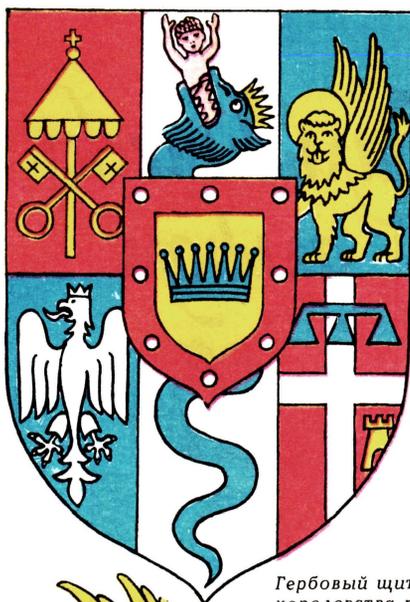
Эволюция тиары в XIII—XV веках.

ару и надев митру. Вероятнее всего, тиара служила своего рода первосвященнической короной. Неудивительно, что к XIII веку она приобрела золотой обруч с зубцами наподобие монарших венцов и в то же время две ленты, свисающие изнутри — обычную принадлежность западноевропейской митры. На рубеже XIII и XIV веков папа Бонифаций VIII добавил второй зубчатый обруч. Вероятно, это должно было означать духовную и светскую власть папы. Вскоре появился и третий венец — возможно, в честь Троицы. Позднее три венца понимали как указание на то, что церковь борется, кается и торжествует; на три части света, известные европейцам в средние века, на то, что папа священнодействует, управляет и поучает... Наконец, в чине коронации пап тиара упоминается как отличительный знак «отца князей и королей, правителя мира». На это же, видимо, указывает и шар с крестом — держава, украшающая тиару со времени Юлия II (1503—1513 гг.). Не сразу была решена проблема — как помещать тиару в гербе.

Упомянем еще одну итальянскую державу — королевство Сардинское, с 1720 года бывшее во владении Савойской династии. Старинный герб Сардинии напоминал о борьбе с сарацинами: червлёный крест в серебре, сопровождаемый по углам черными головами мавров. Но в XVIII веке вместо него почти всегда употреблялся династический — савойский герб с простым щитом, известным с 1239 года: в червленом поле серебряный крест. Таков же щит в гербе ордена св. Иоанна Иерусалимского (сегодня более известного как Мальтийский). По преданию, Амедей IV Савойский помогал ордену оборонять против турок остров Родос и в память о боевой дружбе уподобил собственный герб орденскому. Собственно, у савойских государей был и более ранний герб — черный орел в золотом поле (в знак близости к императору). Иногда о нем вспоминали, и тогда щиток с «родосским» крестом оказывался на груди орла.

Савойским нащлемником была золотая крылатая львиная морда, словно бы держащая шлем в пасти. На этот раз имелась в виду связь с Венецией: Савойские герцоги считались ее почетными патрициями.

К венецианскому золотому с лазурью гербу восходят и цвета лазоревого, подложенного золотом, намета. Обратное расположение цветов объясняется тем, что финифтью принято рас-

Гербовый щит Итальянского королевства при Наполеоне.

Гербовый щит Савойского дома в 1815—1870 годах. На так называемом почетном месте щита — герб Сардинии.

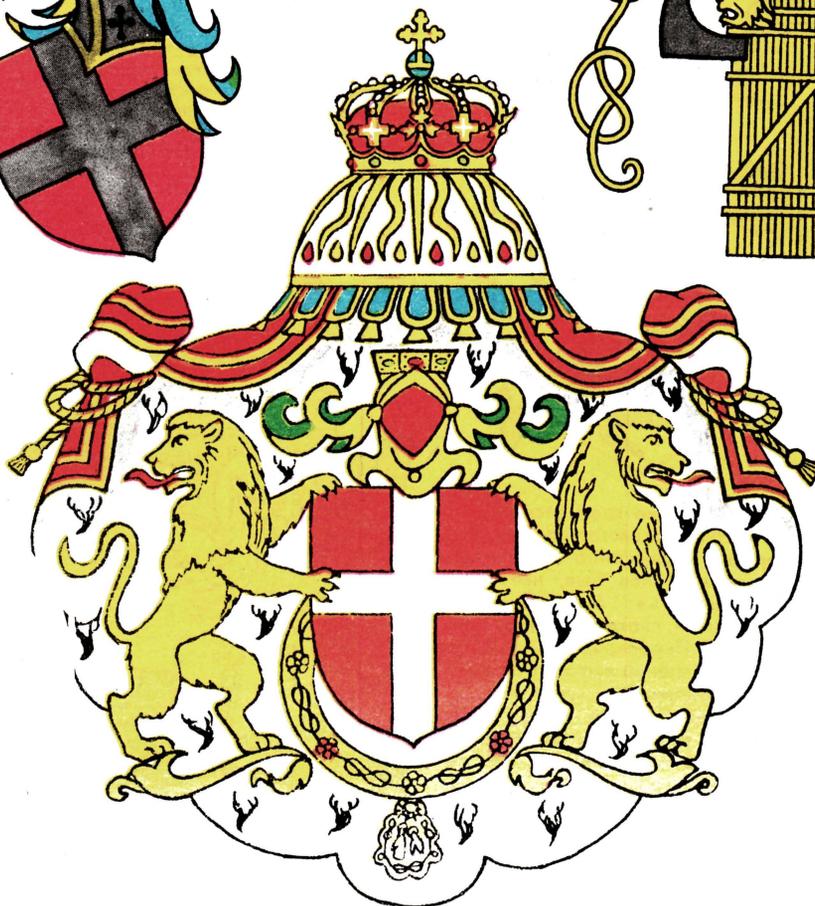

Герб Савойского дома. Из гербовника XV века.

Фашина с завязкой в виде савойских узлов.

Герб Итальянского королевства.

цвечивать лицевую сторону намета, а металлом — обратную.

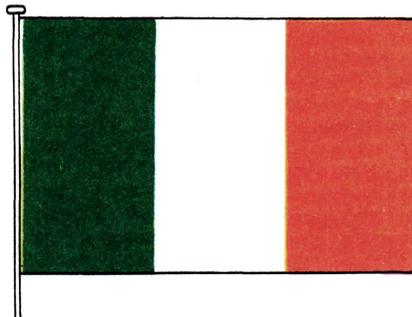
Иоаннитский крест, имперский орел, венецианский нашлемник: почти целиком заемный герб должен был показать разнообразие связей и таким образом послужить символом самостоятельности... А главным исконо савойским элементом родового геральдического обихода был, пожалуй, знак основанного в 1362 году ордена Благовещения. Он имел вид ажурного медальона, образованного узлами (символ любви), внутри которого изображались фигуры Божией Матери, слетающего к ней Святого Духа и архангела Гавриила. Знак изображали подвешенным на большой цепи, составленной из роз, узлов и загадочного девиза F.E.R.T. Точное толкование этих букв неизвестно до сих пор. Обычно их расшифровывают как «Fortitudo Eius Rhodum Tenuit», то есть «Его доблесть спасла Родос», и относят к подвигам Амедея IV. Девиз F.E.R.T. считался не только орденским, но и родовым, точно так же, как узел считался геральдическим символом рода, так называемым «немым девизом». Существовал, наконец, и полный герб с мантией, щитодержателями и многочастным щитом, в котором находилось место и для пышного креста Иерусалимского королевства, и для эмблем, напоминавших об уходе в глубь веков германском происхождении рода, и даже для червленого льва королевства Армянского, не говоря уже об эмблемах итальянских владений рода.

Однако первый герб Италии был установлен не одним из перечисленных здесь государей, а Наполеоном. В конце XVIII века он, еще как республиканский генерал, немало потрудился в Италии под лозунгом свободы, равенства и братства, подчиняя ее французам. А в 1805 году Наполеон принял титул короля Италии и короновался древней итальянской короной — «железным венцом» ломбардских королей, имевшим вид изукрашенного золотого обруча без зубцов. Внутри обруча был помещен другой, тонкий, сделанный из железного гвоздя, которым, по преданию, был прибит к кресту Спаситель; отсюда название короны. Ее же новоявленный король поместил и в щите итальянского герба, но почему-то лазоревую в золотом поле и к тому же с зубцами. Овальный щит с этим странным изображением помещался на груди орла Французской империи под звездой с инициалом «N» и в мантии с короной.

В более полном варианте гербовый щит разрастался, в нем появлялись миланский змей, венецианский лев, другие эмблемы, более или менее искаженные странностями бонапартовской геральдики. Герб не был абсолютно стабильным. Порой зубчатый венец, обозначающий железную корону, изображали золотым в зеленом поле или даже серебряным в золоте, что было совершенно негеральдично — ведь налагать металл на металл нельзя. В довершение всего вместо

знаков ордена Железной короны, специально основанного Наполеоном для Италии, в гербе красовались крест и цепь французского Почетного легиона!

После изгнания Наполеона железная корона (на этот раз в своем подлинном виде) попала в сложный герб Австрийской империи, где увенчала расчлененный щиток с миланским змеем и венецианским львом. Но на деле объединить Италию под одной короной довелось не австрийским Габсбургам, а

Флаг и эмблема Итальянской Республики.

Савойскому дому. 17 марта 1861 года король Сардинский стал королем Италии. Династический герб в целом сохранился, но над мантией нередко вместо короны изображали звезду. До 1890 года королевские и государственные гербы совпадали, а позже был установлен пышный монарший герб и две версии государственного. В основе всех трех был червленый щит с серебряным крестом. Помимо железного венца, как короны Италии, гербы были украшены вместо звезды специально сочиненной «савойской королевской короной», едва ли не единственной чисто династической короной в истории геральдики. Она походила на обычную королевскую, но обыкновенные листовидные зубцы на ее обрубке перемежались с белыми, окантованными червленью савойскими крестами, тогда как держава, венчающая корону, украшалась золотым крестом особой, трилистной формы, традиционно связываемой со святым Мавриkiem — покровителем Савойи. Этот

венец не был ни собственно итальянским, ни герцогским савойским; не связанный ни с конкретным титулом, ни с конкретной территорией, он лишь указывал на исключительное достоинство правящего рода.

Что касается королевского герба, то помимо сени более пышного вида, нежели в государственном гербе, он мог похвастаться государственной хоругвью, поднимающейся из-за сени и символизирующей суверенитет. Древко хоругви было увенчано фигуркой савойского орла, рядом с которым развевались ленты с боевыми девизами (кличами) рода: «Савойя!», «Святой Маврикий!» и «Хорошие новости!».

Как мы видим, фамильный орел не был забыт. Кстати, старая композиция «щиток с крестом на груди орла» заменяла обычный герб королевства на королевском штандарте и на знаках некоторых итальянских орденов.

Придя к власти, фашисты заменили в государственном гербе традиционных щитодержателей (львов) партий-

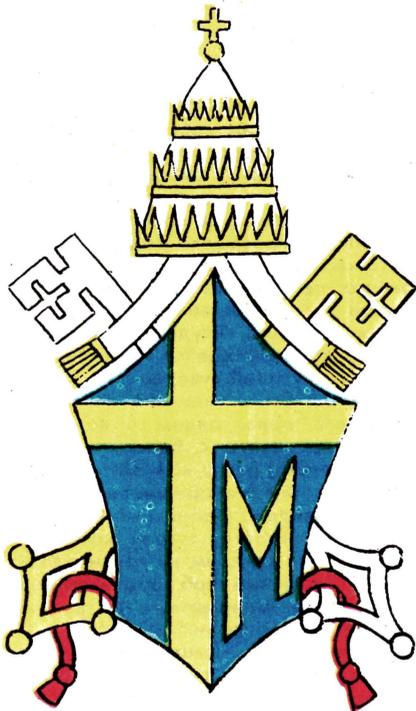
ными эмблемами (фашинами), то есть уже знакомыми нам ликторскими пучками. Королевского герба эти переделки не коснулись.

Революция уничтожила и фашистский режим, и монархию. Президентским декретом от 5 мая 1948 года был утвержден нынешний символ страны, созданный художником Паоло Паскетто. Уважение к традиции не позволило назвать этот негеральдический знак гербом — он был утвержден как «государственная эмблема». С самого начала эмблема сочли недостаточно специфичной для Италии, и на морских флагах страны, а также на президентском штандарте вместо нее оказалась странная полугеральдическая вариация на тему гербов Венеции, Генуи, Амальфи и Пизы.

Необходимость замены всех этих эмблем настоящим гербом страны обсуждается уже давно, в том числе и в парламенте. Но беда в том, что все доселе употреблявшиеся гербы Италии воспринимались как символы династий или режимов, а не страны как таковой. А составить для древней страны совершенно новый герб — задача не из легких...

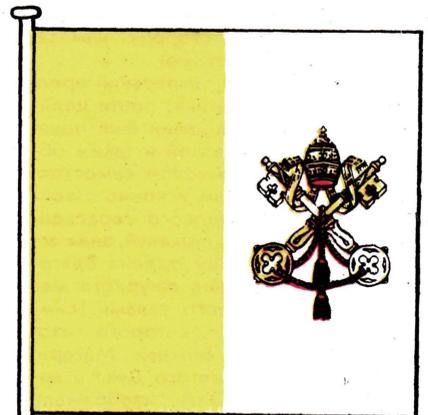
РАБ РАБОВ БОЖИИХ

С объединением Италии Папская область исчезла с карты, но мириться с этим церковь не пожелала. В 1929 году был достигнут долгожданный компромисс: часть Рима, включающая кафедральный собор святого Петра и папскую резиденцию на Ватиканском холме (общей площадью менее половины квадратного километра), объявлялась суверенным государством — городом Ватикан. Его гербом стал уже известный нам щит с

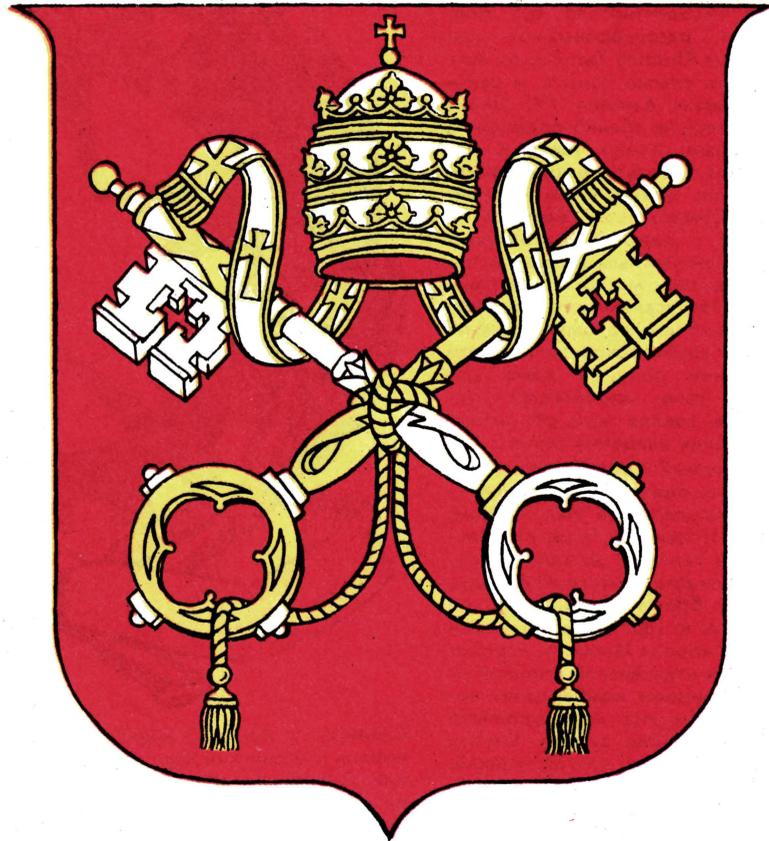

ключами и тиарой; он же, как и столетия назад, служит гербом католической церкви и папского престола. Кроме того, каждый папа по-прежнему получает свой собственный герб, в котором ключи и тиара обрамляют щит.

Ныне правящий папа Иоанн Павел II происходит из недворянского рода и потому фамильного герба не имеет. В бытность архиепископом Краковским он получил специально составленный герб с крестом и инициалом «М», которые символизируют Христа и Деву Марию. Надо заметить, что из-за своей неспецифичности надписи в гербах (кроме девизов) считаются признаком дурного тона, и потому «крест с литерой» Иоанна Павла II вызвал и вызывает нарекания многих

Флаг и герб государства-города Ватикан.

Герб папы Иоанна Павла II.

любителей чистой геральдики. Автор герба — уже упоминавшийся архиепископ Хайм — не без основания оправдывался тем, что для старой польской геральдики привычны знаки, очень схожие с буквами.

Ключи под тиарой, помещенные не в щите и не за щитом — своего рода «малый герб» Ватикана. Мы видим его на флаге; им же пользуются высшие учреждения города-государства, его дипломатические представители и папские институты.

Интересно, что по смерти папы и до избрания его преемника эта эмблема употребляется в разделенном виде: изображение тиары сопровождается погребальной церемонией, тогда как ключи — символ неумирающего

авторитета церкви — во время междуцарствия помещаются за гербовым щитом кардинала-заместителя. Вместо тиары их сопровождает красно-золотой «зонтик» — старинное Знамя церкви в виде балдахина.

Остается добавить, что в наши дни папы уже не носят тиару, считая ее светским венцом, не подходящим духовному лицу. Это новшество ввел папа Павел VI (1963—1978 гг.), а его преемники даже не стали короноваться. Однако как эмблема тиара осталась в полной силе.

В расцветке ватиканского флага без труда узнаются золото и серебро символических ключей раба рабов Божиих, как исстари именуют себя папы.

ВАХТА ПАМЯТИ

Скоро исполняется 50 лет начала битвы за Москву, победа в которой, достигнутая после тяжелых неудач начального периода войны ценой величайшего напряжения всех сил советского народа, положила начало краху гитлеровских планов мирового господства.

В битве за Москву сложили голову многие тысячи наших граждан различных национальностей, различных регионов нашей страны.

К сожалению, до настоящего времени не только не отдана в полной мере последняя дань погибшим, но и не все они просто по-человечески похоронены. До сих пор в лесах, болотах и на полях лежат безымянные останки наших дедов, отцов, сыновей, часто числящихся «пропавшими без вести».

В 1991 году уже третий раз будет проводиться Всесоюзная вахта памяти, в ходе которой энтузиасты поискового

движения в различных областях произведут поиск и захоронение погибших воинов, попытаются установить их имена.

В рамках Всесоюзной вахты памяти Российский Центр поисковых отрядов будет проводить Вахту Памяти в Московской области и других областях России.

Мы обращаемся ко всем гражданам:

если кто знает, помнит места сильных боев, после которых незахороненными оставались павшие солдаты или были захоронены в так называемых «незарегистрированных» захоронениях — воронках, окопах, блиндажах, если известны места, где осталась боевая техника времен войны, сообщите нам по адресу:

143400, Московская область, г. Красногорск, ул. Ленина, 5, Российский Центр поисковых отрядов (или объединение «Искатель»).

ГОСЦЕНТР «Природа»:

- фотографирует из космоса любой регион Земли;
- продает не только космические снимки, но и цифровые данные к ним, выполненные на машинных носителях;
- дает квалифицированные консультации;
- принимает заказы на обработку космической информации.

Наш адрес: 109125, Москва, Волгоградский проспект, 45.

ГЕОДЕЗИЗДАТ — это все науки о Земле.

ГЕОДЕЗИЗДАТ — самые достоверные карты и путеводители.

ГЕОДЕЗИЗДАТ — помощник вашего успеха.

Для публикации рекламы в журналах, каталогах и книгах ГЕОДЕЗИЗДАТа обращайтесь по адресу: 125413, Москва, Онежская ул., 26, тел. 456-95-38.

АРКТИЧЕСКИЙ КЛУБ НЭТИ

— предлагает экспедиционным, туристским, научным, транспортным, промышленным и другим организациям, а также частным заказчикам в СССР и за рубежом ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ И РАЗОВЫХ ДОГОВОРОВ НА ВЫПОЛНЕНИЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ АВИАРАБОТ ПРИ РАДИОЛОГИЧЕСКИХ, КАРТОГРАФИЧЕСКИХ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СЪЕМКАХ, ПЕРЕВОЗКАХ ЛЮДЕЙ И ГРУЗОВ: Первый и единственный в СССР вертолет МИ-8, оборудованный самым современным комплексом радиотехнических систем дальней навигации (в составе «Омега», «Лоран-С», «МАРС-75», «РСДН»). — только у нас! Обеспечивается определение места (геодезических и ортодромических координат) с точностью до 10 м и другой навигационной информации в любое время суток и года при любой погоде! Возможные места работы — северные, полярные, дальневосточные районы. Для работы за рубежом имеются специально аттестованные экипажи. Вертолет также оборудован метеорадиолокатором, 1—4 дополнительных топливными баками (до 10 часов полета), лебедками, может быть оснащен другими устройствами и приборами.

Справки: г. Новосибирск, т. (8-383-2) 46-40-16, Заруба Ю. В. (15—18 час. МСК); г. Оха Сахалинской обл., т. (8-424-037) 92-1-80, ОАЭ (01—11 час. МСК), 56-66, Гордиенко В. В. (11—14 час. МСК);

- приобретет импортные и высококачественные отечественные: экспедиционное снаряжение, радиоаппаратуру для любительской (трансиверы КВ и УКВ) и служебной (КВ, УКВ морская и воздушная) радиосвязи, бензоэлектроагрегаты и дизель-электростанции 0,5—5 кВт 220, 380 В, легкие вертолеты и гидросамолеты, мотодельтапланы, воздушный шар, малотоннажное морское судно (с дальневосточным или северным портом приписки);
- рассматривает предложения различных экспедиций по обеспечению радиосвязью;
- приглашает для взаимовыгодного сотрудничества надежных партнеров-спонсоров.

С предложениями и средствами обращаться по адресу: 630092, г. Новосибирск-92, а/я 1, Арктический клуб НЭТИ, 46-40-16, 46-27-65 (только с 15.00 до 18.00 московского времени).

ВСЕПРОНИКАЮЩИЙ ЖЕЛУДОК

Морская звезда — хищник прожорливый. Горе неподвижным обитателям морского дна — актиниям, моллюскам и прочим, — на которых она нападает. Впрочем, почему «неподвижным»? Некоторые звезды, например, вида *Pisaster helianthoides*, передвигаются со скоростью 30 сантиметров в минуту и представляют угрозу даже для раков-отшельников и крабов.

Морская звезда — хищник еще и коварный. Способности ее весьма разнообразны. Например, раковина не такая уж надежная защита для моллюска. Все звезды питаются, выворачивая наружу желудок и обволакивая им жертву, а вот гигантская морская звезда (*Pisaster giganteus*) в состоянии просунуть свой желудок в щель между створками раковины, раскрытыми всего на одну десятую миллиметра, и спокойно переварить моллюска в его собственном доме. Правда, очаги сопротивления все же существуют. Моллюски блюдечки, почувствовав приближение морской звезды, выпускают меж створками мантию и умудряются «завернуть» в нее всю раковину: щупальца хищника скользят по блюдечку, и ухватить его поудобнее никак не удастся.

ПЛАНЕТОХОДЕЦ ФРЭНСИС

Планетоходец Джон Фрэнсис заговорил! При всей загадочности и даже некоторой сенсационности эта фраза пока лишена смысла. Попробуем ее объяснить.

Джон Фрэнсис до поры до времени жил себе спокойно в родной Калифорнии и работал продюсером небольшой вокально-инструментальной группы. В 1971 году разразились сразу две трагедии: погиб лучший друг Фрэнсиса и приключилась катастрофа с нефтяным танкером в заливе Сан-Франциско, неподалеку от дома Джона. Фрэнсис дал тогда два обета: не пользоваться автомобилями и вообще любыми моторными транспортными средствами, чтобы лучше понять гармонию человека и природы, и... не произносить слов. По доброй воле он стал немым. Было ему в ту пору двадцать пять лет.

За годы молчания Джон Фрэнсис защитил диссертацию в области охраны окружающей среды и стал магистром, а затем начал работу над докторской, возглавив программу по изучению земельных ресурсов. Общаясь с людьми только жестами, знаками и письменно, он исходил пешком тысячи миль по Америке, совершенствуя свои познания в экологии и распространяя представления о новом глобальном мышлении.

Со временем Фрэнсис начал выпускать бюллетень под названием «Планетоходец» — отсюда и прозвище.

Только недавно Джон Фрэнсис снял с себя обет молчания. Он считает, что годы немоты принесли большую пользу. «Уже сам факт молчания придавал драматический оттенок темам, о которых я отказался говорить вслух, — рассказывает Фрэнсис. — И к тому же я смог глубже познать себя. Обычно наши самые глубокие мысли тонут в огромном количестве слов».

В ближайшем будущем Фрэнсис собирается продолжить планетохождение — на этот раз под парусом. Объектом изучения станут воды Мирового океана.

НЕПОДВИЖНЫЙ ЗАХВАТЧИК

Животных-мигрантов огромное множество. Путешествуют перелетные птицы, рыбы, грызуны... Но есть группа путешествующих животных, которые без помощи человека, точнее, без его транспортных средств, перемещаться не могут: это моллюски, прилепляющиеся к днищам судов, активные действующие лица процесса, именуемого обрастанием.

С недавних пор специалисты, ведущие наблюдения за водами Великих озер, с тревогой стали отмечать появление в этих водоемах новых обитателей-переселенцев: европейских камбалу и ерша, китайских крабов и прочих ракообразных — всего около 50 видов. Выяснилось, что гости завезены сюда с балластной водой, которую суда разных стран сливают в озера, перед тем как принять на борт экспортный груз. Но наибольшее беспокойство вызвали мидии, приехавшие на днищах европейских судов. Они отлично прижились в Великих озерах и деятельно включились в пищевые цепи, поедая водоросли и планктон: у местных форелей и окуней появился сильный конкурент. Незадолго до того эти же мидии (*Dreissena polymorpha*), обитатели Черного, Азовского и Каспийского морей, схожим путем завоевали воды европейских рек и каналов.

В США вводятся законы, предписывающие капитанам грузовых судов освобождаться от балластной воды в океане, на подходе к американскому побережью.

Однако никто пока не придумал, как быть, с переселенцами, уже обосновавшимися в Великих озерах.

ЕСТЬ ЕЩЕ БЕЛЫЕ ПЯТНА!

Кимберли — это обширный пустынный район на севере штата Западная Австралия. На площади 420 000 квадратных километров здесь живет не более 25 тысяч человек. А на двухтысячекилометровом побережье между главными городками района людей и вовсе не встретишь. Ученые тоже редко посещали эти места. И вот в Кимберли отправилась экспедиция Музея Западной Австралии под руководством биолога Фреда Уэллса. Понятно, что ученые надеялись на кое-какие открытия, но реальная картина белого географического пятна превзошла все их ожидания. Вот лишь краткий перечень открытий и находок экспедиции: четыре новых рода и сорок восемь до сей поры неизвестных видов сухопутных улиток, шесть новых видов морских червей, никогда не встречавшийся у побережья Австралии вид осьминога. Плюс два захоронения аборигенов. Плюс топонимический сюрприз: около сорока безымянных островов. Экспедиция продолжает работу...

РАЛЛИ ФАРАОНОВ

проводится каждую осень в Египте. Из названия, разумеется, не следует, что в автомобильной гонке принимают участие исключительно особы царской крови, оно лишь подчеркивает, что маршрут проложен с учетом исторических достопримечательностей: из окна машины, если позволят темп и напряжение гонки, можно увидеть и древние храмы, и пирамиды, и гробницы. Но основной пейзаж — бесконечные песчаные дюны. 5300 километров надо проделать по пустыне, прежде чем машина пересечет линию финиша в египетской столице. Трудные условия ралли привлекают автомобилистов со всего света. На пробег прошлого, 1990 года съехалось 1200 опытных водителей и штурманов. Многим раллистам не чужд дух кладоискательства. Пески пустыни скрывают немало сокровищ, того и гляди за ближайшей дюной откроется гробница, еще неизвестная археологам, или развалины давно исчезнувших городов.

МУЗЕЙ ВОДЫ

ЛЫСЫЕ ПРОТИВ ПАРИКМАХЕРОВ

Такая «война» действительно может разразиться в недалеком будущем. Так, по крайней мере, считают организаторы выставки, которая недавно проходила в пригороде Роттердама (Голландия) и была посвящена истории причесок за последние пять тысяч лет.

При осмотре выставки можно выявить немало любопытных вещей. Например, самые древние парики были обнаружены археологами в Египте. Специалисты утверждают, что древние египтяне порой носили по два парика сразу. В Древнем Риме по парик можно было определить положение человека в обществе. Особо ценились парики, изготовленные из светлых волос захваченных в плен тевтонов. Что касается окраски волос, то римская знать предпочитала золотое напыление.

Со временем прическа стала играть большую роль и в политике. Известны случаи, когда политические деятели отдавали распоряжение брить наголо своих оппонентов, лишая их тем самым определенного общественного имиджа.

Культь прически достиг апогея во времена маркизы де Помпадур и королевы Марии-Антуанетты. Первые дамы Франции имели, разумеется, личных парикмахеров. Один из них — Легро де Руминьи — позже основал в Париже первую школу парикмахеров. К 1769 году во французской столице действовало 1200 салонов-парикмахерских для женщин. Мужчины посещали либо цирюльни, либо стриглись в бане.

В 1872 году другой француз, Марсель Грато, изобрел приспособление для завивки волос. В 1904 году был выпущен первый шампунь. А спустя несколько лет в области женской прически произошла революция — в моду вошла короткая стрижка.

Если внимательно проследить тенденции моды в XX веке, то станет очевидным, что былая связь между прической и политикой, похоже, канула в вечность. Между тем на горизонте маячит новая возможность: в ближайшем будущем медицина скорее всего создаст эффективное средство против облысения. Вот тогда-то мода (а она часто бывает парадоксальной) на лысых и постарается срывать наповал самых именитых парикмахеров мира.

Что за странная идея? Музеи пуговиц, игрушек, научной фантастики, картофеля, кошек, чертей — все понятно... Но — воды? И тем не менее такой музей существует. Он расположен в старой водонапорной башне Лиссабона, построенной в 1880 году для снабжения города питьевой водой из реки Алвиела.

Идея создания Музея воды родилась у лиссабонцев не случайно. Португальская столица, расположенная в устье реки Тежу, с древних времен славилась гидротехническими сооружениями, которые нередко обретали монументальные архитектурные формы. Гигантский акведук «Агуаш ливреш» до сих пор считается одной из достопримечательностей города. Его строительство началось в 1731 году по указанию короля Жуана.

Вклад в создание водопроводной системы Лиссабона внесли многие известные инженеры Европы. Не без их помощи с улиц португальской столицы навсегда исчезла колоритная фигура «агуадейру» — разносчика воды. В былые времена люди, занимавшиеся этой нелегкой работой, имели большой авторитет. А сейчас об агуадейру можно узнать лишь из экспонатов Музея воды, который, как и все музеи на земле, рассказывает прежде всего о людях и только через них — о том предмете или объекте, который дал название экспозиции.

КОСМИЧЕСКАЯ РЕГАТА

Очень может быть, что всего через год с небольшим мы станем свидетелями небывалой в истории человечества гонки. Ученые разных стран собираются запустить в сторону Марса наперегонки целую флотилию космических аппаратов, приурочив эту межпланетную регату к пятидесятилетию открытия Америки. Почему «регату»? По той простой причине, что аппараты пойдут к Марсу под парусами — точнее, под солнечными парусами. Над каждым космическим суденышком развернется тончайший экран площадью больше футбольного поля, который, улавливая солнечный ветер, помчит аппарат в нужную сторону со скоростью более ста тысяч километров в час. Весь путь до Марса займет примерно пятисот дней. Не будем гадать, кто станет победителем в этой беспрецедентной гонке, но желающие могут делать ставки уже сейчас: свои заявки на участие в космической регате подали США, Канада, Великобритания, Италия, Китай, Япония и Советский Союз.

ХРАНИТЕЛЬНИЦА НАСЛЕДСТВЕННОСТИ?

Извинившись перед читателями, затронем такую малоприятную тему, как вши. Оправданием может служить лишь то, что данная тема интересует нас исключительно в историческом аспекте.

Все началось с того, что израильский антрополог Иосиф Знас увидел фотографию головной вши, найденной в окаменелых останках гренландского эскимоса, жившего около 500 лет назад. Объединив усилия с энтомологом Костой Мумкуоглу, Знас принялся исследовать образцы человеческих волос, найденных при археологических раскопках в Израиле. Поначалу поиски древних кровососов не приносили успеха, но когда ученые переклюнулись на изу-

чение гребней, раскопанных археологами, дело пошло на лад: под луч электронного микроскопа попали ископаемые вши, паразитировавшие на человеке и тысячу, и пять тысяч, и даже девять тысяч лет назад. (Кстати, сами гребни — это отдельная тема. Многие из них, сделанные из самшита, слоновой кости или рога, — настоящие произведения искусства. «Они служили гораздо более эффективно, чем многие нынешние расчески», — отметил Мумкуоглу.)

Возникает закономерный вопрос — а зачем они нужны вообще, эти доисторические вши? Современные — понятно: это забота медиков, санитаров, гигиенистов. Но при чем здесь антропология? Поясним: Знас интересовал не столько сами вши, сколько остатки человеческой крови внутри их. Если эту окаменелую кровь извлечь, то с помощью методов молекулярной биологии можно будет восстановить генетический материал людей, живших тысячи лет назад. Для науки такие образцы попросту бесценны, и вполне возможно, именно вошь будет претендовать на громкий титул: Хранительница Наследственности.

ИШАР И ГАНГАУР

Это не просто два имени. И не просто персонажи индийской мифологии. На протяжении многих столетий имена этой супружеской пары служат в Индии символами счастливой семейной жизни. А слово Гангаур стало названием веселого праздника, который отмечается практически повсеместно в Северной Индии, но особой популярностью пользуются торжества в городах Джайпур и Удайпур.

Гангаур начинается на пятнадцатый день после праздника Холи и проводится в честь богини Парвати, жены Шивы. Участницы церемонии — прежде всего молодые девушки в красочных одеяниях и с обязательными медными сосудами на головах — собираются в храме Гаури (это еще одно имя Парвати), чтобы совершить обряд купания богини, обильно украшенной цветами. В этот день у Парвати можно просить все что угодно, и желания с большой гарантией сбываются. Девушки, разумеется, просят красивых и богатых женихов, замужние женщины — достатка и долгой жизни для всех членов семьи. Безусловное требование ко всем собравшимся — участие в пении и танцах. Причем существует поверье: если девушка поет и пляшет с недостаточным рвением, муж ей уготован непременно мрачный и ворчливый. Кульминация праздника — торжественная процессия, возглавляемая Шивой и Гаури: верховный бог, в сопровождении каравана слонов и убранных роскошными попонами лошадей, ведет свою невесту к предназначенному для нее жилищу.

На первой странице обложки: ТАИЛАНД. Сборщик «ласточкиных гнезд» в Тигровой пещере. Этот знаменитый китайский деликатес был в фаворе у гурманов еще за много лет до нашей эры. С тех пор спрос на него не убавился. И сегодня на поиски добычи — гнезд стрижей саланган — по-прежнему отправляются отважные охотники. Опасности подстерегают их на каждом шагу. По шаткой конструкции из бамбуковых стволов и лиан, освещая себе путь огнем факела, ловко взбираются они к самым сводам пещеры, ежеминутно рискуя сорваться в черную бездну. Собранный ими урожай — это приманка для пиратов, и те, кто доставляет его на катерах и лодках через Андаманское море, могут в любой момент подвергнуться самой безжалостной атаке: «ласточкины гнезда» ценятся поистине на вес золота. (Об увлекательном и опасном путешествии к собирателям этого деликатеса, которое совершили корреспонденты журнала «Нэшнл джиографик», читайте на стр. 18).

**Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК**

**Редакционная
коллегия:**
**В. И. АККУРАТОВ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Н. В. КРИВЦОВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ**
(заместитель
главного редактора),
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный
секретарь),
**Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
В. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ**

**Ведущий редактор
номера
Л. ЧЕШКОВА**

**Художественный редактор
Н. МАЛИНОВСКАЯ.**
Макет **Н. МАНИКАЛО.**
**Технический редактор
О. БОЙКО.**
Карты выполнены
К. УЛАНОВОЙ.

В номере использованы иллюстрации из журналов «Нэшнл джиографик», «Гран репортаж», «Гео».

1 Михаил АНТОНОВ

Исповедь после исповеди,
или Путешествие с паломниками
на Валаам

5 В. ЖУРАВЛЕВ

Королевский флагман

10 Николай ЛИСТОПАДОВ

Корни и листья...

13 Рик ХАНСЕН

Человек в движении

17 Юрий СИГОВ

Обитель королей

18 Александр СОЛНЦЕВ

Опасная охота за деликатесом

23 Дэйв УОЛЛИС

Молодой мир
Фантастический роман

30 Листая старые страницы

32 Ваиз ЮНИСОВ

Квадрат в море Бофорта

37 Петр ЛИХОЛИТОВ

Федор Крюков,
донской казак

38 Федор КРЮКОВ

В глубине
Очерки из жизни глухого уголка

44 Виктор ОНУЧКО

Кое-что о парижском мусоре

46 Эрик МЭПЛ

Колдовство

49 Почтовый дилижанс

51 Г. ВИЛИНБАХОВ, М. МЕДВЕДЕВ

Геральдический альбом

56 «Пестрый мир»

59 Рафаэль САБАТИНИ

Колумб
Роман

Но, я надеюсь, вы не рассердитесь на меня, если она откажется. Многие приглашали ее, но она ни разу не согласилась. Слишком уж скромна эта Беатрис Энрикес.

— Многие? — нахмурился Рокка. — Возможно. Но мы-то придворные. Скажи об этом Беатрис, мой добрый Загарте. Скажи ей это. И добавь, что в ее же интересах проявить учтивость по отношению к нам.

— Нет, нет, — вмешался Колон, — не принуждайте ее. Мы должны уважать не только красоту девушки, но и ее добродетель.

Загарте поклонился.

— Заверяю вас, я сделаю все, что в моих силах.

Когда он ушел, Галлино презрительно хмыкнул.

— Сколько суеты из-за какой-то танцовщицы.

Колон ответил суровым взглядом.

Рокка счел нужным вмешаться, стыдя Галлино за циничность, и венецианцы все еще ломали комедию, когда Загарте ввел Ла Хитанилью.

— Господа мои, мне пришлось объяснить ей, что приглашение от придворных их величеств должно расцениваться как приказ.

— И мы благодарим Бога за то, что Ирена оказалась такой послушной, — Рокка назвался сам и представил своих спутников.

Каждому она чуть кивнула. На Колоне ее взгляд задержался, а он поклонился ей как принцессе.

— Я почитаю за счастье лично поблагодарить вас за ту радость, что вы доставили нам.

Ла Хитанилья не приняла его любезности.

— Я пою и танцую не ради благодарности. Мне за это платят.

— Каждый артист, мастерство которого достойно оплаты, живет на заработанные деньги, но ремесло свое не бросает только потому, что не видит в мире ничего более достойного. Я думал... я надеялся... что сказанное в полной мере относится и к вам.

Загарте внес в кабинет большое блюдо под крышкой. Галлино указал на него.

— Друзья мои, давайте посмотрим, что находится под этой крышкой.

Мориск опустил блюдо на боковой столик и снял крышку. С жаркого из голубей поднялся ароматный пар. Тут служанка принесла тарелки, а юноша — корзину с бутылками.

Колон пододвинул стул, с улыбкой приглашая Ла Хитанилью садиться.

— Вы заставляете нас стоять, — мягко укорил он девушку.

Их взгляды встретились, и ее гордость чуть смягчилась от искреннего восхищения, которое она увидела в глазах Колона. И Ла Хитанилья поблагодарила его за внимание к ней.

— Для меня это большая честь, — пробормотал Колон.

— Сказал змей, предлагая Еве яблоко, — хохотнул Рокка. — Остерегайтесь его, сладкозвучная Ева. Скромники — самые большие соблазнитель.

— Я это учту, — улыбнулась Ла Хитанилья.

Рокка перенес стул к столу и начал веселиться, рассказывая забавные, а зачастую скабрезные истории. Но ни в ком не нашел поддержки: Галлино просто не умел поддерживать светскую беседу, Беатрис сидела, иногда улыбаясь, но глаза ее затаили дымка, Колон, занятый мыслями о сидящей рядом красавице, пропускал слова Рокки мимо ушей.

Беатрис осушила свой стакан и поднялась.

— Я принесу гитару, чтобы расплатиться песней за столь щедрое угощение.

Когда она вышла за дверь, Рокка повернулся к Колону.

— Я сослужил себе плохую службу, пригласив вас сю-

да. Те надежды, что были у меня, рассеялись как дым. Девушка не смотрит ни на кого, кроме вас.

Колон посмотрел ему прямо в глаза.

— Если у вас честные намерения, я сейчас же уйду.

— Честные! — Рокка рассмеялся, и Галлино тут же присоединился к нему. — Она же танцовщица!

Колон пожал плечами, не желая продолжать разговор.

— Наш добрый Рокка так привык к победам, — прокрипел Галлино, — что перестал верить в добродетель. Но я согласен с вами, синьор. Если он решится попытать счастья с этой девушкой, думаю, его тщеславию будет нанесен жестокий удар.

— Не хотите ли пари? — взвился Рокка.

— Постыдно, синьор, — одернул его Колон. — Разве можно на это спорить?

— Черт побери! Если вы настроены так серьезно, я оставляю вам поле боя, друг мой.

— Вы не так меня поняли... — начал Колон, но появление Ла Хитанильи прервало его объяснение.

Она спела две короткие любовные песенки, простенькие, но близкие сердцу андалузцев. Этим она окончательно покорила Колона.

При расставании, пока Рокка и Галлино рассчитывались с Загарте, он наклонился к Беатрис и прошептал: «Могу я прийти снова, чтобы услышать, как вы поете, увидеть, как вы танцуете?»

Ла Хитанилья склонила голову над гитарой, лежавшей у нее на коленях.

— Вам не требуется моего разрешения. Загарте примет вас с распростертыми объятиями.

— А вы — нет?

Беатрис подняла голову, их взгляды встретились, и в глазах девушки Колон снова заметил поволоку. Затем она опять склонилась к гитаре.

— Какое это имеет значение?

— Я не приду, если вы не будете мне рады.

— Вы так настойчивы, — Беатрис вздохнула. — Но, верно, такой уж у вас характер, не так ли? — И прежде, чем он ответил, добавила: — Я буду рада вашему приходу. Да. Почему бы и нет?

Глава 13. В СЕТИ

Рокка остался недоволен Беатрис. В тот же вечер он вернулся к Загарте, у которого она сняла две комнаты. Галлино, не доверявший его методам, последовал за ним.

— Послушай, девочка моя, — заметил Рокка, — это не тот случай, когда ты должна изображать благородную даму и жеманную добродетель.

Беатрис надула губы.

— Вы что же, совсем хотите превратить меня в шлюху?

— Святой боже! — раздраженно воскликнул Рокка. — Хоршенькое же у тебя настроение! Так слушай! Поменьше бы тебе думать о собственном достоинстве и побольше — о Пабло де Арана, гниющем в подземелье в обществе крыс.

Тут Беатрис взбеленилась:

— Негодяи! Обязательно вам надо мучить меня лишь для того, чтобы поскорее достигнуть своей мерзкой цели? Я и так достаточно окунулась в грязь, чтобы ублажить эас и вашего хозяина, который ничем не лучше...

— Эсткнись! — оборвал ее Рокка. — Не смей говорить так о его светлости!

— Ш-ш-ш! — одернул его Галлино. — Ты хочешь, чтобы тебя слышала вся Кордова? Спешка никого не доводила до добра. — Он встал перед девушкой, положил руку ей на плечо. — Чем быстрее мы с этим покончим, Беатрис, тем будет лучше для всех нас, включая твоего брата. Нам представляется, что сегодня ты попусту потеряла время. Когда он придет в следующий раз, подпусти его поближе. Вот и все... — Галлино направился к двери, где, обернувшись, добавил: — Оставайся с Богом!

— Идите с Богом, — автоматически ответила Беатрис.

На улице Рокка не смог сдержать распивавшего его раздражения.

— Я говорю одно, ты — другое! К чему этот разнобой?

— Потому что я хочу, чтобы она сама выбрала именно тот путь, который считает кратчайшим. Тише едешь — дальше будешь.

Колон едва дождался следующего дня, чтобы вновь прийти к Загарте. Он снял тот же кабинет, теперь уже только для себя, и просидел у окна весь спектакль, следя за каждым движением Ла Хитанильи.

Девушка приняла приглашение, переданное ей через Загарте, пришла и смутилась, увидев, что Колон один. Она подалась назад, но все-таки уступила его настойчивым призывам отужинать вместе.

Днем позже и еще через день он вновь приходил к Загарте, и Беатрис каждый раз приходила к нему на ужин. Отношения их становились все более близкими, но не выходили за рамки, преступить которые он, похоже, не решился.

Колон лез из кожи вон, чтобы развлечь Беатрис, она же выжимала из себя смех, хотя более всего ей хотелось плакать.

И Колон не мог это не почувствовать.

— Если я правильно понимаю, госпожа моя, жизнь жестоко обошлась с вами? — спросил он в один из вечеров.

— А разве жизнь к кому-то бывает добра? — уклонилась она от ответа. — Но что это мы все обо мне да обо мне... — девушка попыталась перевести разговор на другую тему.

Колон, однако, стоял на своем.

— Что же, у вас нет родственников?

— Есть. Два брата. Оба они уехали из Испании. Бродят где-то по свету. А теперь расскажите о себе.

— Обязанность хозяина — развлекать гостя. А в моей жизни нет ничего занимательного.

— Нет занимательного? Ведь вы же при дворе.

— Да, но не придворный. Я лишь проситель. Терпеливый проситель.

— А о чем же вы просите?

— Для их величеств моя просьба — пустяк. Столь ничтожная просьба, что они постоянно забывают о ней. Речь идет о корабле, может, двух, на которых я собираюсь в неведомое. По профессии я — мореплаватель.

— Какая интересная профессия.

— Интересная, когда плаваешь. В гавани же я страдаю, сердце шепчет от того, что впустую уходят месяцы и годы. А обещания, которые мне дают, никогда не выполняются.

— Скажите мне, что за экспедицию вы готовите? Что вы хотите найти в нашем, как вы сказали, неведомом?

— Откуда мне знать, раз это неведомое?

Но отшутиться ему не удалось.

— Неведомое — всего лишь слово. Раз вы плывете туда, значит, на что-то надеетесь.

— Будем плыть на ощупь, как ходим в темноте.

— То есть вы выйдете в море без карты? — Глаза девушки широко раскрылись.

Ее изумление вызвало у Колона улыбку.

— О, карта есть. Если ее можно только назвать картой. Что я могу вам сказать? Существует карта, нарисованная пером воображения. И водила его рука логики.

— Странная карта... Как портрет человека, которого художник в глаза не видел. И как бы мне хотелось взглянуть на нее!

Колон улыбнулся.

— На этой карте нет ни моря, ни суши. Лишь линии. Некоторые прямые, другие — изгибающиеся. Но хватит об этом! — Интонацией голоса, взмахом руки Колон показал, что эта тема закрыта. — Теперь вы знаете обо мне все, а я о вас — ничего. Почему вы плаватете под чужим флагом?

— Под чужим флагом? — Лицо Беатрис побледнело, голос дрогнул.

— Называете себя Ла Хитанилья, — пояснил Колон, — хотя у меня нет ни малейшего сомнения в том, что вы родились не цыганкой.

Беатрис облегченно рассмеялась.

— А, вы об этом! — Она взяла себя в руки. — Я взяла псевдоним, приличествующий моему нынешнему занятию.

— Почему вы взяли псевдоним?

— От нужды. Я могу прять, вышивать, немного рисовать, и мне повезло, что среди ненужных достоинств, собственных женщинам благородной крови, я обладаю музыкальным слухом и врожденным чувством танца.

— Повезло? Интересно. Разве сцена — место для женщины благородной крови?

— Я же не говорю, что отношусь к их числу. Лишь обладаю некоторыми их достоинствами.

О карте в тот день больше не говорили. На прощание Колон, как обычно, поцеловал Беатрис руку и спросил: «Не позволите прийти к вам завтра?»

Она рассмеялась, блеснув ровными белоснежными зубками.

— Сколько хитрости таится в вашем смирении.

Колон улыбнулся в ответ, пожал плечами.

— Кто ж не пойдет на хитрость, чтобы достигнуть своей цели? Нет, не хмурьтесь. Подумайте об этом перед тем, как мы встретимся вновь.

Колон ушел, оставив девушку в смутении, полную жалости к жертве, которая с готовностью подставляет шею под нож.

Миновали громадные бронзовые двери кафедрального собора Кордовы, бывшей мечети, построенной Абдеррахманом и превращенной в христианский храм, Колон вышел в Апельсиновый сад, где оказался в кругу придворных. Рядом с ним возник Сантанхель и взял под руку. Они отступили под дерево, и тут к ним присоединились Кабрера и его супруга, графиня Мойя.

— Мой друг, — радостно воскликнула маркиза, — мой дорогой Кристобаль, насколько я знаю, уже близок конец вашего долгого ожидания.

Колон спросил себя, почему он так холоден, почему впервые голос маркизы не волнует, а красота не убивает биение его сердца.

— Ваша жена, — сказал он Кабрере, — мой ангел-хранитель.

Кабрера улыбнулся.

— Она покровительствует всем мужчинам, которые того заслуживают.

— А мужчины в ответ поклоняются ей, — бесстрастно заметил Колоң.

Взгляд его да и мысли были обращены к Беатрис, только что вышедшей из собора. Следом за ней семенила женщина-мориска в белом бурнусе. Когда девушка поравнялась с первым фонтаном, перед ней появился какой-то мужчина и поклонился так низко, что его шляпа коснулась земли. Беатрис попыталась обойти мужчину, но тот вновь заступил ей путь.

Колон окаменел, у него перехватило дыхание. Маркиза, Кабрера и Сантанхель не могли этого не заметить и проследили за его взглядом.

Беатрис вновь отступила в сторону, резко дернула головой, капюшон чуть откинулся, открывая ее профиль. Губы девушки быстро зашевелились, и Колон легко представил себе, с какой яростью блеснули ее карие глаза. Незадачливого кавалера как ветром сдуло.

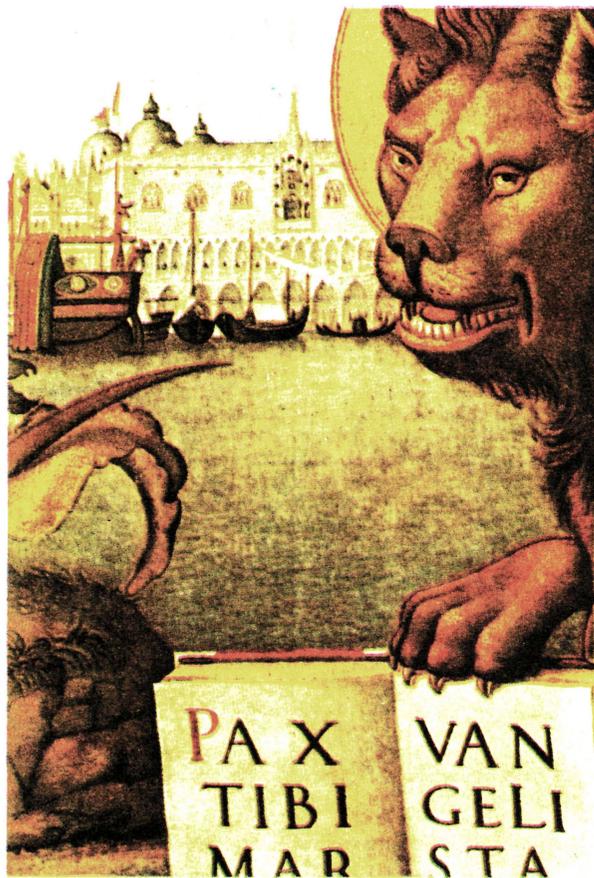
— Танцовщица у Загарте, — сухо прокомментировала графиня.

Едва ли Колон услышал ее голос. Но когда Беатрис продолжила путь, он дал волю чувствам.

— Этого типа следовало бы охладить, искупав в фонтане, — резко бросил он.

Кабрера усмехнулся.

— Я бы не советовал вам окунать его лично. Это граф Мирафлор. При дворе он пользуется немалым влиянием.

Венеция. Портрет дожа Барбариго.

— Меня бы это не остановило.
 — Но почему, Кристоаль? — изумилась маркиза. — Возможно ли, что и вы тоже прихожанин этого дешевого храма?
 С трудом Колон сумел сдержать негодование.
 — Я не заметил никакого храма, тем более дешевого, — ответил он ровным голосом.
 — Но танцовщица!
 — Каждый из нас силой обстоятельств становится тем, кто он есть. Лишь немногие сами определяют свою судьбу. Эта девочка зарабатывает средства к существованию своим пением и танцами. И только ум защищает ее от злости этого мира.
 — Вы станете жертвой своего рыцарства, — заметил Кабрера.
 — Если и пострадаю, только не от его рук.
 — Опасность для вас скорее будет исходить не от мужчин, но от женщины, которую вы так защищаете, — вмешалась маркиза. — Многие будут завидовать ее избраннику. — Такого ледящего холода в голосе и во взгляде Колон еще не слышал и не видел. Маркиза взяла мужа под руку, чуть кивнула: — Пойдем, Андреас. Колон низко поклонился.
 Канцлер добродушно хохотнул.
 — Удивляться тут нечему, Кристоаль. Маркиза, зная о той страсти, что пробудила в вас, посчитала, что вы навсегда остаетесь ее поклонником. И, естественно, ей неприятно, что вы дарите свое внимание кому-то еще. Неразумно, конечно. Но по-женски.
 Колон, однако, не видел за собой никакой вины.
 — Остается только сожалеть, что я нажил нового врага. Но потакать маркизе я не намерен.

— Маркизе, разумеется, не понравилось, что вы обратили свой взор на другую женщину, но что подумают при дворе, если она открыто выразит свое недовольство?

Глава 14. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОНА РАМОНА

Следующий день принес Колону новое разочарование. Вечером, как обычно, он пришел к Загарте, после спектакля попросил мориска пригласить к нему Беатрис, но получил ответ, что девушка прийти не может. Колона такой ответ не устраивал.

— Это еще почему? — взорвался он.
 — У нее жуткий темперамент, ваше высочество. Если ее рассердить, она превращается в дикую кошку.
 — Так рассердим ее. Показывай дорогу.

Как выяснил Колон в тот вечер, Беатрис занимала две комнатки на верхнем этаже. Одна служила костюмерной, и из нее вела дверь в крохотную спальню. На полу спальни лежал восточный ковер, у одной из стен стоял диван с яркими подушками. Беатрис встала, когда Колон возник в дверях, высокий, решительный.

— Вы, сеньор? Но я же просила...
 — Я знаю, о чем вы просили. — Колон захлопнул дверь, оставив Загарте в костюмерной. — Такого ответа я не приемлю, потому и пришел узнать, почему мне отказано.

— Вы разговариваете со мной, будто я ваша собственность. — Девушка опустилась на диван. — Я, однако, вам не принадлежу. И будет лучше для нас обоих, если вы вернетесь к вашим друзьям при дворе.

— Беатрис! Что все это значит?

— Лучшего совета я вам дать не могу.— Она даже не посмотрела на него.— Эта очаровательная дама, вчера... Такая величественная, подруга королевы... Она подходит вам куда больше, чем я.

Колон подошел ближе, оперся коленом о диван, склонился над девушкой.

— Неужели я удостоился такой чести? Вы приревновали меня?

— Приревновала? Да. Я же не игрушка в руках придворного.

— Придворного? Я не придворный. Скорее одинокий мужчина, который любит вас.

Беатрис чуть слышно ахнула: столь неожиданными оказались его слова. Медленно подняла полные страха глаза.

— О чем вы говорите? Мы знакомы едва ли с неделю.

— Мне этого хватило, чтобы полюбить вас, Беатрис, и я не могу поверить, что вы не догадываетесь о моих чувствах к вам. Вы вернули мне мужество, прогнали прочь одиночество.

Теперь девушка смотрела на Колону с благоговейным трепетом. Глаза ее наполнились слезами.

— Судьба многого лишила меня, но даровала умение разбираться в людях,— произнося эти слова, Колон протянул к себе девушку.

Поначалу, захваченная врасплох, Беатрис не сопротивлялась, но когда губы Колона коснулись ее щеки, оттолкнула его от себя.

— Ах, вы слишком спешите. Дайте мне время. Дайте мне время.

Ее смятение удивило Колону.

— Время? Но жизнь так коротка. И времени у нас мало.

— Я... я должна увериться,— в отчаянии выкрикнула Беатрис.

— Во мне?

— В себе. Умоляю, если вы действительно любите меня, как говорите, оставьте меня сейчас.

Смятение, охватившее Беатрис, было столь велико, что Колону не оставалось ничего другого, как подчиниться. Поцеловав руку девушки, он ушел.

Несколько минут спустя Загарте, заглянув в спальню, застал Беатрис в слезах.

— Что случилось? — обеспокоился он.— Этот долговязый мерзавец обидел вас?

— Нет, нет. И не смей его так называть.

— Зря вы его защищаете. На вашем месте, Беатрис, я бы не тратил на него столько времени. Как мне сказали, за душой у него ничего нет. Он даже не придворный, а иностранный авантюрист, живущий на подачки. Да еще он ухлестывает за женщинами. Вот и маркиза Мойя...

Продолжить Беатрис ему не дала.

— Прикуси свой злобный язык, Загарте. А не то тебе его укоротят. Оставь меня одну. Уходи.

— Успокойтесь, моя девочка. Я еще не успел сказать, зачем пришел. Вас хочет видеть один очень важный идалго.

— А я никого не хочу видеть.

— Ш-ш-ш! Послушайте меня. Ему нельзя отказать. Он племянник главного инквизитора Кордовы. Только что вернулся в Испанию и утверждает, что он — ваш давний друг, граф Арияс.

— Пусть убирается к дьяволу!

— И это все? — В голосе Загарте сквозило раздражение.

— Слова подбери сам, но смысл должен остаться тем же.— Загарте открыл было рот, чтобы возразить, но Беатрис вскочила с дивана с таким сердитым лицом, что мориск отшатнулся:— Ни слова больше! Уходи! Вон отсюда!

Загарте ушел, бормоча себе под нос, что только мусульмане знают, как указать женщине ее место.

Визит в Кордову дона Рамона живо напомнил Беатрис о подземелье, в котором сидел ее брат. И венецианские агенты едва ли бы нашли лучшее средство ускорить дело. Тем более, что сам Колон открыл ей дорогу к своему сердцу.

В тот вечер Загарте уговорил дону Рамона не беспокоить девушку, поскольку ей нездоровится. Но на завтра дон Рамон появился вновь, посмотрел спектакль и опять пожелал увидеться с Беатрис.

Загарте поднялся к девушке и передал просьбу посла. — Не желаю я видеть это чудовище! — закричала Беатрис.

Загарте пошел на крайнюю меру.

— Тогда вам тут ни петь, ни танцевать.

Девушка засмеялась ему в лицо.

— И кто от этого проиграет? Сколько народу пришло посмотреть на спектакль до того, как я появилась на вашей сцене?

— Проиграем мы оба. Но для меня лучше прикрыть спектакль, чем остаться без головы, если они найдут в нем ересь. Я не хочу участвовать в аутодафе. И одного намека графа Арияса достаточно, чтобы отправить меня на костер. Разве вы этого не понимаете? Я всего лишь мориск,— и после короткой паузы Загарте добавил: — Я прошу от вас всего лишь благоразумия, Беатрис. Ради нас обоих!

Монолог этот оказался достаточно убедительным. Девушка, конечно, злилась на дону Рамона, но не хотела навлечь беду на маленького мориска.

— Хорошо,— вздохнула Беатрис.— Пусть он приходит.

Так дон Рамон попал в покои Беатрис, чтобы сыграть ту маленькую роль, что уготовила ему судьба.

Он постоял в двери, оглядывая Беатрис. На его губах играла легкая улыбка.

— Что вам угодно, сеньор? — сердито спросила Беатрис.— Почему вы столь назойливы?

Дон Рамон непринужденно шагнул вперед, улыбка его стала еще шире.

— Я, конечно, понимаю, что вы боитесь принять меня...

— Боюсь?!

— ...после того, как, ничего не сказав, убежали из Венеции. Так, моя дорогая Беатрис, не поступают с друзьями, которые не жалеют сил, чтобы помочь вам.— В голосе дона Рамона слышался упрек. Он взял руку Беатрис и, несмотря на слабое сопротивление, поднес к губам. Мгновение спустя Беатрис выдернула руку и ответила сухо и бесстрастно:

— Я не считала нужным отчитываться перед вами. Я вам ничего не должна. Вы предлагали мне сделку... грязную сделку. Вот и все.

— Какая неблагодарность! И сколь далеки вы от истины,— не смутившись, продолжил дон Рамон.— Хотя вы ничего и не обещали, я сделал все, что мог. Повидался с дожем. Попросил его об освобождении вашего брата, поступившись при этом достоинством посла, и даже добился обещания выпустить несчастного Пабло из тюрьмы. К сожалению, после нашего разговора, как сам дож сказал мне, открылись новые обстоятельства. И так как речь шла о безопасности государства, он не смог выполнить своего обещания. Но вы даже не поблагодарили меня за участие. Вы поступили нехорошо, Беатрис, покинув Венецию без моего ведома. И это после того, как я делом доказал вам свою преданность.

— Вы искали собственную выгоду в моей беде,— напомнила Беатрис дону Рамону.— Но теперь все это в прошлом. Я не прошу вас о помощи, граф Арияс, и не нуждаюсь в ней.

— Напрасно вы так думаете. Этот спектакль, в котором вы играете... Довольно рискованная, знаете ли, трактовка некоторых эпизодов жизни святых. Кое-кто может задуматься, нет ли тут ереси, а сцены с вашим участием могут показаться святотатством. Решение по таким вопросам выносит Святая палата, а Загарте к тому

же мориск. К ним инквизиторы относятся с особым подозрением. Конечно, ваше наказание может ограничиться лишь публичным покаянием, но, кто знает, вдруг Святая палата сочтет, что преступление ваше куда серьезнее. Надеюсь, вы начинаете понимать, сколь необходимо в такой ситуации верный друг, готовый заступиться за вас?

И дон Рамон улыбнулся, видя, как побледнело лицо Беатрис.

— В чем же выразится ваше заступничество? — спросила она.

— Вы хотите знать, чем я смогу вам помочь? Извольте, — дон Рамон распахнул камзол, чтобы девушка увидела вышитый на жилете красный кинжал с рукояткой в форме цветка лилии. — Я не только пользуюсь немалым влиянием в ордене святого Доминика, но еще и мой дядя, фрей Педро Мартинес де Баррио — главный инквизитор Кордовы. Мои свидетельские показания могут стать вам надежной защитой. Теперь вы понимаете, что...

— ...что ваше влияние может как спасти меня, так и погубить. Именно это я должна понять, не так ли, дон Рамон? Будем откровенны.

Полный презрения взгляд девушки разбился о добродушную улыбку графа.

— Почему вы так рассердились? — Дон Рамон шагнул к Беатрис, в голосе его появились просительные нотки. — Ну почему вы заставляете меня прибегать к таким средствам? Ведь достаточно одного вашего слова, и все мои богатства будут у ваших ног.

Внезапный шум за дверью вынудил его замолчать. «Но я говорю вашей светлости, что к ней нельзя», — проверещал голос Загарте. «Прочь с дороги, Загарте! Прочь с дороги!» — прогремел чей-то голос. Затем дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина.

Последовала немая сцена.

— Что вам угодно? — первым пришел в себя дон Рамон. — Что вам угодно и кто вы такой, сеньор?

Колон закрыл дверь.

— Поставим вопросы иначе. Кто вы такой и по какому праву спрашиваете меня?

— Я — граф Арияс, — дон Рамон надеялся, что его имя произведет должное впечатление, но ошибся.

— И что из того? Судя по вашему тону, вас можно принять за герцога.

Дон Рамон не поверил своим ушам.

— Да вы наглец, сеньор!

— Я лишь отвечаю на вашу грубость. Впрочем, я пришел к даме. До вас мне нет никакого дела.

— Но вы же видите, что сейчас вы — незваный гость. Сеньора Беатрис примет вас в другое время, если пожелает. — Дон Рамон взмахнул рукой, предлагая Колону выйти вон.

Однако тот не сдвинулся с места.

— Уйду я или останусь, зависит от сеньоры Беатрис. Девушка словно очнулась и, движимая страхом, который вселил в ее душу дон Рамон, воскликнула:

— О, уходите, уходите! Пожалуйста, уходите!

Слова эти поразили Колону в самое сердце. И вся переполнявшая его душевная боль выплеснулась во взгляд, брошенном на Беатрис.

— Вы слышали! — тут же взревел дон Рамон.

— Слышал, — эхом отозвался Колон.

— Так чего вы ждете? Убирайтесь отсюда, мерзавец!

Вот тут Колон и взорвался. Собственно, он давно уже весь кипел и лишь невероятным усилием воли сохранял внешнее спокойствие.

— Я не мерзавец! — Он сорвал с головы шапочку и ударил ею по лицу дон Рамона. Тот отшатнулся: — Я — Колон. Кристоаль Колон. И любой скажет вам, где меня найти.

Дон Рамон побагровел от ярости.

— Вы еще улышаете обо мне! Ад и дьявол! Вас следует проучить! И, будьте уверены, вас проучат!

Но дверь уже захлопнулась за Колоном. Дон Рамон повернулся к Беатрис.

— Кто он? Кто этот негодяй?

— Уходите! — Беатрис переборолла сковывавший ее страх. — Оставьте меня. Вы и так принесли мне много горя.

— Да? — оскандился дон Рамон. — Великий Боже и все святые! Я принес много горя, а? Ну что ж. Не остается ничего другого, как идти дальше. Доведем дело до конца. Ударить меня! Меня! — Он заметался по комнате. — Клянусь Богом, это был его последний удар!

Его ярость заставила Беатрис сжаться в комок.

— О чем вы? — воскликнула она. — Что вы задумали?

— Задумал? — Дон Рамон хрипло рассмеялся. — Мои люди знают, что нужно делать. Когда они с ним разберутся, у вас останется на одного друга меньше.

Глава 15. НАСЛЕДСТВО

Колон, пулей вылетев из харчевни Загарте, едва не столкнулся с крупным разодетым мужчиной, который бесцеремонно схватил его за руку.

— Сибьор Колон, что случилось? Куда это вы летите?

— Не сейчас... Не сейчас... — Колон выдернул руку. — Дайте мне пройти.

Рокка, поглаживая подбородок, следил взглядом за высокой фигурой мореплавателя, пока тот не скрылся за углом. Лицо его потемнело.

— Дьявол! — пробормотал Рокка и твердым шагом вошел в ворота, пересек двор, быстро поднялся по ступеням, но по коридору, ведущему к комнатам Беатрис, уже крался на цыпочках. У двери он замер. До него донесся мужской голос.

— Поймите же, обожаемая Беатрис, сколь выгодно быть моим другом и сколь опасно — врагом...

Фраза эта убедила Рокку, что его появление здесь более чем кстати. Он постучал в дверь, без малейших церемоний отворил ее и вошел.

Беатрис с поникшей головой сидела на диване, а над ней, словно чудовищный паук, как показалось Рокке, навис долговязый оливково-зеленый дон Рамон.

Рокка изобразил на лице удивление.

— Да, простит меня Бог, наверное, я помешал. О, извините меня, сеньора.

— Пожалуйста, заходите. Его высочество как раз собиравшись откланяться.

Дон Рамон побагровел, сначала потому, что ему вновь помешали, потом — что выставляют за дверь. Он вскинул голову.

— Я вернусь, но в более удобное время. Когда вам не будут докучать другие гости.

Дон Рамон подождал ответа, но Беатрис промолчала, и ему не оставалось ничего иного, как повернуться к Рокке, которого он в последний раз видел у дожа.

— О, сеньор... Я вас знаю. Вы из Венеции.

— У вашей светлости прекрасная память, — Рокка поклонился. Он решил, что лезть еще никому не вредила. — Я служу при после.

— Каком после? Я знаю, что вы — агент государственных инквизиторов.

Внешне Рокка оставался невозмутим, хотя ситуация нравилась ему все меньше и меньше.

— О, я выполнял лишь отдельные специальные поручения. А теперь я на службе у посла Венецианской Республики при дворе их величеств королевы Кастильской и короля Арагонского.

— Странное назначение. — Глаза дон Рамона сузились. Он перевел взгляд на Беатрис, снова посмотрел на венецианца. — Очень странное.

— Мы с Беатрис — давние друзья, — пояснил Рокка. — Еще с Венеции.

— Я в этом несколько не сомневаюсь. Дружба агента Совета трех может оказаться очень и очень полез-

ной. Возможно, даже в Кордове. Об этом следует хорошенько подумать.

— Сеньор, я же сказал вам, что мое назначение в посольство никоим образом не связано с Советом трех.

— Вы-то сказали, — дон Рамон усмехнулся, — но вопрос все равно остается... Ну мне, пожалуй, пора.

Он холодно поклонился и вышел.

Беатрис и Рокка молча смотрели друг на друга, пока шаги дона Рамона не затихли в глубине коридора.

— Чертовски неудачная встреча, — Рокка перевернул плечи. — Интересно, о чем сейчас думает этот болван? — Но гадать не стал, а сразу перешел к главному: — Он что, угрожал тебе?

— Еще как. Достаточно одного его слова, чтобы послать меня на костер.

— Да, у тебя объявился страстный поклонник, — саркастически заметил Рокка. — А почему убежал Колон? Что произошло?

— Они поссорились. Наговорили друг другу гадостей. И этот дьявол поклялся, что его люди перережут горло Колону.

— Так, так... Значит, ему не чужды ни костер, ни кинжал... Разносторонний господин. Придется им заняться. — Он пристально посмотрел на Беатрис. — Колон вылетел отсюда в ярости. Он не поссорился с тобой из-за этого идиота?

Беатрис рассказала все, как было.

— Ваши отношения наладятся, едва Колон узнает, чем эта тварь грозила тебе.

— Он должен узнать немедленно. Его надо предупредить об опасности.

— То есть ты хочешь пойти сама и предупредить его? Великолепно! Такую возможность упускать нельзя. У вас сразу все пойдет как по маслу. Ты это понимаешь, не так ли?

— Да, — со вздохом ответила Беатрис.

— Не теряй времени, отправляйся. Отыщи Колона. Я надеюсь, ты сразу найдешь и то, что нам нужно.

Подобная перспектива сразу улучшила его настроение. Но озабоченность вновь вернулась к нему, когда он пришел к мессеру Галлино и доложил о случившемся.

— Чертов болван, — закончил он, — смешал нам все планы, словно шмель, влетевший в паутину.

Смутное лицо Галлино оставалось непроницаемым. Он сидел за столом, готовя очередное донесение Совету трех.

— Не вовремя он заявился. Опасный тип. Очень опасный. К счастью, мы предупреждены. Пока что он не причинил нам вреда.

— А что будет дальше? Он признал во мне агента инквизиторов. Более того, для себя решил, что Беатрис — тоже агент и работает со мной в паре. Едва ли он будет скрывать свои мысли. Одно его слово дядюшке, и нам придется держать ответ.

— Думаешь, я это не предвижу? То, что он влез между Колоном и Беатрис, — пустяк. Колон влюблен, и рана эта быстро затянется. Но если Беатрис и тебя арестуют как венецианских шпионов... — Он пожал плечами. — Ты привел точный пример, Рокка. Шмель, влетевший в паутину... — Он откинулся на спинку стула, задумался. — Как же он нам мешает, наш дон Рамон де Агиляр, для которого отправить неудобного ему человека на костер или заколоть кинжалом — сущий пустяк. — Галлино вздохнул: — Ты знаешь, где живет этот дурак, не так ли?

— Выяснить это просто. А зачем?

— Мне кажется, и так все ясно. — Галлино пододвинул к себе чистый лист бумаги, обмакнул в чернильницу перо. — Подожди... — Он написал несколько строчек: — Вот. — И протянул лист Рокке.

Тот прочитал.

«Господин мой!

Вы оставили меня в таком ужасе, что я не могу найти себе места. Мне не уснуть, пока я не помирюсь с вами.

Умоляю вас немедленно прийти ко мне, и, поверьте, ваша покорная служанка, которая целует ваши руки, ни в чем вам не откажет».

Рокка нахмурился.

— Мысль дельная. Но почерк?

— А ты думаешь, она писала ему раньше?

— Едва ли. Нет, конечно, — Рокка вернул лист Галлино. — Не хватает ее подписи.

Галлино покачал головой, и губы его чуть разошлись в усмешке.

— Одни поймут все и без подписи. Другим она скажет слишком много. — Он сложил лист, запечатал его комочком воска, написал имя получателя. — А теперь прикажи подать ужин. Письмо пусть полежит.

В тот час, когда жители Кордовы готовились отойти ко сну, а на узких улочках встречались лишь редкие прохожие, закутанный в черный бурнус мужчина постучался в ворота мавританского дворца на Ронде. Привратнику он сказал, что принес срочное послание, которое может вручить только дону Рамону де Агиляру. Привратник впустил его во двор, где единственный фонарь освещал журчащий фонтан. Мужчина встал у самой стены, где его и нашел дон Рамон.

— Что за послание?

Мужчина молча протянул ему сложенный вчетверо лист бумаги.

Дон Рамон сломал печать и при свете фонаря прочитал записку. Его глаза блеснули, щеки зарделись пятнами румянца.

— Гонсало, шляпу и плащ! — приказал он.

— Я могу идти, ваша светлость? — пробормотал посыльный.

— Да. Нет. Подожди.

Привратник накинуд плащ на плечи своего господина.

— Мне позвать Сальвадора или Мартина, чтобы сопровождать ваше высочество?

— Нет. Меня проводит он, — дон Рамон мотнул головой в сторону мужчины в бурнуса. — Возможно, я вернусь только утром. Мое оружие.

Привратник принес пояс с мечом и кинжалом. Приказав посыльному следовать за ним, дон Рамон выскользнул за ворота. Они шли по широкой улице. На чистом небе ярко сверкали звезды, над горизонтом только что поднялся узенький серпик луны. Лишь звук шагов нарушал тишину ночи да далекое бреньканье гитары...

На улице Беатрис даже не думала об опасностях, которые могут подстергать одинокую женщину. Калье Атаюд находилась неподалеку, несколько прохожих, встретившихся на пути, не обратили на нее ни малейшего внимания.

У ворот в дом Бенсабата она дернула за цепь звонка. Изнутри донесся мелодичный перезвон. Дверь распахнулась, Бенсабат, в фартуке, вышел на порог, всматриваясь в темноту.

— Я ишу сеньора Колона. По срочному делу. — От быстрой ходьбы у девушки перехватило дыхание.

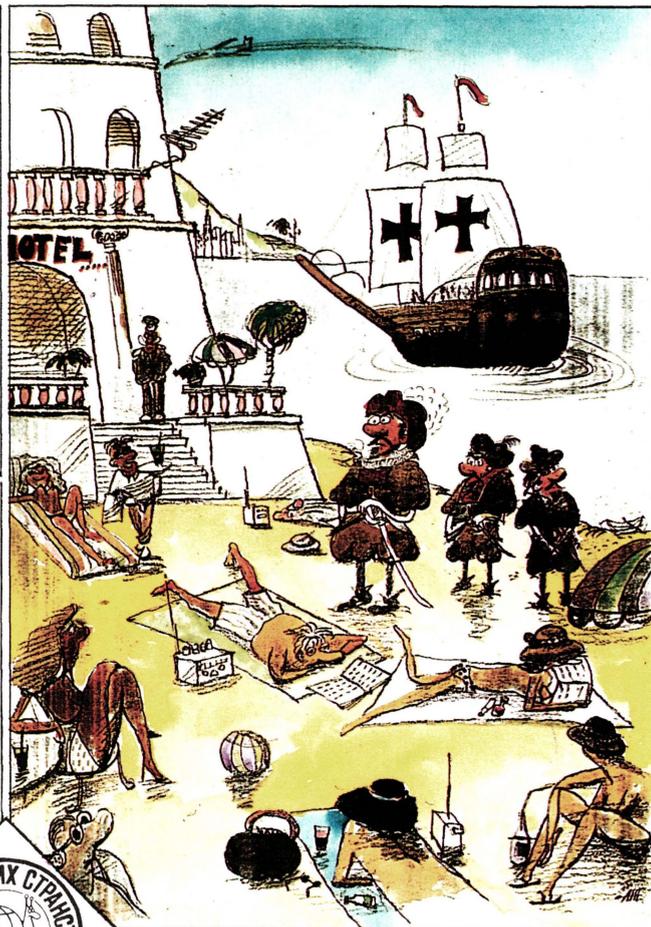
— Сеньора Колона? Понятно. — Бенсабат хохотнул, отодвигая засов. Приоткрыл воротину. — Заходите. Заходите, — указал на дверь слева. — Он там. Поднимитесь по лестнице.

Беатрис поблагодарила его, открыла указанную дверь, взбежала по ступенькам, постучалась.

— Входите! — раздался голос.

Девушка толкнула дверь.

Колон в рубашке и бриджах сидел за столом. Ярко горели две свечи в деревянных подсвечниках, перед ним лежала карта, на которой он что-то рисовал разноцветными чернилами. То есть собирался рисовать, потому что чернила уже высохли на кончике пера, а перед глазами стояло перекошенное страхом лицо Беатрис. В ушах звучал ее голос: «Уходите! Уходите!»

В ПУТИ УВЯЗАЛ... ПОКАЖИ РОДИНУ ОКТЯБРЯ!

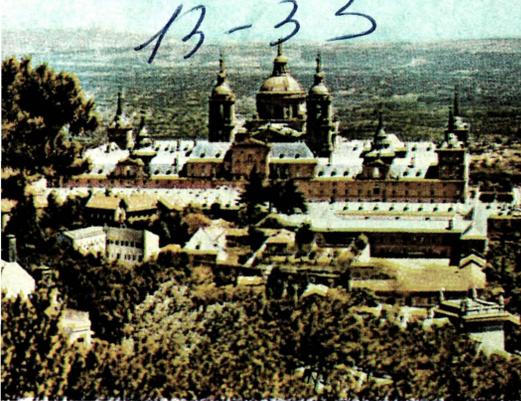

Виктор ЗУЕВ,
СССР

Иван КОВАЧИК,
ЧСФР

Ане ВАСИЛЕВСКИ,
Югославия

Владимир
ЦИМБАЛИСТОВ,
СССР

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

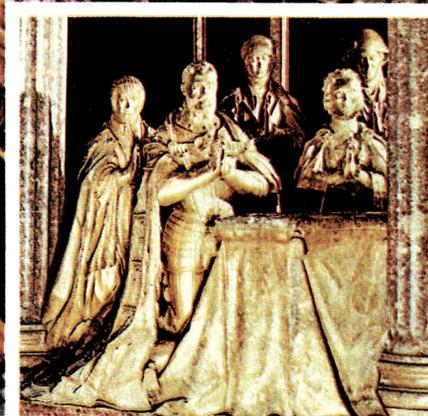

(Окончание. Начало
см. на стр. 17)

На Эль-Эскориаль тихо спускается южный вечер. Обычно посетители монастыря покидают его с наступлением сумерек, так как внутренние помещения, длинные коридоры и межэтажные переходы не имеют электрического освещения. Но еще долго при свете выглянувшей луны в прозрачных водах королевских прудов будут отражаться старинные портики, расположенные по углам монастыря смотровые башни и мощные дворцовые стены. Средневековая история, застывшая в рукотворном камне, имя которой — Эль-Эскориаль, — это еще один маленький мостик между прошлым и будущим, частичка живущей в веках национальной культуры древней и вечно молодой Испании.

Юрий СИГОВ
Эль-Эскориаль — Мадрид

Индекс 70142
Цена 95 коп.

ВОКРУГ
СВЕТА